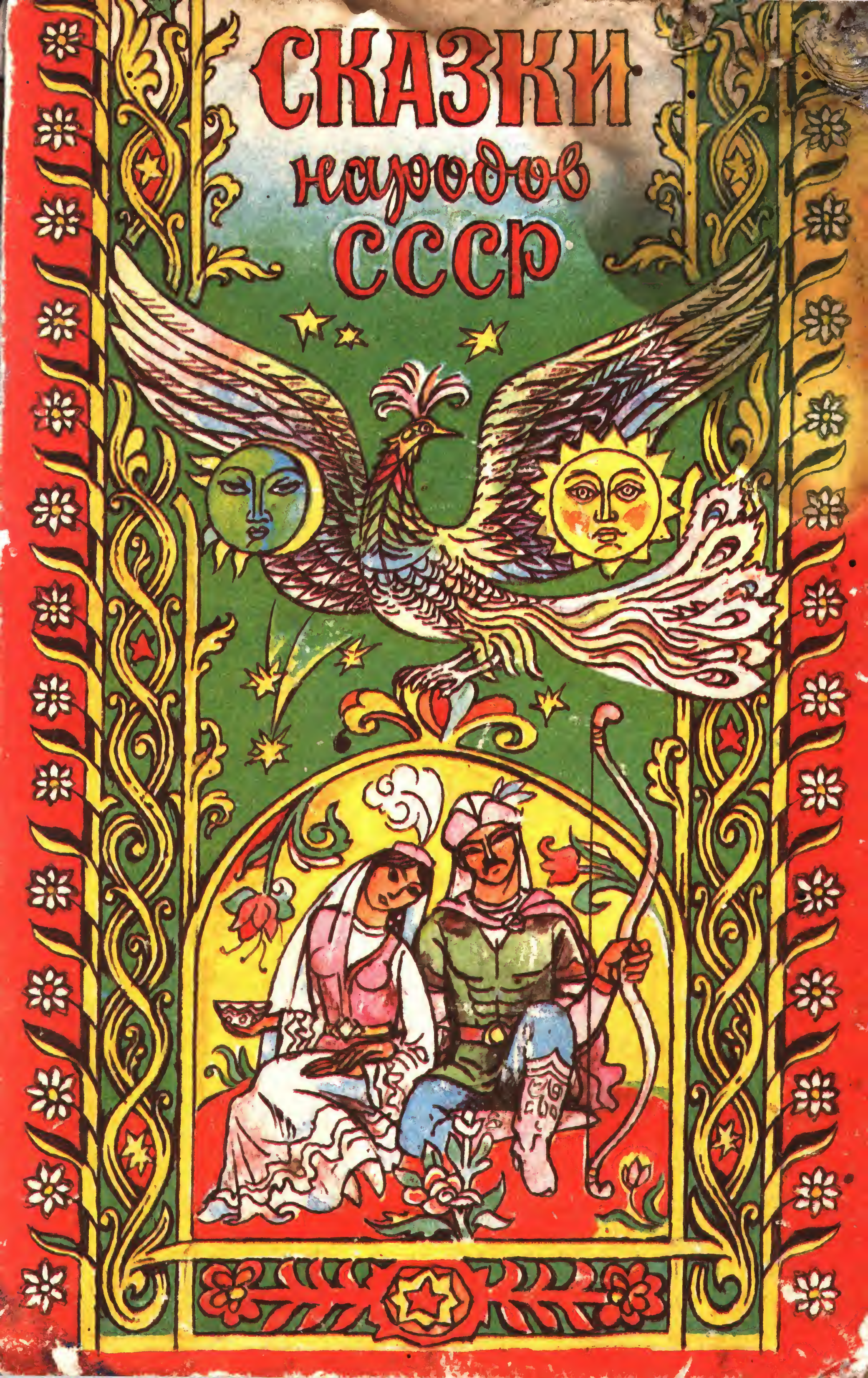

СКАЗКИ
народов
СССР

СКАЗКИ народов СССР

Иллюстрации
Евгения Кудинова

АЛМА-АТА
«ЖАЛЫН»
1987

Рецензент *Б. Каирбеков,* член СП СССР

Составитель *Г. Ертлесова*

С 42 **Сказки народов СССР.**— Алма-Ата: Жалын, 1987.—256 с.

Красочно иллюстрированный сборник сказок народов СССР.

82.3(2)

С $\frac{4803000000-170}{408(05)87}$ 110—86

СКАЗКИ НАРОДОВ РСФСР

Русские народные сказки

ИВАН-ЦАРЕВИЧ И СЕРЫЙ ВОЛК

Жил-был царь Берендей, у него было три сына, младшего звали Иваном.

И был у царя сад великолепный: росла в том саду яблоня с золотыми яблоками. Стал кто-то царский сад посещать, золотые яблоки воровать. Царю жалко стало своего сада. Посылает он туда караулы. Никакие караулы не могут уследить похитника[1].

Царь перестал и пить и есть, затосковал. Сыновья отца утешают:

— Дорогой наш батюшка, не печалься, мы сами станем сад караулить.

Старший сын говорит:

— Сегодня моя очередь, пойду стеречь сад от похитника.

Отправился старший сын. Сколько ни ходил — с вечеру никого не уследил, припал на мягкую траву и уснул.

Утром царь его спрашивает:

— Ну-ка, не обрадуешь ли меня: не видал ли ты похитника?

— Нет, родимый батюшка, всю ночь не спал, глаз не смыкал, а никого не видал.

На другую ночь пошёл средний сын караулить — и тоже проспал всю ночь, а наутро сказал, что не видал похитника.

Наступило время младшего сына идти стеречь. Пошёл Иван-царевич стеречь отцов сад — и даже присесть боится, не то что прилечь. Как его сон задолит, он росой с травы умоется — сон и прочь с глаз.

Половина ночи прошла, ему и чудится: в саду свет. Светлее и светлее. Весь сад осветило. Он видит — на яблоню села Жар-птица и клюёт золотые яблоки.

Иван-царевич тихонько подполз к яблоне и поймал птицу за хвост. Жар-птица встрепенулась и улетела, осталось у него в руках одно перо от её хвоста.

Наутро приходит Иван-царевич к отцу.

---

[1] *Похитник* — вор.

— Ну что, дорогой мой Ваня, не видал ли ты похитника?

— Дорогой батюшка, поймать не поймал, а проследил, кто наш сад разоряет. Вот от похитницы память вам принёс. Это, батюшка, Жар-птица.

Царь взял это перо и с той поры стал и пить и есть, и печали не знать. Вот в одно прекрасное время ему и раздумалось об этой Жар-птице.

Позвал он сыновей и говорит им:

— Дорогие мои дети, оседлали бы вы добрых коней, поездили бы по белу свету, места познавали, не напали бы где на Жар-птицу.

Дети отцу поклонились, оседлали добрых коней и отправились в путь-дорогу: старший в одну сторону, средний в другую, а Иван-царевич в третью сторону.

Ехал Иван-царевич долго ли, коротко ли. День был летний. Приустал Иван-царевич, слез с коня, спутал его, а сам свалился спать.

Много ли, мало ли времени прошло, пробудился Иван-царевич, видит — коня нет. Пошёл его искать, ходил, ходил и нашёл своего коня — одни кости обглоданные.

Запечалился Иван-царевич: куда без коня идти в такую даль?

«Ну что же,— думает,— взялся — делать нечего».

И пошёл пеший. Шёл, шёл, устал до смерточки. Сел на мягкую траву и пригорюнился. Откуда ни возьмись бежит к нему Серый Волк:

— Что, Иван-царевич, сидишь пригорюнился, голову повесил?

— Как же мне не печалиться, Серый Волк? Остался я без доброго коня.

— Это я, Иван-царевич, твоего коня съел... Жалко мне тебя! Расскажи, зачем вдаль поехал, куда путь держишь?

— Послал меня батюшка поездить по белу свету, найти Жар-птицу.

— Фу, фу, тебе на своём добром коне в три года не доехать до Жар-птицы. Я один знаю, где она живёт. Так и быть — коня твоего съел, буду тебе служить верой-правдой. Садись на меня да держись крепче.

Сел Иван-царевич на него верхом, Серый Волк и поскакал — синие леса мимо глаз пропускает, озёра хвостом заметает. Долго ли, коротко ли, добегают они до высокой крепости. Серый Волк и говорит:

— Слушай меня, Иван-царевич, запоминай: полезай через стену, не бойся — час удачный, все сторожа спят. Увидишь в тереме окошко, на окошке стоит золотая клетка, а в клетке сидит Жар-птица. Ты птицу возьми, за пазуху положи, да смотри клетки не трогай!

Иван-царевич через стену перелез, увидел этот терем — на окошке стоит золотая клетка, в клетке сидит Жар-птица.

Он птицу взял, за пазуху положил, да засмотрелся на клетку. Сердце его и разгорелось: «Ах какая — золотая, драгоценная! Как такую не взять!» И забыл, что Волк ему наказывал. Только дотронулся до клетки, пошёл по крепости звук: трубы затрубили, барабаны забили; сторожа пробудились, схватили Ивана-царевича и повели его к царю Афрону.

Царь Афрон разгневался и спрашивает:

— Чей ты, откуда?

— Я царя Берендея сын, Иван-царевич.

— Ай, срам какой! Царский сын, да пошёл воровать.

— А что же, когда ваша птица летала, наш сад разоряла?

— А ты бы пришёл ко мне, по совести попросил, я бы её так отдал, из уважения к твоему родителю, царю Берендею. А теперь по всем городам пущу нехорошую славу про вас... Ну ладно, сослужишь мне службу, я тебя прощу. В таком-то царстве у царя Кусмана есть конь златогривый. Приведи его ко мне, тогда отдам тебе Жар-птицу с клеткой.

Загорюнился Иван-царевич, идёт к Серому Волку. А Волк ему:

— Я же тебе говорил: не шевели клетку! Почему не слушал мой наказ?

— Ну прости же ты меня, прости, Серый Волк.

— То-то, прости... Ладно, садись на меня. Взялся за гуж, не говори, что не дюж.

Опять поскакал Серый Волк с Иваном-царевичем. Долго ли, коротко ли, добегают они до той крепости, где стоит конь златогривый.

— Полезай, Иван-царевич, через стену; сторожа спят, иди на конюшню, бери коня, да смотри уздечку не трогай!

Иван-царевич перелез в крепость, там все сторожа спали, зашёл на конюшню, поймал коня златогривого, да позарился на уздечку — она золотом, дорогими камнями убрана, в ней златогривому коню только и гулять.

Иван-царевич дотронулся до уздечки — пошёл звук по всей крепости: трубы затрубили, барабаны забили; сторожа проснулись, схватили Ивана-царевича и повели к царю Кусману.

— Чей ты, откуда?

— Я Иван-царевич.

— Эка, за какие глупости взялся — коня воровать! На это простой мужик не согласится. Ну ладно, прощу тебя, Иван-царевич, если сослужишь мне службу. У царя Далмата есть дочь Елена Прекрасная. Похить её, привези ко мне, подарю златогривого коня с уздечкой.

Ещё пуще пригорюнился Иван-царевич, пошёл к Серому Волку.

— Говорил я тебе, Иван-царевич: не трогай уздечку! Не послушал ты моего наказа.

— Ну прости же меня, прости, Серый Волк.

— То-то, прости... Да уж ладно, садись мне на спину.

Опять поскакал Серый Волк с Иваном-царевичем. Добегают они до царя Далмата. У него в крепости в саду гуляет Елена Прекрасная с мамушками, нянюшками. Серый Волк говорит:

— В этот раз я тебя не пущу, сам пойду. А ты ступай обратно путём-дорогой, я тебя скоро нагоню.

Иван-царевич пошёл обратно путём-дорогой, а Серый Волк перемахул через стену — да в сад. Засел за куст и глядит: Елена Прекрасная вышла со своими мамушками, нянюшками. Гуляла, гуляла и — только приотстала от мамушек и нянюшек, Серый Волк ухватил Елену Прекрасную, перекинул через спину — и наутёк.

Иван-царевич идёт путём-дорогой, вдруг настигает его Серый Волк, на нём сидит Елена Прекрасная.

Обрадовался Иван-царевич, а Серый Волк ему:

— Садись на меня скорей, как бы за нами погони не было.

Помчался Серый Волк с Иваном-царевичем, с Еленой Прекрасной обратной дорогой — синие леса мимо глаз пропускает, реки, озёра хвостом заметает. Долго ли, коротко ли, добегают они до царя Кусмана. Серый Волк спрашивает:

— Что, Иван-царевич, приумолк, пригорюнился?

— Да как же мне, Серый Волк, не печалиться? Как расстанусь с такой красотой? Как Елену Прекрасную на коня буду менять?

— Не разлучу я тебя с такой красотой — спрячем её где-нибудь, а я обернусь Еленой Прекрасной, ты и веди меня к царю.

Тут они Елену Прекрасную спрятали в лесной избушке. Серый Волк перевернулся через голову и сделался точь-в-точь Еленой Прекрасной. Повёл его Иван-царевич к царю Кусману. Царь обрадовался, стал его благодарить:

— Спасибо тебе, Иван-царевич, что достал мне невесту. Получай златогривого коня с уздечкой.

Иван-царевич сел на этого коня и поехал за Еленой Прекрасной. Взял её, посадил на коня, и едут они путём-дорогой.

А царь Кусман устроил свадьбу, пировал весь день до вечера, а как надо было спать ложиться, повёл он Елену Прекрасную в спальню, да только лёг с ней на кровать, глядит волчья морда вместо молодой жены! Царь со страху свалился с кровати, а Волк удрал прочь.

Нагоняет Серый Волк Ивана-царевича и спрашивает:

— О чём задумался, Иван-царевич?

— Как же мне не думать? Жалко расставаться с таким сокровищем — конём златогривым, менять его на Жар-птицу.

— Не печалься, я тебе помогу.

Вот доезжают они до царя Афрона. Волк и говорит:

— Этого коня и Елену Прекрасную ты спрячь, а я обернусь конём златогривым, ты меня и веди к царю Афрону.

Спрятали они Елену Прекрасную и златогривого коня в лесу.

Серый Волк перекинулся через спину, обернулся златогривым конём. Иван-царевич повёл его к царю Афрону. Царь обрадовался и отдал ему Жар-птицу с золотой клеткой.

Иван-царевич вернулся пеший в лес, посадил Елену Прекрасную на златогривого коня, взял золотую клетку с Жар-птицей и поехал путём-дорогой в родную сторону.

А царь Афрон велел привести к себе дарёного коня и только хотел сесть на него — конь обернулся серым волком. Царь со страху где стоял, там и упал, а Серый Волк пустился наутёк и скоро догнал Ивана-царевича.

— Теперь прощай, мне дальше идти нельзя.

Иван-царевич слез с коня и три раза поклонился до земли, с уважением отблагодарил Серого Волка. А тот говорит:

— Не навек прощайся со мной, я ещё тебе пригожусь.

Иван-царевич думает: «Куда же ты ещё пригодишься? Все желания мои исполнены». Сел на златогривого коня, и опять поехали они вместе с Еленой Прекрасной, с Жар-птицей. Доехал до своих краёв, вздумалось ему пополдневать. Было у него с собой немного хлебушка. Ну, они поели, ключевой воды попили и легли отдыхать.

Только Иван-царевич заснул, наезжают на него его братья. Ездили они по другим землям, искали Жар-птицу, вернулись с пустыми руками.

Наехали и видят — у Ивана-царевича всё добыто. Вот они и сговорились:

— Давай убьём брата, добыча вся будет наша.

Решили — и убили Ивана-царевича. Сели на златогривого коня, взяли Жар-птицу, посадили на коня Елену Прекрасную и устрашили её:

— Дома не сказывай ничего!

Лежит Иван-царевич мёртвый, над ним уж вороны летают. Откуда ни возьмись прибежал Серый Волк и схватил ворона с воронёнком:

— Ты лети-ка, ворон, за живой и мёртвой водой. Принесёшь мне живой и мёртвой воды, тогда отпущу твоего воронёнка.

Ворону делать нечего, полетел, а Волк держит его воронёнка. Долго ли ворон летал, коротко ли, принёс он живой и мёртвой воды. Серый Волк спрыснул мёртвой водой раны Ивану-царевичу, раны зажили; спрыснул его живой водой — Иван-царевич ожил.

— Ох, крепко же я спал!..

— Крепко ты спал,— говорит Серый Волк.— Кабы не я, совсем бы не проснулся. Родные братья тебя убили и всю добычу твою увезли. Садись на меня скорей.

Поскакали они в погоню и настигли обоих братьев. Тут их Серый Волк растерзал и клочки по полю разметал.

Иван-царевич поклонился Серому Волку и попрощался с ним навечно.

Вернулся Иван-царевич домой на коне златогривом, привёз отцу своему Жар-птицу, а себе — невесту, Елену Прекрасную.

Царь Берендей обрадовался, стал сына спрашивать. Стал Иван-царевич рассказывать, как помог ему Серый Волк достать добычу, да как братья убили его сонного, да как Серый Волк их растерзал.

Погоревал Берендей и скоро утешился. А Иван-царевич женился на Елене Прекрасной, и стали они жить-поживать да горя не знать.

МОРОЗКО

Живало-бывало — жил дед да с другой женой. У деда была дочка, и у бабы была дочка.

Все знают, как за мачехой жить: перевернёшься — бита, и не довернёшься — бита. А родная дочь что ни сделает — за всё гладят по головке: умница.

Падчерица и скотину поила-кормила, дрова и воду в избу носила, печь топила, избу мела — ещё до свету... Ничем старухе не угодишь — всё не так, всё худо.

Ветер хоть пошумит, да затихнет, а старая баба расходится — не скоро уймётся. Вот мачеха и придумала падчерицу со свету сжить.

— Вези, вези её, старик,— говорит мужу,— куда хочешь, чтобы мои глаза её не видали! Вези её в лес, на трескучий мороз.

Старик затужил, заплакал, однако делать нечего, бабы не переспоришь.

Запряг лошадь.

— Садись, мила дочь, в сани.

Повёз бездомную в лес, свалил в сугроб под большую ель и уехал.

Девушка сидит под елью, дрожит, озноб её пробирает. Вдруг слышит — невдалеке Морозко по ёлкам потрескивает, с ёлки на ёлку поскакивает, пощёлкивает. Очутился на той ели, под которой девица сидит, и сверху её спрашивает:

— Тепло ли тебе, девица?

— Тепло, Морозушко, тепло, батюшка.

Морозко ещё ниже спустился, пуще затрещал, сильнее защёлкал:

— Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная? Тепло ли тебе, лапушка?

Девица окостеневать стала, чуть-чуть языком шевелит:

— Ой, тепло, голубчик Морозушко!

Тут Морозко сжалился над девицей, окутал её тёплыми шубами, отогрел пуховыми одеялами.

А мачеха по ней уже поминки справляет, печёт блины и кричит мужу:

— Ступай, старый хрыч, вези свою дочь хоронить!

Поехал старик в лес, доезжает до того места — под большой елью сидит его дочь, весёлая, румяная, в собольей шубе, вся в золоте, в серебре, и около — короб с богатыми подарками.

Старик обрадовался, положил всё добро в сани, посадил дочь, привёз домой.

А дома старуха печёт блины, а собачка под столом:

— Тяф, тяф! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину замуж не берут.

Старуха бросит ей блин:

— Не так тявкаешь! Говори: «Старухину дочь замуж берут, а стариковой дочери косточки везут...»

Собака съест блин и опять:

— Тяф, тяф! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину дочь замуж не берут.

Старуха и блины ей кидала, и била её, а собака всё своё...

Вдруг заскрипели ворота, отворилась дверь, в избу идёт падчерица — в злате-серебре, так и сияет. А за ней несут короб высокий, тяжёлый. Старуха глянула — и руки врозь...

— Запрягай, старый хрыч, другую лошадь! Вези, вези мою дочь в лес да посади на то же место...

Старик посадил старухину дочь в сани, повёз её в лес на то же место, вывалил в сугроб под высокой елью и уехал.

Старухина дочь сидит, зубами стучит.

А Морозко по лесу потрескивает, с ёлки на ёлку поскакивает, пощёлкивает, на старухину дочь поглядывает.

— Тепло ли тебе, девица?

А она ему:

— Ой, студёно! Не скрипи, не трещи, Морозко...

Морозко стал ниже спускаться, пуще потрескивать, пощёлкивать.

— Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

— Ой, руки-ноги отмёрзли! Уйди, Морозко...

Ещё ниже спустился Морозко, сильнее приударил, затрещал, защёлкал.

— Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

— Ой, совсем застудил! Сгинь, пропади, проклятый Морозко!

Рассердился Морозко да так хватил, что старухина дочь окостенела.

Чуть свет старуха посылает мужа:

— Запрягай скорее, старый хрыч, лошадь, поезжай за дочерью, привези её в злате-серебре...

Старик уехал... А собачка под столом:

— Тяф, тяф! Старикову дочь женихи возьмут, а старухиной дочери в мешке косточки везут.

Старуха кинула ей пирог:

— Не так тявкаешь! Скажи: «Старухину дочь в злате серебре везут».

А собачка всё своё:

— Тяф, тяф! Старухиной дочери в мешке косточки везут.

Заскрипели ворота, старуха кинулась встречать дочь. Рогожу отвернула, а дочь лежит в санях мёртвая.

Заголосила старуха, да поздно.

Аварская народная сказка

ЧЁРНАЯ ЛИСИЦА

В незапамятные времена в неведомой земле в неизвестном месте жил юноша по имени Гамзат. Родни-друзей у него не было, всё добро его в сумке помещалось, и решил он пойти по белу свету — друзей поискать, родню завести, богатство раздобыть. Решил и пошёл.

Шёл он, шёл, вот уже позади остались широкие долины, глубокие ущелья, просторные степи. И пришёл он наконец к берегу моря.

Видит, на песке лежит громадная рыба. Бьёт она хвостом и плавниками изо всей силы, а в воду сползти не может. И умирать не умирает, и жить не живёт.

«Ну и повезло мне,— подумал юноша.— Такая добыча досталась!»

Подбежал он к рыбе и хотел уже заколоть её, как вдруг заговорила рыба человеческим голосом:

— Не убивай меня, Гамзат! Столкни меня в море — в день беды я пригожусь тебе, сослужу тебе службу.

— Как же я найду тебя в день беды?— говорит Гамзат.

— А вот как,— отвечает рыба.— Срежь один мой ус и спрячь хорошенько. А случится беда — приди на берег и сожги его. Не успеет он сгореть, как я выплыву к тебе, где бы ни была, в каких бы морях ни плавала.

Гамзат так и сделал: срезал рыбий ус, спрятал его за пазуху, а рыбу в воду столкнул. И дальше в путь отправился.

Шёл он, шёл, много ли шёл, мало ли шёл, и пришёл в лес.

Долго блуждал Гамзат по лесу и вдруг видит: мечется в лесной чаще олень могучий. Одна нога его в расщелине пня застряла. Рвётся олень, дёргается, на месте не стоит и с места сойти не может.

«Везёт мне сегодня»,— подумал Гамзат и уже за ружьё взялся.

Но тут вдруг заговорил олень человеческим голосом:

— Не убивай меня, Гамзат. Избавь меня от беды. А если к тебе придёт беда — и я сослужу тебе службу, заплачу тебе добром за добро.

— Как же я найду тебя, когда придёт ко мне беда? — говорит Гамзат.

— А вот как: вырви из моей шерсти один волосок и спрячь его. И когда понадоблюсь я тебе, сожги этот волос. И где бы ни был я, хоть за тридевять земель, я сразу явлюсь перед тобой.

Послушал Гамзат оленя. Вырвал волосок из его шерсти и отпустил оленя на волю.

А сам опять ни с чем пошёл дальше.

Шёл он, шёл — и видит: стоит в лесу громадный дуб, ветвями прямо в небо упирается. На самой вершине дуба орлиное гнездо висит, в гнезде орлята пищат, а по стволу ползёт к ним страшный змей.

Тут и раздумывать не стал Гамзат. Подскочил к дереву и разрубил змея надвое.

А птенцы хоть и видят, что змей на земле мёртвый лежит, кричат Гамзату:

— Не уходи, добрый Гамзат, побудь с нами, пока наша мать не вернётся с охоты.

Пожалел Гамзат птенцов, взобрался на дерево, сидит сторожит орлят, чтобы им страшно не было.

Вдруг потемнело кругом, зашумели, закачались деревья.

Взглянул Гамзат на небо, видит — это орлица летит к своему гнезду.

Взмахнёт орлица крыльями — ветер поднимается, раскинет крылья — тучи соберутся.

А когда села орлица на дерево, весь лес к земле приклонился.

Посмотрела орлица на юношу и сказала:

— Пернатое племя на сто вёрст не подлетает к моему гнезду. Скажи мне, кто ты таков, откуда пришёл — с неба ли спустился, или с земли поднялся?

Но не успел Гамзат ещё рта открыть, запищали, заговорили птенцы:

— Он убил змея, который хотел нас задушить. А сюда подняться мы его сами просили. Нам одним страшно стало.

Опять посмотрела орлица на Гамзата и сказала:

— Ещё ни одному человеку не говорила я «спасибо», а тебе говорю.

Потом вырвала она из своей груди перо и дала Гамзату.

— Возьми это перо. Когда придёт к тебе беда, сожги его, и, где бы я ни была, хоть за семью небесами летала, тотчас явлюсь к тебе.

Спрятал Гамзат перо за пазуху, туда, где лежали рыбий ус

и оленья шерстинка, попрощался с орлицей и орлятами и спу стился с дерева.

Всё дальше и дальше идёт Гамзат. Вот и лес кончился, вышел Гамзат в широкое поле.

Вдруг видит — прямо на него бежит чёрная лисица, а за нею гонится стая борзых.

Хотел было Гамзат пристрелить лисицу, но взмолилась она человеческим голосом:

— Не убивай меня, Гамзат, спрячь от собак, а если за тобой когда-нибудь погонится беда, тогда я спрячу тебя от беды.

— Ладно,— говорит Гамзат,— залезай в мою сумку.

Подождал Гамзат, пока стая борзых пронеслась мимо, и выпустил лису.

А она говорит ему:

— Выдерни, Гамзат, один волосок из моей шерсти и, когда я понадоблюсь тебе, сожги его.

Гамзат так и сделал: вырвал один волосок из шерсти лисицы, положил за пазуху и пошёл своей дорогой.

Много ли шёл, мало ли шёл, и дошёл до какого-то города. Посреди города стоит дворец, железным забором обнесённый, и на каждый шест человеческая голова насажена.

А людей нигде и не видно, и не слышно.

Ходил-ходил Гамзат по городу и наконец постучался в какой-то дом.

Вышла к Гамзату старая-престарая старуха.

— Не примешь ли гостя?— спрашивает Гамзат.

— Почему не принять? Приму,— отвечает старуха.

— А скажи-ка, бабушка,— спрашивает опять Гамзат,— что за дворец стоит, железными шестами огороженный, и чьи это головы на железные шесты насажены?

— Э, издалека же ты пришёл, если ничего не знаешь,— сказала старуха.— Ну так слушай меня. У нашего царя есть дочь. Ни за кого она не хочет замуж — ни за богатого, ни за храброго, ни за красивого, ни за удалого,— а за того хочет, кто сумеет от неё спрятаться. До трёх раз дозволяет она прятаться, и кого три раза найдёт, тому голову отрубит и голову на кол насадит. Много юношей из-за неё погибло, а мужем её никто не стал.

— Пусть будет что будет,— сказал Гамзат.— Пойду и я свататься к ней.

— Не ходи, сын мой,— сказала старуха.— Кто делает то, чего не следует, тот беду на себя накличет. Под землёй ли, на небе ли — где бы ты ни спрятался, она повсюду тебя разыщет. Пропадёшь ни за что, как другие пропали.

— Что ж,— говорит Гамзат,— почему бы и мне не испытать что другие испытали?

И отправился во дворец.

Пришёл да как закричит громким голосом:

— Царь! Выходи на зятя посмотреть!

Царь услышал и говорит дочери:

— Иди, дочь моя, дай ему ответ.

Поднялась царевна на башню и говорит:

— Слушай меня, юноша! Если хочешь жениться на мне, покажи сначала свой ум и ловкость, спрячься от меня хорошенько. Если не найду тебя — значит, ты нашёл жену. А если найду — значит, нашёл ты смерть. До трёх раз позволю тебе прятаться, а там уж на себя пеняй. Ну что, согласен?

— Согласен,— говорит Гамзат.

А сам пошёл на берег моря, вынул из-за пазухи рыбий ус и сжёг. И тотчас вынырнула к нему со дна моря громадная рыба.

— Зачем зовёшь меня, Гамзат?— спрашивает.

Говорит ей Гамзат:

— Не спрячешь ли ты меня куда-нибудь, да так, чтобы не нашла меня царевна?

— Что ж, спрячу,— говорит рыба.— Лезь ко мне в брюхо.— И разинула пасть.

Спрятался Гамзат в рыбьем брюхе, а рыба нырнула на самое дно и легла брюхом на песок.

Стоит царевна на высокой башне, вниз глядит, вверх глядит, во все четыре стороны глядит — нигде юношу не видит.

А Гамзат сидит в рыбьем брюхе и усмехается.

Да на его беду проплывал мимо окунёк, не утерпела рыба, разинула пасть. Тут царевна и увидела Гамзата.

— Выходи, выходи!— закричала она.— Вижу тебя! Ты в рыбьем брюхе спрятался! Прячься во второй раз.

Что делать, выбрался Гамзат из рыбьего брюха, достал оленью шерстинку и сжёг её.

И в тот же миг прибежал к нему олень.

— Какая беда случилась с тобой, Гамзат?— спрашивает.

— Беда ещё впереди,— говорит Гамзат.— Не быть мне живым, если ты не спрячешь меня от глаз царевны.

— Садись мне на спину,— сказал олень.— Спрячу тебя!

Вскочил Гамзат на оленя, ухватился за его рога, и понёс его быстроногий олень через семь гор, через семь ущелий в скалистую пещеру. Спрятал его в глубине пещеры, а сам у входа лёг, своим телом загородил.

Смотрит царевна со своей башни и вверх и вниз, и туда и сюда — нигде нет Гамзата.

«Теперь-то ей не найти меня!»— радуется Гамзат.

И вдруг пролетел мимо оленя комар, запищал, зажужжал и сел оленю на голову. Не утерпел олень, махнул головой и приоткрылась щёлочка в пещеру.

Тут сразу и разглядела царевна Гамзата.

— Выходи! Выходи!— кричит.— Вижу я тебя! Ты в пещере! Ещё один раз остаётся тебе спрятаться, а потом отрублю тебе голову и на шест посажу.

Вышел Гамзат из пещеры.

«Ну,— думает,— рыба меня не выручила, олень не выручил, может, орлица выручит».

Достал из-за пазухи перо орлицы и сжёг его.

И в ту же минуту с неба слетела к его ногам орлица.

— Ты повсюду летаешь,— сказал ей Гамзат,— не знаешь ли места, где бы мне от царевны спрятаться?

Подхватила его орлица и понесла через семь небес в самую середину чёрной тучи. Такая там тьма, что сам себя Гамзат не видит.

Смотрела царевна, смотрела — и вниз и вверх, и вправо и влево, и вперёд и назад — нет нигде Гамзата. И вдруг поднялся ветер, развеял тучу, и увидела царевна Гамзата.

— Нашла тебя, нашла!— закричала она.— Вот ты где, на крыльях у орлицы, на седьмом небе!

Нечего делать. Пришлось Гамзату спуститься с неба на землю.

Приходит он во дворец. а там уже палач секиру для него готовит.

Жалко Гамзату своей головы. Стал он просить царевну:

— Позволь мне ещё раз спрятаться!

Подумала царевна, подумала и говорит:

— Не пристало царской дочери своё слово нарушать. Ну да так и быть! Покажи мне ещё раз свою ловкость. А мой палач подождёт немного. Получше секиру наточит!

Вышел Гамзат в поле, достал волосок из лисьей шерсти и сжёг.

И сразу прибежала к нему лисица.

— Что хочешь от меня, Гамзат?— спрашивает.

Рассказал ей Гамзат о своей беде.

— Если ты не выручишь меня,— говорит,— никто не выручит. Развяжи-ка мешок своих хитростей и спрячь меня так, чтобы не нашла меня царевна.

Ну, лиса и есть лиса. Обернулась она чужестранным купцом-разносчиком, Гамзата в блоху превратила и говорит:

— Слушай, что скажу: стану я ходить перед дворцом, товар свой расхваливать, царевна меня и позовёт наверх. И пока будет она парчу-самоцветы перебирать, ты прыгни на царя да где-нибудь в складках его платья и притаись. Клянусь своей лисьей честью, что не найдёт тебя царевна.

Так всё и случилось. Смотрела царевна со своей башни и вверх и вниз, и вправо и влево, и вперёд и назад — нигде Гамзата нет.

А тут вдруг подошёл ко дворцу купец с целым коробом товаров. Ходит около дворца и кричит:

— Кому парча нужна? Кому сафьяны? Кто самоцветы купит? Самые лучшие! Самые красивые! Блестят, как солнце! Светятся, как луна!

Не утерпела царевна, позвала купца наверх, стала выбирать

себе заморские украшения. А Гамзат тем временем прыг из короба — и прямо на царя.

Ушёл купец. Снова принялась царевна высматривать Гамзата.

За семью небесами его видела, на дне морском видела, под землёй видела, а рядом с собой не видит.

— Ну как, дочь моя, нашла Гамзата?— спрашивает царь.

— Нет, батюшка,— отвечала царевна.— Нет его нигде, не найти мне его.

И только сказала, блоха прыг на пол и обернулась Гамзатом.

— Раз не нашла ты своего жениха,— говорит Гамзат,— значит, я свою невесту нашёл.

Что тут долго толковать? Сейчас же стали в медные барабаны бить, из пушек стрелять, дудки заиграли, зурны загудели — пусть все знают: Гамзат женится на царской дочери.

Печальный на той свадьбе развеселился, голодный насытился, а я оставил всех за едой и питьём, за плясками и пеньем и к вам пришёл, чтобы эту сказку рассказать.

Адыгейская народная сказка

КТО БОЛЬШЕ?

Было это или нет, не скажу. А старики говорят — было. Жили в наших землях три брата, и был у них такой огромный бык, что пасся он, не сходя с места, сразу на семи лугах, а воду пил из семи рек.

Однажды он выпил всю воду из семи рек, и братья погнали его на водопой на самую большую реку, на Кубань. Старший сидел впереди, на голове быка, средний — в середине, на спине, а младший — у самого хвоста. Навстречу ехал всадник. Он увидел необычайного быка и закричал старшему из братьев, который сидел на голове меж рогов:

— Что за чудо! Куда ты его гонишь?

— Я гоню нашего быка на водопой. Когда увидишь моего среднего брата — он сидит на спине быка,— передай, чтобы получше его погонял, нам надо спешить.

Всадник доехал до среднего брата только на другой день.

— Твой старший брат просил тебя получше погонять быка!

— Мне не справиться одному. Скажи об этом нашему младшему брату, он сидит возле хвоста,— говорит средний брат.

Всадник ехал до младшего брата ещё целый день. Он передал ему слова старшего, попрощался и уехал. А братья пригнали быка на Кубань. Бык как начал пить, так и пил не отрываясь, пока не осушил реку. Братья говорят:

— Наконец наш бык напился. Пусть немного отдохнёт, попасётся на лугу, и можно возвращаться домой.

Вдруг с неба ринулся орёл. Он схватил быка цепкими лапами и взмыл за облака. Братья удивились, опечалились и пошли домой пешком.

На лугу старик пас козла. Вдруг пошёл дождь. Старик спрятался от дождя под бородой козла. Орёл, который уже доедал быка, спустился с бычьей лопаткой на рога козла. Дождь кончился. Старик вышел из-под бороды козла. Орёл от неожиданности испугался, взлетел и выронил бычью лопатку. Она попала старику в глаз. Старик подумал: «Попала соринка, надо бы вынуть». Вечером попросил своих снох вынуть соринку, но те ничего в его глазу не заметили. Тогда табунщик из соседнего аула взялся вынуть соринку. Он взял с собой длинную верёвку и залез в глаз старика. Долго там бродил и отыскал бычью лопатку. Но вынуть её сам он, конечно, не мог. Он обвязал лопатку верёвкой, а сам выпрыгнул из глаза и по верёвке спустился вниз. К этому концу верёвки он привязал всех быков своего аула. Быки разом потянули и вытащили из глаза старика огромную бычью лопатку. Табунщик заставил быков оттащить её подальше в степь.

Прошло много лет. Бычья лопатка покрылась землей, земля заросла травой. Понравился этот холм людям. И вырос на холме большой аул. Люди не знали, что их аул расположился на бычьей лопатке. А хитрая лисица догадалась. Каждую ночь она стала прибегать и грызть кость. Пока она грызла, холм дрожал, и люди думали, что это землетрясение. Но землетрясение стало повторяться каждую ночь, и люди поняли: что-то тут другое. Они выставили на ночь караульных вокруг аула, и вот один из них заметил огромную лису, которая по ночам трясла их аул. Лиса была такая, что протянулась от реки до реки. Людям понравилась огненно-рыжая лисья шкура, и они содрали её с одного бока лисы. Из этой шкуры всему большому аулу сшили лисьи шубы и папахи. Но перевернуть лису на другой бок люди не могли, поэтому половина шкуры осталась не содранной.

Однажды шла на реку за водой женщина из соседнего аула. Она увидела наполовину ободранную лису, подцепила её носком, перевернула на другой бок, нагнулась и сорвала с неё другую половину шкуры.

— Сошью моему маленькому сыну папаху,— сказала она,— но этого не хватит, надо будет добавить меха.

Она добавила триста овчин и сшила сыну папаху.

С моря подул сильный ветер и разбросал по степи кости этой лисы. Череп лисы долго катился на восток и остановился в калмыцкой степи. Туда, к калмыкам, адыгейцы ездят за солью. Ехало однажды за солью сорок арб, каждая была запряжена парой быков. Погонщики от жары заснули. Пошёл дождь. Быки увидели укрытие и заехали в него. Это был череп лисы.

За первой арбой заехали в череп и остальные. Все сорок укрылись там от дождя. Но вот погонщики проснулись, испугались, начали кричать. Невдалеке стояла калмыцкая кибитка. Собака, которая лежала возле кибитки, услышала шум, подбежала к черепу, обнюхала его, потом взяла в зубы и притащила в кибитку. Калмыки проснулись, думают: «Что за шум?» Потом поняли: шум идёт от лисьего черепа, который валяется на полу. Они сказали мальчику:

— Посмотри, что там шевелится в черепе.

Мальчик вывел оттуда сорок арб, запряжённых быками. Хозяин кибитки спросил:

— Что это вы там делаете, зачем туда забрались?

— Мы приехали к вам за солью!

Хозяин засмеялся:

— Приехали за солью, а заблудились в лисьем черепе!— Он вынул из кармана комок соли и положил перед гостями. Для них этот комок показался горой. Они разбили его на куски, погрузили на сорок арб и, очень довольные, отправились домой.

Да, такое рассказывают наши старики. А вы подумайте и ответьте: кто тут был самым большим? Может быть, бык, мимо которого встречный всадник ехал два дня? Или орёл, который легко подхватил этого быка и унёс за облака? Или, может быть, козёл, на рога которого опустился орёл с бычьей лопаткой? А может, старик, которому эта лопатка попала в глаз и показалась соринкой? А может, рыжая лисица, которая протянулась от реки до реки, лисица, в череп которой заехало однажды сорок арб и каждая была запряжена парой быков? Или, может, собака, которая притащила в кибитку этот череп? А может быть, мальчик, которому не хватило на папаху шкуры этой лисицы?..

Алтайская народная сказка

ТАНЗАГАН — ОТЕЦ АЛТАЙЦЕВ

Давным-давно жил на Алтае старик Танзаган. Он ездил верхом на маленьком рыжем коне. Зубы у старика, как ячменные зёрна, пожелтели, кожа высохла, бородёнка белая стала, как у белого козла. Но сам старик лёгкий, быстрый был. Он не водил скота, не пахал земли, а жил охотою. Кочевал по дикой тайге, жил среди зверей и сам стал похож на лесного зверя.

Его узкие глаза видели ночью ясно, как белым днём. Уши его, заросшие щетиной, слышали барса в горах и крота под землёй. Нос чуял птицу в небе и рыбу в воде.

Однажды ехал старик Танзаган по глухой тайге, и вдруг открылось ему круглое, как небо, озеро. На берегу дрались два не сказать богатыря, не сказать героя, а две лягушки-великанши. Одна белая, другая бурая. Они ревели, будто быки, скакали, словно сарлыки[1]; как в песнях воспетые славные герои, швыряли друг друга то вверх, к небу, то вниз, в бездну.

Старик Танзаган на эту битву молча смотрел. Сколько на земле жил, такого не видывал.

Бурая лягушка вздулась, будто большая гора, и стала теснить белую к воде.

— Ква-а-а...— вскричала белая лягушка.— Ква-а-а... Неужто на голубом Алтае, на белом Алтае никто не придёт помочь?

Танзаган-старик тронул поводом своего маленького рыжего коня. Рыжий конь, мелко-мелко ногами перебирая, лёгкой трусцой к самому берегу озера прибежал.

— Почему дерётесь?— спросил старик.

Бурая лягушка в ответ только глазами сверкнула да огромной лапой погрозила.

А белая заплакала. Слёзы, будто крупные хрустальные пуговицы, так и посыпались из глаз.

Старик Танзаган повернулся в седле, поднял плеть и вытянул бурую лягушку по круглой спине. Та, даже не вскрикнув, мёртвая упала.

Белая, поджав передние лапы, Танзагану-старику поклонилась.

— Мою жизнь вы спасли, славный богатырь. Эта бурая алмыска со своим войском всё озеро заполонила. Сама-то погибла от вашей плети, но войско осталось. Никого к воде бурые алмысы[2] не пускают. Кто к озеру подойдёт — убивают, кто сам не подходит — того силой тащат. Капли воды моему народу глотнуть не дают.

— Видно, придётся мне воевать, с кем никто не воевал,— вздохнул старик,— придётся сразиться, с кем не сражались алыпы[3] в бронзовых доспехах, придётся драться, с кем не дрались герои в доспехах из меди.

— Почтенный Танзаган,— возразила лягушка,— этих бурых чудовищ не берёт меч из бронзы, не возьмёт и стрела с медным наконечником, убить их может только кровь рыжего коня.

— Если коня убью, как буду жить? Пешком ходить я не могу.

Лягушка смотрит на него глазами светлыми, как янтарь, зрачками тёмными, как агат.

— Не за себя прошу, за свой народ. Худого мы никому не желаем, зла не творим. Коня своего заколите, конскую кровь в озеро спустите.

Взглянул Танзаган на своего маленького рыжего коня, сердце

---

[1] *Сарлык* — як.

[2] *Алмысы* — злые духи.

[3] *Алып* — великан.

от жалости крохотным стало. Отвернулся старик, спешился, вытащил из тёмных камышовых ножен светлый нож, тронул острым лезвием шею коня.

Из синей жилы тихо полилась тёмная кровь, из красной жилы брызнула кровь ярко-алая.

Верный конь на передние колени пал, уронив голову на рыжую гриву. Его горячие глаза потускнели, тёплые губы похолодели.

От тёмной крови коня, от его алой крови озеро закипело. Кровь свернулась, и озеро затвердело, как сухая кора. В этой сухой крови чёрные чудища навек погребены.

А старик Танзаган сел на гнилой пень и заплакал:

— Ноги мои — коня — я зарезал, крылья свои — коня — я убил. Друга-товарища заколол...

Белая лягушка подошла, протянула жёлтую ленту:

— Мою благодарность примите.

Но старик ленты не берёт, даже взглянуть не хочет.

— Уважаемый богатырь, мой народ не обижайте, от подарка не отказывайтесь. Перед заходом солнца ленту двумя пальцами поднимите, взмахните. К утру любое желание будет исполнено.

Положила ленту у ног старика, и больше ни слова. Где была — следа нет, куда пошла — слуха нет.

Сунул Танзаган ленту в кисет и зашагал раскорякой. Ногами стебли и травы цепляет, о корни деревьев спотыкается. Ветки по голове стучат.

Перед заходом солнца сел на землю, собрал сухой валежник, снял с пояса огниво, высек искру — пламя охватило хворост. Потом Танзаган взял двумя пальцами ленту из кисета, взмахнул.

— Завтра чуть свет пусть лежат здесь, у моего костра, две маральи туши,— сказал так, лёг и уснул.

Утром проснулся, смотрит — две жирные маральи туши у костра лежат, а рядом две пары рогов, две шкуры и восемь копыт.

Старик подбросил хворосту в костёр, зажарил мясо, поел.

С этого дня расцвела жизнь Танзагана. Вечером скажет:

— Коня бы мне...— взмахнёт лентой, ляжет спать.

Утром, только откроет глаза, глядь — бесчисленные табуны рыжих кобылиц вокруг пасутся, а жеребцы не на жизнь, на смерть бьются — кому табун водить.

Перед заходом солнца только подумает: «Корову бы мне...» — к утру бродят в жирной траве неисчислимые стада.

К богатым стадам, к резвым табунам, к сладкой траве, к чистой воде и люди прикочевали, рядом с аилом старика свои аилы поставили. Раскинулось стойбище от западного края земли до восточного.

Ещё двух зим, двух вёсен не прошло, а сколько жирных коней закололи, в больших медных котлах сварили, сколько песен спели, сколько свадеб сыграли — не сосчитать! В каждом

аиле теперь плакали и смеялись дети, родившиеся в этом урочище.

На ноги дети встают, родителям своим крепкими ножонками подолы шуб топчут.

И заскучал старик Танзаган. Захотелось ему тоже своих детей у себя в аиле увидеть, на свою жену посмотреть.

Вот однажды вечером взмахнул он лентой и молвил:

— Завтра на заре красавица жена пусть в мой аил придёт.

Утром, едва небо побелело, старик проснулся — белая гусыня в аиле стоит.

Обиделся Танзаган:

— Нет стыда у белой лягушки. Добро, какое вздумаю, даёт, а жену попросил — обманула.

Снял со стены гибкий лук с тугой тетивой, вынул из колчана стрелу.

— Лети, белая гусыня! Спящего зверя, сидящую птицу я никогда не бью. Лети!

Сказанные слова ещё не остыли, глаза моргнуть не успели, Танзаган стрелу на тетиву ещё не положил, как белая гусыня встряхнулась, повернулась, красавицей обернулась. Волосы у неё, как вечернее небо, жёлто-бронзовые, губы, словно брови тетерева, светло-красные.

У Танзагана колени подогнулись, медленно на землю опустился. Веки часто-часто заморгали, узкие глаза блестят от слёз.

— Откуда вы пришли к нам? Куда путь держите?

— Я тринебесного Курбустана младшая дочь. С третьего неба к вашему костру пришла. Обратно на третье небо мне теперь никак нельзя — дымом вашего очага дышала, в вашем аиле побывала.

Старик Танзаган погладил заскорузлой рукой жёлто-бронзовые волосы. Колючей щекой тронул нежную, как лепесток маральника, щеку красавицы, взял её правую руку, тёмным лбом к её круглому колену припал:

— Вашим другом навек я буду.

— Будем всегда неразлучны,— отозвалась она.

Так рождённая третьим небом младшая дочь Курбустана стала женой человека. Одежду ему шила, пищу варила. Огонь в очаге старика Танзагана не угасал, котёл его, полный мяса, никогда не остывал.

Тринебесная красавица родила старику Танзагану двух сыновей и дочь. Дети подрастали, но мать их не старилась, прелесть её не блекла. Спереди на неё посмотришь — направо солнце стоит, налево — луна. Со спины взглянешь — звёзды мерцают.

Её лунно-солнечную красоту, её звёздную красоту дымом костра не закоптишь, сажей очага не запачкаешь.

Ни один человек не мог думать о ней без боли в сердце. И

люди ходили свирепые, как тетерева на току, как олени во время гона.

— Любого из нас бери себе в мужья. Разве старик Танзаган тебе муж?

Однако дочь Курбустана осталась в аиле старика.

Тогда люди сказали друг другу:

— Если на Алтае таких красавиц не было и нет, пусть и эта у нас не красуется, печень нам не бередит, сердце не печалит.

Но знали в народе — стрелы старика Танзагана на землю не падают, всегда метко в цель бьют. И смельчака не нашлось, героя не объявилось, кто бы отважился к берестяному аилу приблизиться.

Однажды бурой осенней порой поймал старик волосяным арканом девятилетнего коня из табуна, положил ему на спину потник, водрузил седло, затянул шестнадцатью подпругами. Потом взял свой крепкий лук, повесил через плечо, положил в колчан меткие стрелы, прицепил к поясу нож и кисет. Поставил левую ногу в медное литое стремя, правую перекинул через седло, дёрнул повод коня и поскакал на охоту, чтобы добыть горных теке-козлов, быстроногих джейранов и маралов с ветвистыми рогами.

Люди только и ждали этого дня. Смело подошли они к аилу старика, притащили сухого валежника, обложили аил хворостом и подожгли. Со свистом и треском вспыхнули берестяные стены. Высоко, к самому дну неба, побежало жаркое пламя. Вместе с пламенем вылетела из аила, обернувшись белой гусыней, младшая дочь тринебесного Курбустана.

Трое детей её тремя малыми птахами рванулись следом за матерью.

С богатой добычей вернулся с охоты старик Танзаган. Но на месте своего аила увидал он груду чёрных головёшек. Белым пеплом земля покрыта, седой золой запорошена.

Опустился старик на остывшую золу. Весь день молча сидел, горевал. Когда солнце ушло за горы и земля потемнела, увидал Танзаган — всходят на небо четыре новые звезды. Впереди всех мать тихо сияет, на плечах у неё сверкают два мальчика, на спине мерцает маленькая девочка.

Созвездием Белой Гусыни назвал старик эту семью и горько-горько заплакал:

— Дочерью тринебесного Курбустана пускай теперь люди любуются, нечистыми помыслами её не обижая. Пускай, на три малые звёздочки поглядев, вспомнят люди, как детей с отцом разлучили.

Достал он из кисета жёлтую ленту, скрутил клубком и кинул в небо, своим детям в подарок. Там, позади созвездия Белой Гусыни, этот жёлтый клубок и по сию пору светится маленькой, едва различимой звёздочкой.

Долго вздыхал-причитал старик, потом произнёс:

— Нет, не могу я жить одиноким. Женился бы хоть на этой

чёрной головёшке. Хочу, чтобы в моём аиле смеялись и кричали мои дети.

Глядь, а рядом с ним дымом очага закопчённая, сажей запачканная, тёмная, будто головёшка, старуха.

Эта старуха родила Танзагану много-много черноволосых смуглых детей. По всему белому, по синему, по золотому Алтаю они расселились. И род их никогда не угаснет, будет жить и множиться на земле, пока в небе горит созвездие Белой Гусыни. Как-никак эти звёзды алтайским людям маленько родня: и те и другие старика Танзагана дети.

Балкарская народная сказка

ДВА ХАНА

Жили когда-то в одном ауле два хана. Они часто ходили друг к другу в гости. Оба были очень богаты, и оба гордились своим богатством.

Однажды к первому хану пришёл молодой парень из дальнего аула и говорит:

— Я хочу наняться в пастухи.

Хану нужен был пастух, он рад был взять парня. «Нет сомнения, что это честный человек»,— думал хан. Он отвёз парня к своим стадам, к своему скоту и говорит:

— Вот всё моё богатство. Береги его. Я тебе доверяю.

А сам вернулся домой и зажил себе преспокойно, на пастбища ездить перестал. Второй хан позавидовал ему и говорит:

— Вижу, ты совсем успокоился, живёшь — забот не знаешь, на пастбища не ездишь.

— Да,— отвечает первый хан,— теперь я спокоен. Пока жив мой новый пастух, я буду богатым, я не узнаю нужды. Такой хороший парень мне попался! Он сохранит мой скот, он никогда не скажет неправды.

— Ну а если я заставлю его сказать неправду? Что тогда?— спрашивает второй хан.— Что ты мне дашь?

— Если заставишь его сказать неправду,— отвечает первый хан,— я отдам тебе весь мой скот. Но если не заставишь — ты отдашь мне весь свой скот.

— Согласен!— говорит второй хан.

Так они поспорили. Второй хан вернулся домой, приказал запрячь коляску, посадил в неё свою красивую дочь и поехал на пастбище к пастуху первого хана.

— Да умножится этот скот!— сказал хан, приветствуя пастуха.

— Спасибо, будьте здоровы, добро пожаловать!— ответил пастух. И пригласил хана с дочерью в гости.

— Сейчас я приготовлю для вас угощение,— сказал пастух и взял барана, чтобы зарезать.

— Нет,— говорит хан-гость,— барана я есть не буду.

— Тогда я зарежу бычка,— говорит пастух.

— Нет,— говорит хан-гость,— и бычка я есть не буду. И оставаться здесь в гостях не хочу.

Пастух смотрит на красивую дочь хана и думает:«Как бы оставить их в гостях?» Так думает он и говорит:

— Что же вы станете есть, уважаемый гость? Что ни пожелаете, то и приготовлю.

— Если ты зарежешь рыжего жеребца,— говорит хан,— то мы с дочерью будем есть и останемся у тебя ночевать.

А этот рыжий жеребец был вожаком лучшего табуна. Хан-хозяин гордился жеребцом, очень его любил... Но гостя надо хорошо принять, хорошо угостить, надо, чтобы гость остался доволен. И пастух зарезал рыжего жеребца.

Утром хан с дочерью вернулся домой. Потом поехал к хану-соседу. Приехал и говорит:

— Ну-ка, хан, позови своего пастуха, спроси, всё ли в порядке, цел ли скот, послушаем, как начнёт тебе врать твой хвалёный работник.

Первый хан послал людей позвать парня. Парень идёт и думает: «Что отвечу хану, когда он спросит, цел ли его скот?» Воткнул он в землю свою чабанскую палку, надел на неё свою папаху и начал советоваться с палкой.

— Скажу хану, что жеребец с кручи упал.

— Это не ответ хану,— говорит палка,— ведь круч у нас нет.

— Скажу хану, что жеребца волк задрал.

— Это не ответ хану,— говорит палка,— жеребец других лошадей охраняет, жеребца волк не задерёт.

— Скажу хану, что какой-то чёртов хан с красивой дочкой в гости приехал. Я решил: надо хана хорошо угостить. Предложил барана — не хочет, предложил бычка — не хочет. Спросил, чего хочет,— говорит, рыжего жеребца. Тогда, говорит, буду гостить, буду ночевать. Пришлось для него жеребца зарезать. А остальной скот в полной сохранности.

— Вот это — ответ хану,— говорит палка.— Ты нашёл правильный ответ. Теперь иди, не бойся.

Парень надел папаху, взял в руки палку и пошёл к хану. Пришёл, а там сидит хан-сосед, тот хан, что у него на пастбище гостил. Хан-хозяин спрашивает:

— Скажи-ка мой честный пастух, громко скажи: цел ли мой скот?

Парень отвечает:

— Слава аллаху, ваш скот цел, нет только рыжего жеребца.

Хан-хозяин вскочил да как закричит:

— Как это — нет жеребца? Куда же девался мой любимый жеребец?

Парень отвечает:

— Дело было так. Приехал в гости один чёртов хан с красивой дочкой. Я решил: надо хана хорошо угостить. Предложил барана — не хочет, предложил бычка — не хочет. Спросил, чего хочет,— говорит, рыжего жеребца. Тогда, говорит, буду гостить, ночевать. Пришлось для него жеребца зарезать. А остальной скот в полной сохранности.

Так сказал парень. Сказал одну только правду. Хан-гость молчит. Хан-хозяин его спрашивает:

— Ну что, сказал мой табунщик неправду? Заставил ты его сказать неправду?

— Нет, не заставил. Я проиграл,— отвечает хан-гость.

Пришлось ему отдать первому хану весь свой скот, всё своё богатство. С тех пор у нас в горах говорят: «Пастух советуется со своей палкой».

Бурятская народная сказка

СТАРИК-ЛОВКАЧ

Жил в давнее время нищий старик. Звали его Уханай. Он странствовал по земле.

Однажды на брошенном стойбище он нашёл обглоданную баранью лопатку.

— Бывает, находка удачу приносит,— сказал старик, поднял лопатку и положил её в свой пустой мешок. Вскоре он набрёл на юрту. Зашёл в неё. Хозяин спрашивает:

— Кто ты, старик, как тебя зовут, куда идёшь?

— Я странник,— ответил старик,— зовут меня Уханай, я странствую по белому свету.

— Тогда поживи немного у меня, будь моим гостем,— пригласил хозяин юрты.

Старик Уханай остался погостить. Куда бы он ни шёл — ни на миг не расставался со своим тощим мешком. Хозяин удивился.

— Что ты всюду таскаешь за собой свой мешок?— спросил он.

— Там у меня баранья лопатка,— ответил старик.

— Ты положи её в наш казан, пусть сварится вместе с нашим мясом.

— Я бы положил,— ответил Уханай,— да боюсь, как бы ваш казан не съел моё мясо.

— Где это видано, чтобы казан ел мясо? Будь спокоен, наш казан мяса не ест. А если вдруг такое случится, если он его съест, то я отдам тебе этот казан!— сказал хозяин.

— Я согласен,— сказал старик и бросил лопатку в кипящую воду.

Когда мясо сварилось и его стали вынимать, достали и лопатку, что бросил в казан старик Уханай. Она была белая, голая, совсем без мяса.

— Ну вот, я же говорил, что ваш казан съест моё мясо!— закричал Уханай.

— Не сердись, старик, забирай мой казан. Ты прав, хотя прежде такого не бывало.

Старик Уханай взял казан и пошёл дальше. Скоро опять набрёл на юрту. Хозяин спрашивает:

— Кто ты, старик, как тебя зовут, куда идёшь?

— Я странник,— ответил старик,— зовут меня Уханай, я странствую по белому свету.

— Тогда поживи немного у меня, будь моим гостем,— пригласил хозяин юрты.

Старик Уханай остался погостить. Здесь он начал всюду, куда ни пойдёт, таскать за собой свой казан.

— Что это ты не расстаёшься со своим казаном?— спрашивает хозяин.— Поставь его вместе с нашей посудой, ничего с ним не станется!

— Нет, не поставлю,— отвечает старик.— Боюсь, ночью придёт твой чёрный баран и разобьёт мой казан. В чём я тогда буду мясо варить?

Хозяин говорит:

— Быть такого не может! Никогда мой чёрный баран ничего не разбивал. Но если такое случится, если твой казан окажется разбитым, я за него отдам тебе чёрного барана.

— Я согласен,— сказал старик и поставил казан вместе с посудой хозяина.

Когда все заснули, старик встал и разбил свой казан. Утром, едва проснувшись, он закричал:

— Ну вот, я же говорил, что твой чёрный баран разобьёт мой казан!

— Не сердись, старик,— сказал хозяин,— забирай моего чёрного барана. Ты прав, хотя прежде такого не случалось.

Старик Уханай взял барана и пошёл дальше. Скоро опять набрёл на юрту. Хозяин спрашивает:

— Кто ты, старик, как тебя зовут, куда идёшь?

— Я странник,— ответил старик,— зовут меня Уханай, я странствую по белому свету.

— Тогда поживи немного у меня, будь моим гостем,— пригласил хозяин юрты.

Старик Уханай остался погостить. Всюду, куда ни шёл, он вёл за собой чёрного барана.

— Что это ты не расстаёшься со своим бараном?— спрашивает хозяин.— Пусти его в загон вместе с моими белыми баранами.

— Нет, не пущу,— отвечает старик.— Боюсь, как бы ночью твои бараны не задрали и не съели моего. Что я буду делать без барана?

Хозяин говорит:

— Быть такого не может! Где это видано, чтобы бараны ели баранов?! Ну а если они его съедят, я отдам тебе за твоего чёрного барана десять белых баранов!

— Я согласен,— сказал старик и пустил своего барана в загон.

Когда все заснули, старик встал, осторожно вышел из юрты, прошёл в загон, заколол своего чёрного барана, его кровью вымазал морды белых баранов, потом закопал мясо своего барана, а шкуру его разрезал на лоскуты и повесил их на рога белых баранов. После этого тихо вернулся в юрту.

Утром, едва проснувшись, он побежал к загону.

— Ну вот, я же говорил, что твои бараны задерут и сожрут моего! Ай-ай-ай! Что я теперь буду делать без барана?!— закричал он.

Хозяин подбежал к загону и видит: морды его белых баранов в крови, а на рогах — лоскуты чёрной шкуры.

— Сожрали, злодеи, сожрали!— кричал старик.— Отдавай теперь мне за него своих белых баранов, как обещал!

Делать нечего, пришлось хозяину отдать десять баранов. Старик Уханай взял их и погнал по степи. К вечеру нагнали его двое путников в хороших волчьих шубах. Когда начало темнеть, остановились на ночлег. Стало холодно. Старик говорит:

— Давайте мне ваши волчьи шубы, я на них лягу, а то боюсь, как бы они ночью не передушили моих баранов.

— Что ты мелешь, старикашка,— сказал один из путников,— где это видано, чтобы шубы душили баранов? Нет, хитрец Уханай, мы сами укроемся нашими шубами. А уж если такое случится, если ночью они передушат баранов, обе шубы станут твоими.

— Я согласен,— сказал старик и лёг спать.

Когда путники заснули, старик встал, передушил своих баранов и спокойно заснул. Утром, едва проснувшись, он закричал:

— Ай-ай-ай! Какая беда! Я же говорил, что ночью ваши шубы передушат моих баранов! Недаром эти шубы волчьи! Им только покажи барана!.. Ах, бедный я старик, что мне теперь делать?!

Путники вскочили на ноги и диву даются: лежат десять мёртвых баранов. Делать нечего, пришлось им расстаться с волчьими шубами. Старик Уханай взял их и пошёл дальше. Скоро он опять набрёл на юрту. Хозяин спрашивает:

— Кто ты, старик, как тебя зовут, куда идёшь?

Старик Уханай сказал, что он странствует по белому свету, и остался погостить в этой юрте. Здесь он стал, куда ни пойдёт, таскать за собой две шубы.

— Что ты не расстаёшься со своими шубами?— спрашивает хозяин.— Положи вместе с нашими, никто их не возьмёт.

— Нет, не положу,— отвечает старик.— Боюсь, ночью твои дочери изрежут мои шубы на заплатки. Что я буду делать без шуб?

Хозяин говорит:

— Быть такого не может! Обе мои дочери уже взрослые, они не станут резать твои шубы.

— Нет, могут изрезать,— говорит старик.

— Ну а если изрежут,— говорит хозяин,— я отдам их тебе в жёны.

— Я согласен,— сказал старик и положил свои шубы рядом с хозяйскими.

Когда все заснули, старик встал, изрезал свои шубы в лоскуты и положил их возле хозяйских дочерей. Утром, едва проснувшись, он закричал:

— Ну вот, я же говорил, что твои дочери изрежут мои шубы!

Хозяин смотрит — возле дочерей лежат лоскуты стариковых шуб.

— Изрезали, ты видишь, изрезали!— кричал старик.— Отдавай теперь мне своих дочерей, как обещал!

Делать нечего, отдал хозяин старику Уханаю в жёны обеих своих дочерей. Вместе с дочерьми он отдал новую юрту и половину своего скота. И зажил старик Уханай в довольстве и блаженстве.

Но блаженство его длилось недолго. Жёны однажды приготовили для него полный котёл тарасуна — молочной водки. Старик напился и запел хвастливую песню. Вот что он пел:

— Я старик-ловкач, я храбрец-удалец, никого со мной не сравнить! Однажды в чистой глухой степи я обглоданную баранью лопатку нашёл, потом я в гости в юрту зашёл и там хозяина обманул — кость на чугунный казан обменял. Потом в другую юрту зашёл и там хозяина обманул — казан на барана я обменял. Потом я в третью юрту зашёл и там хозяина обманул: был один баран у меня — на десять баранов его обменял! Потом двух путников обманул — две волчьи шубы у них забрал. И снова в какую-то юрту забрёл, и снова хозяина я обманул: шубы изрезал острым ножом и двух дочерей у него забрал! Стало две жены у меня, и стадо баранов кормит меня, ах какая жизнь у меня! Баранов пасёт одна жена, варит мясо другая жена, а я лежу себе на кошме. Ай какой я ловкий старик! Ай как мне теперь хорошо!

Услышали молодые жёны эту песню, узнали всю правду, очень рассердились.

— Старик Уханай, оказывается, обманщик,— сказали они.— Не будем с ним жить, заберём наш скот, наше добро и уйдём к отцу.

Так они и сделали.

А старик Уханай остался один в широкой жёлтой степи.

Ингушская народная сказка

КАК ФУШТ-БЕЙГ ЗАРАБОТАЛ У ВЕДЬМЫ ЖЕРЕБЁНКА

Когда-то очень давно у одного горского князя родился сын. Его назвали Фушт-Бейг. Малыш много плакал, и отец, чтобы его успокоить, говаривал:

— Не плачь, сынок, не плачь, я женю тебя на красавице Джинагаз.

Мальчик часто сышал эти слова, и они запали ему в душу.

Прошли годы, Фушт-Бейг вырос, стал красивым и статным парнем, но он не смотрел на девушек. Все его товарищи женились, и лишь он один сидел дома и грустил. Однажды отец его спросил:

— Почему ты, мой сын, такой печальный? Почему ты не смотришь на девушек?

— Отец, в далёком детстве ты обещал женить меня на красавице Джинагаз. Где красавица? Я хочу на ней жениться,— сказал сын.

Отец ответил:

— Я не знаю, сын, где эта красавица, не знаю даже, есть ли она на свете, но, если ты хочешь жениться, я сосватаю тебе любую из княжеских дочерей.

— Не нужны мне княжеские дочери,— говорит сын.— А нужна мне только красавица Джинагаз. Я поеду по земле и сам её найду. Подари мне, отец, достойного коня.

Отец подарил сыну самого лучшего из своих коней, дал ему самое лучшее своё оружие, и Фушт-Бейг отправился на поиски невесты. Много земель он изъездил, много времени провёл в пути и вот однажды остановился на ночлег в заброшенном шалаше у озера. Рано утром он поехал дальше. Вдруг из прибрежных камышей выскочил очень красивый заяц. Парень залюбовался им и захотел его поймать. Но заяц скрылся в камышах. Парень вернулся в шалаш, чтобы завтра утром ещё раз увидеть зайца. Назавтра заяц опять выскочил из камышей, но Фушт-Бейг опять его не нагнал. Лишь на третий день нагнал зайца. Только протянул к нему руку — заяц обернулся прекрасной девушкой.

Красавица говорит:

— Не губи меня, Фушт-Бейг. Я готова стать твоей женой. Меня зовут Джинагаз.

— Я обещаю не трогать тебя, красавица Джинагаз,— говорит Фушт-Бейг.

— Тогда отправляйся домой, в свой аул. Через неделю в пятницу я приеду к тебе и стану твоей женой, встречай меня на холме за аулом,— сказала красавица.

Фушт-Бейг вернулся домой. Оказалось, что за время странствий умерла его мать и отец взял себе молодую жену. Фушт-Бейг рассказал отцу и мачехе, сколько земель он изъездил, сколько диковин повидал, рассказал и о самом дивном диве — о том, как прекрасный заяц обернулся красавицей Джинагаз, той самой красавицей, о которой говорил ему отец в далёком детстве. Эта красавица согласилась стать его женой. Она приедет в пятницу, и он будет встречать её на холме за аулом.

Мачеха сразу невзлюбила Фушт-Бейга. Она приказала своему верному слуге помешать встрече в пятницу.

Слуга пришёл к Фушт-Бейгу и говорит:

— Когда поедешь встречать невесту, возьми меня с собой, великодушный Фушт-Бейг. Я провожу тебя, я буду твоим слугой.

— Мне не нужны провожатые, мне не нужны слуги,— ответил юноша.— Много времени я ездил по земле, ездил один, и невесту мою, красавицу Джинагаз, я нашёл один.

Но слуга не отставал, и Фушт-Бейгу пришлось согласиться. В пятницу он встал на рассвете и поехал на холм, который высился за аулом. С ним поехал слуга. Они приехали в условленное место очень рано. Фушт-Бейг расстелил бурку и прилёг отдохнуть. Едва он задремал, слуга поднёс к его носу сонное снадобье. Парень заснул долгим глубоким сном. К полудню показались лошади, повозки, и на холм въехала красавица Джинагаз в сопровождении сорока девушек. Девушки начали танцевать, веселиться, а Джинагаз, увидев, что жених её спит, попробовала его разбудить. Но как она ни старалась, разбудить его не смогла. Она рассердилась и сказала слуге:

— Я его невеста, Джинагаз, я приехала, чтобы стать его женой. Он должен меня встречать, а он спит! Передай своему хозяину, что я рассердилась и что приеду снова через семь дней, в пятницу.

Фушт-Бейг проспал до вечера. Когда проснулся, спрашивает слугу:

— Расскажи, что здесь было днём, кто приезжал? Я, оказывается, проспал до вечера!

Слуга говорит:

— Сюда приезжали девушки. Они танцевали, веселились. Самая красивая хотела тебя разбудить, но не смогла. Она рассердилась и попросила передать тебе, что приедет снова через семь дней, в пятницу.

В следующую пятницу всё повторилось.

В третью пятницу Фушт-Бейг выехал совсем рано, задолго до света. На рассвете он был уже на месте. И опять не выдержал, прилёг, и опять слуга дал ему понюхать сонного снадобья. Красавица Джинагаз не добудилась его и в третий раз. Она надела ему на палец золотое колечко и сказала слуге:

— Больше я сюда не приеду. На память я оставила ему колечко.

Фушт-Бейг вернулся домой. Теперь он был ещё печальней, чем прежде.

— Что с тобой, милый сын?— спрашивает отец.— Почему ты такой печальный?

Сын рассказал отцу, как трижды ездил встречать красавицу и как трижды проспал встречу.

— Не пойму, что со мной было, но я спал как убитый и не мог проснуться до вечера.

Отец понял, что во всём виновата его молодая жена. Он пришёл к ней, бросил её на пол, выхватил кинжал, приставил ей к горлу и говорит:

— Признавайся: что ты сделала против моего сына?

Жена во всём призналась. Но что толку? Фушт-Бейг снова поехал на поиски невесты. Опять много времени провёл он в пути, опять изъездил много земель и вот однажды в дикой безводной степи увидел девушку, которая шла с кувшином по воду. Он поспешил к ней. Лошадь его не пила уже три дня и еле переставляла ноги. Когда почуяла воду, она рванулась вперёд и упала без сил. Девушка подошла к колодцу, набрала воды и дала напиться лошади. Лошадь ожила, поднялась на ноги. Фушт-Бейг поздоровался с девушкой и сказал, что он давно в пути, а последние дни едет по безводной степи, за три дня не встретил ни одного колодца.

— Спасибо тебе,— сказал он,— что ты напоила мою лошадь. Скажи мне: кто ты и откуда?

— Я прислуживаю княжеской дочери Джинагаз,— ответила девушка.— Во дворце у красавицы работают сорок девушек, мы все по очереди ходим сюда за водой.

— Эту воду ты отнесёшь прекрасной Джинагаз?— спросил Фушт-Бейг.

— Да, это вода для неё.

— Дай и мне напиться,— попросил Фушт-Бейг.— Я ведь тоже, как и моя лошадь, не пил три дня.

Девушка протянула ему кувшин. Фушт-Бейг напился и тихонько бросил в кувшин золотое колечко, которое оставила ему красавица Джинагаз. Девушка ушла, а Фушт-Бейг спокойно лёг спать среди степи. Теперь он знал: его невеста недалеко.

Красавица Джинагаз умывалась. Вдруг из кувшина выпало колечко. Она сразу его узнала, созвала служанок и спросила:

— Кто сегодня ходил по воду? Почему вода пахнет человеком?

Девушка, которая принесла воду, говорит:

— Я сегодня ходила по воду. У колодца от жары и жажды упала лошадь. Я напоила лошадь и всадника.

Джинагаз отправила слуг искать всадника. Они нашли его у колодца, он спал. Слуги разбудили его и говорят:

— Красавица Джинагаз приказала нам разыскать тебя и привести к ней. Садись на коня, поедешь с нами.

Фушт-Бейг сел на коня и вскоре увидел наконец свою не-

весту. Он женился на ней, и зажили они весело и счастливо.

Через некоторое время пришла весть, что выходит замуж сестра прекрасной Джинагаз. Красавица говорит мужу:

— Я поеду к сестре. Ты поживи без меня. Будешь здесь единственным хозяином. Пой, гуляй, веселись, делай что хочешь, только не открывай дверей последней комнаты в моём дворце.

Красавица уехала. Фушт-Бейгу было скучно, он обошёл все комнаты дворца, делать было нечего. «Хотелось бы узнать, что в последней комнате,— думал он.— Почему жена запретила мне туда заходить? А что будет, если я в неё загляну? Жена ничего не узнает...» И он открыл дверь в последнюю комнату. Там в темноте стоял прикованный к стене огромный, покрытый шерстью гарбаш[1]. Фушт-Бейг испугался, отступил назад. Но гарбаш говорит:

— Не бойся меня, богатырь. Подари мне свободу, и я сослужу тебе службу, сделаю для тебя добро.

Фушт-Бейг согласился. Он попробовал разбить цепи, но не смог. Гарбаш говорит:

— У тебя не те силы, чтобы разбивать цепи. Да и не надо этого делать. Вон там на полке лежит ключ. Открой им замки.

Фушт-Бейг освободил одну руку гарбаша. Тот говорит:

— Больше не надо. Дальше я справлюсь сам.— Он потянулся, тряхнул плечами, взялся двумя руками за цепь и легко её порвал. Так же легко двумя руками он порвал цепи, которыми были прикованы его ноги.

— Теперь я хозяин в этом дворце,— сказал гарбаш и начал пировать и веселиться.

Красавица Джинагаз в тот же день почувствовала, что дома у неё беда. Она попрощалась с сестрой и поспешила домой. Во дворце её встретил новый хозяин — огромный, покрытый шерстью страшный гарбаш. Она поняла, что муж не послушался её запрета и освободил чудовище.

— Ты ослушался меня,— сказала она мужу,— и загубил всю нашу жизнь. Теперь мы к тебе не уедем — гарбаш не отпустит, и никак от него не убежать.

Этот гарбаш в один присест съедал целого быка, а потом ложился спать на трое суток. Фушт-Бейг говорит жене:

— Мы сбежим от гарбаша. Когда он наестся и заснёт, мы сядем на моего быстроногого коня и помчимся в мой аул.

Когда гарбаш заснул, они так и сделали. Конь гарбаша, у которого было только три ноги, сразу это почуял. Он стоял в медной конюшне, спутанный железными путами. Он порвал железные путы, выломал медную дверь, подбежал к гарбашу, крепко топнул копытом и закричал:

— Ты тут храпишь, а красавица Джинагаз убежала из дому!

Гарбаш проснулся и спрашивает коня:

---

[1] *Гарбаш* — человекоподобное чудовище.

— Как, друг, поступим: подкрепимся и догоним, или не подкрепившись догоним?

— И подкрепившись догоним, и не подкрепившись догоним,— отвечает конь.

Гарбаш сел на своего трёхногого коня и быстро догнал беглецов. Он вернул их домой, во дворец, и говорит:

— Ты не спросил у меня позволения уехать, Фушт-Бейг. Ты бежал и заслужил смерть. Но я обещал отплатить добром и поэтому дарю тебе жизнь.

А вскоре Фушт-Бейг и Джинагаз снова убежали от гарбаша, пока тот спал, и снова конь разбудил хозяина, и снова гарбаш догнал беглецов. Он сказал:

— Второй раз дарю тебе жизнь, беглец. Но в третий раз пощады не жди!

На другой день Фушт-Бейг говорит жене:

— Нам не уйти от гарбаша. Конь у него не простой. Хоть он и о трёх ногах, но легко догоняет самого резвого коня. Что у него за конь? Где он его взял? Мы не уйдём отсюда, пока не добудем такого же коня.

Красавица Джинагаз рассказала мужу, как гарбаш добыл себе коня.

Однажды гарбаш три дня и три ночи пас кобылиц у ведьмы. Три дня и три ночи ведьма пугала его, но гарбаш крепко держал поводья всех трёх кобылиц, ни на миг не выпускал. Под конец третьей ночи одна из кобылиц ожеребилась. В тот же миг неизвестно откуда слетелись птицы и все устремились к жеребёнку. Среди птиц было три огромных орла. Гарбаш одной рукой удерживал кобылиц, а другой защищал жеребёнка. Его меч поразил всех птиц, но один из орлов всё же сумел прорваться к жеребёнку и отхватить у него переднюю ногу. Этого жеребёнка и заработал гарбаш, его он получил в награду. Из жеребёнка вырос самый быстроногий конь. Хоть и три у него ноги, а нет ему равного на земле.

— Я хочу попытать счастья, заработать жеребёнка у ведьмы,— говорит Фушт-Бейг.

— Это очень трудно,— говорит красавица.— Если не убережёшь её кобылиц, ведьма тебя убьёт. Не надо к ней идти. Лучше уж будем жить здесь, в моём дворце. Гарбаш ведь не мешает нам жить, он только не разрешает уезжать.

— Нам надо вернуться ко мне на родину,— говорит Фушт-Бейг,— мы должны жить на моей родной земле, на земле моих предков, а для этого нам нужен самый быстроногий из коней. Пока у нас нет его, не видать нам свободы! Я поеду к ведьме.

Долго ехал Фушт-Бейг к тем местам, где жила ведьма. Припасы кончились. «Кусочек хоть какого-нибудь мяса меня бы спас»,— подумал он. Вдруг на дороге оказался орёл с перебитым крылом.

— Вот теперь я поем!— говорит Фушт-Бейг.

— Сжалься надо мной!— говорит орёл,— Я ранен, помоги мне. И я тебе когда-нибудь пригожусь.

Фушт-Бейг обмыл его рану, смазал её салом и отпустил орла. Вскоре он встретил лисицу с перебитой лапой.

— Ну теперь-то я поем!— говорит Фушт-Бейг.

— Сжалься надо мной!— говорит лисица.— Я ранена, помоги мне. И я тебе когда-нибудь службу сослужу.

Фушт-Бейг перевязал лапу лисицы и отпустил её. Потом он увидел на берегу реки большую рыбу. Она лежала на песке, жабры её вздувались.

— Ну теперь-то я наконец поем!— закричал Фушт-Бейг и подбежал к рыбе.

— О сжалься надо мной!— слабым голосом сказала рыба.— Помоги мне, столкни меня в воду. Я тебе когда-нибудь помогу.

Фушт-Бейг столкнул рыбу в воду и голодный двинулся дальше. И вот приехал туда, где жила ведьма.

— Зачем ты здесь, человек?— спрашивает ведьма.

— Я приехал попытать счастья, поработать на тебя, попасти твоих кобылиц. Хочу заработать жеребёнка.

— Кто не убережёт моих кобылиц, того я убиваю,— говорит ведьма.— Двадцать удальцов пасли моих кобылиц. Двадцать голов отрубила я своим мечом. Ты хочешь, чтобы твоя голова стала двадцать первой?

— Мне надо заработать необыкновенного жеребёнка. Я буду пасти твоих кобылиц,— сказал Фушт-Бейг.

Наступила первая ночь. Храбрец намотал на руку поводья и вывел трёх кобылиц на сочную траву. И тут вокруг него засверкали молнии, загремел гром, посыпался град. А потом поднялась снежная буря, завыла, закрутила метель. Фушт-Бейгу было страшно, но он не выпускал поводья из рук и не спускал глаз с ведьминых кобылиц. Ведьма увидела, что этого храбреца ничем не проймёшь, и тогда она проговорила над самым его ухом:

— Ты тут кобыл стережёшь, а косматый гарбаш увёз твою жену, красавицу Джинагаз, в неведомые земли.

Фушт-Бейг повернул голову — на миг оглянулся на голос,— потом глянул на кобылиц, а их уже и след простыл. Кинулся он в ночную тьму на поиски. Но нигде ничего не было видно. Он приуныл и вдруг наткнулся на спящего орла. Это был тот самый орёл, которого он пощадил и вылечил. Фушт-Бейг разбудил его и рассказал о своей беде. Орёл говорит:

— Ведьма прячет своих кобылиц в пещере, вон в тех горах на востоке.

Он полетел высоко в горы и пригнал кобылиц к Фушт-Бейгу. Тот взял их крепко за поводья, а когда рассвело, привёл к ведьме. Она говорит:

— Спасибо за работу, ты молодец, сумел их сберечь.

Наступила вторая ночь. Ведьма из сил выбилась — так

старалась его испугать, но Фушт-Бейг не испугался ни грома, ни града, ни молний. Тогда она опять сказала над самым его ухом, что косматый гарбаш увёз его жену. Фушт-Бейг на миг оглянулся — кобылицы исчезли. Опять кинулся он в ночную тьму на розыски и наткнулся на спящую лисицу. Это была та самая лисица, которую он пощадил и вылечил. Фушт-Бейг разбудил её и рассказал о своей беде. Лисица говорит:

— Ведьма прячет своих кобылиц в тёмном лесу, вон в тех горах на западе.

Она побежала в горы, выгнала кобылиц из лесу и пригнала к Фушт-Бейгу. Он их поймал, намотал поводья на руку, а когда рассвело, привёл к ведьме. Она говорит:

— Ты снова сумел их уберечь... Теперь держись: впереди последняя ночь!

На третью ночь всё повторилось. Фушт-Бейг побежал искать кобылиц и остановился у реки. Он вспомнил, что большая рыба обещала ему помочь. Кликнул он ту рыбу, она высунула голову из воды и говорит:

— Ведьма прячет своих кобылиц на дне моря. Сейчас я их тебе пригоню.

Рыба ушла в воду, поплыла в море, разыскала на дне ведьминых кобылиц и пригнала их к Фушт-Бейгу. Он поймал их и крепко намотал поводья на руку. Под утро одна из кобылиц ожеребилась. И тут же слетелось неизвестно откуда множество хищных птиц. Все они устремились к жеребёнку. Фушт-Бейг одной рукой удерживал кобылиц, другой — боролся со страшными птицами. Он рубил мечом без промаха. К восходу солнца все враги были перебиты. Жеребёнок уцелел! Он стоял на всех четырёх ногах!

Фушт-Бейг подтолкнул его к матери, чтобы он пососал материнского молока. Жеребёнок напился молока и стал взрослым могучим конём. Фушт-Бейг привёл кобылиц к ведьме и говорит:

Я справился с твоей работой, сослужил тебе службу, отдавай теперь жеребёнка!

Ведьма удивилась. Она не могла понять, как Фушт-Бейг разыскал кобылиц на дне моря. Но делать нечего, пришлось отдать жеребёнка — теперь уже не жеребёнка, а взрослого прекрасного коня.

Фушт-Бейг вернулся к жене, красавице Джинагаз. Снова они дождались, когда гарбаш заснул, сели на своего коня и помчались на родину Фушт-Бейга.

Гарбаш проснулся и спрашивает своего коня:

— Как, друг, поступим: подкрепимся и догоним, или не подкрепившись догоним?

— Хоть подкрепимся, хоть не подкрепимся — теперь всё равно не догоним,— отвечает конь.

Но гарбаш сел на него и помчался за беглецами. Быстро как ветер бежал трёхногий конь. Но быстрее бежал четырёх-

ногий. Трёхногий немного устал, и тогда гарбаш начал его подгонять — бить по бокам тяжёлой дубинкой. Трёхногий кричит четырёхногому:

— Дай тебя догнать, сжалься надо мной, милый брат! Мы ведь рождены одной матерью! У меня нет сил тебя догнать, и вот гарбаш бьёт меня своей тяжёлой дубинкой. Ещё немного, и я упаду!

Четырёхногий отвечает:

— Мне жаль тебя, милый брат, но я не дам себя догнать, потому что твой хозяин хочет убить моего. Я помогу тебе по-другому — помогу избавиться от злого хозяина. Я сильно ударю ногами в землю, выбью глубокую яму. Ты на всём скаку остановись у края, и твой седок вылетит из седла и упадёт в яму.

Трёхногий согласился. На всём скаку он остановился у края ямы, которую сделал четырёхногий, и гарбаш полетел в яму. Его засыпало землёй навсегда.

А храбрый Фушт-Бейг с красавицей Джинагаз приехал домой, в родной аул, и стали они жить спокойно и счастливо.

Калмыцкая народная сказка

ВЕЛИКИЙ ХАН И ДРАГОЦЕННЫЕ ЕГО ДРУЗЬЯ

Это случилось в давние времена. Жил когда-то великий прославленный хан. Звали его достойно: Наран-Арслан[1]. Было у хана три драгоценных друга. Больше жизни любил он своих друзей. Первым другом был единственный младший брат, вторым — жёлтый летающий слон, третьим — золотисто-рыжий говорящий конь.

Каждое утро, опережая красное солнце, вставал хан и думал: «Живы ли, здоровы ли мои друзья?» Он шёл к младшему брату и, ласкаясь, покручивал ему левый ус. Потом шёл к жёлтому летающему слону и похлопывал его по левой лопатке. А потом шёл к золотисто-рыжему говорящему коню и похлопывал его по крутой крепкой шее. Только убедившись, что друзья его живы-здоровы, хан возвращался во дворец, ложился в постель и снова засыпал.

Всё, что есть на свете, было у хана, но не было у него ребёнка, который порадовал бы его хотя бы плачем.

Была у хана старшая сестра, которая любила гулять по степи. Однажды она зашла очень далеко. И вдруг услышала песню, нежный девичий голос. Видит, стоит шалаш из прутьев

---

[1] *Наран-Арслан* — Солнце-Лев.

и травы. В шалаше сидит отшельник-лама[1], а рядом с ним — луноликая красавица.

Сестра хана поклонилась ламе по-старинному, руки сложила бутоном лотоса и почтительно отступила назад. «В безлюдной степи сидит отшельник-лама. Но откуда здесь, в этой глуши, такая прекрасная девушка?» — подумала она.

— Как поживает великий хан? — спросил отшельник.

— Живёт как прежде. И, как прежде, нет у хана ребёнка, который порадовал бы его хотя бы плачем.

Сестра хана вернулась домой и рассказала владыке всё, что видела.

— Я поеду к святому ламе, — сказал хан. — Он должен отдать мне эту девушку. Может быть, она родит мне сына.

Он приехал к ламе. В знак почтения привёз ему дорогие подарки. Поклонился по-старинному, руки сложил бутоном лотоса, отступил назад и сказал:

— О святой лама! Я был бы счастлив, если бы вы отдали мне в жёны эту девушку. Может быть, она родит мне сына.

— Что ж, бери, великий хан, я её не держу, — ответил лама. — Но если уж ты её берешь, знай правду. Всю свою жизнь, вот уже семьдесят лет, я провёл в дикой степной глуши, в постах и молитвах. Каждый день я хожу умываться к тихому ручью, что течёт на востоке. К этому ручью приходила купаться коричневая обезьяна. И вот эта обезьяна родила девочку и оставила её у ручья. Я взял девочку, вырастил её. Теперь ей шестнадцать лет. Бери её, хан. Но если ты когда-нибудь будешь к ней несправедлив, если назовёшь её звериным отродьем, то не бери. Лучше оставь со мной.

— Нет, святой старик, я её не обижу, я никогда не вспомню, кем она рождена. Я её полюбил.

— Да будет так, — сказал отшельник. — А теперь выйди, хан, я попрощаюсь с девочкой.

Хан вышел. Старик снял с себя чётки[2] из ста восьми камней и надел их девушке на шею.

— Милая моя, — сказал он, — теперь ты будешь жить у хана. Хан тебя защитит. Но никогда не снимай эти чётки. Они уберегут тебя и от гнева хана, и от злых сил.

Девушка пообещала старику не снимать чёток и пошла с ханом. В тот же день хан устроил свадьбу. Он очень полюбил молодую ханшу.

Был у хана придворный певец Шонхор. Дни напролёт проводил он в ханском дворце, до поздней ночи увеселял хана и молодую ханшу.

А другие жёны хана сердились и завидовали юной красавице.

— Все мы — дочери ханов и нойонов[3], — говорили они, —

---

[1] Лама — монах-священник.

[2] *Чётки* — шнурок с бусами для отсчитывания прочитанных молитв.

[3] *Нойон* — князь.

всех нас одинаково любил великий хан. Ни одну не считал самой красивой, ни одну не считал уродливой. А как появилась новая ханша — перестал на нас даже смотреть! Надо её со свету сжить! Но как?

Думали-думали — ничего не придумали. Тогда старшая ханша говорит:

— Надо пойти к бакши, учителю молитв. Он всё знает, он скажет нам, что делать, как быть, как молодую ханшу сгубить.

И все они пришли к учёному бакши.

— Здравствуйте, уважаемые ханши, зачем ко мне пожаловали?— спросил учитель.

— Мы пришли рассказать вам о нашей жизни,— ответили ханши.— Прежде хан ни одну из нас не считал самой красивой, ни одну не считал уродливой. Всех одинаково любил. А как появилась новая ханша — перестал на нас даже смотреть. Посоветуйте, учёный бакши: как нам её со свету сжить, как нам её убить-погубить?

— Что вы, что вы, почтенные ханши!— вскричал бакши.— Я человек священного сана, разве могу я посоветовать убить живое существо? Это великий грех! Нет, нет, я вам ничего не скажу!

— Значит, вы, священник, боитесь взять на душу грех за убийство одного человека? Но если вы нам не поможете, мы тут же, у вас на глазах, все зарежемся! Выбирайте!

— Пощадите меня, о ханши, не губите мою душу!— взмолился бакши.— Ладно, слушайте. Расправиться с ней не просто. Старик-отшельник подарил ей священное ожерелье — чётки. Пока чётки на ней, ни меч, ни яд, ни пуля — ничто её не возьмёт. Остаётся только одно: надо подкупить певца Шонхора...

— Всё понятно, дорогой бакши. Теперь мы знаем, что делать.

Поздно вечером Шонхор шёл из дворца домой. На дороге его ждали ханши.

— Здравствуй, наш друг Шонхор,— сказал они.— Если ты хочешь получить много золота, слушай нас. Ты видел чётки на шее у молодой ханши?

— Видел.

— Нам нужны эти чётки. Если ты их достанешь, ты получишь столько золота, сколько сможешь унести.

— О добрые ханши!— воскликнул Шонхор.— Неужели я стану богатым? Я достану, достану эти чётки!

На другой день Шонхор не пришёл во дворец. Молодая ханша ждёт утром — его нет, ждёт после полудня — его нет, вечер близится — нет певца.

— О мой хан,— говорит она,— почему Шонхор не пришёл? Что с ним?

— Не знаю.

— Пошли за ним слугу.

Хан послал слугу. Скоро тот вернулся и сказал, что певец болен, лежит с повязанной головой и стонет.

— Бедный Шонхор!— вскричала ханша.— Скорей приведите его, я его вылечу.

Певца привели, посадили на белую кошму. Ханша подошла к нему, сняла чётки и трижды возложила их ему на голову. Шонхор внимательно осмотрел чётки, запомнил, как сделаны многие из камней.

— О ханша, спасибо вам,— сказал он.— Как легко, как хорошо мне стало!

И он стал петь сладкозвучные песни.

А на другое утро опять не пришёл. Ханша говорит:

— О мой хан, разрешите послать за Шонхором.

— Разрешаю.

Слуга пришёл к певцу.

— Сегодня мне совсем плохо. Сегодня я и шагу не могу шагнуть. Так и передай ханше,— сказал Шонхор.

Ханша выслушала слугу и сказала:

— Принесите его на руках. Уж теперь-то я знаю, как надо его лечить.

Певца принесли на руках. Ханша сняла чётки и трижды возложила их ему на голову. Шонхор ещё внимательнее их осмотрел, запомнил ещё лучше.

— О ханша, спасибо вам! Мне стало легче. Не поскупитесь, возложите ваши священные чётки ещё раз.

Ханша ещё раз возложила чётки на голову певца. Теперь Шонхор хорошо помнил каждый камень. Он вздохнул и сказал:

— О ханша, вы меня исцелили, я совсем здоров!

До самого вечера он увеселял ханшу сладкоголосым пением и звучной игрой на ятхе[1]. А когда стемнело, пошёл к старшей ханше. Он нарисовал ей все камни чёток, рассказал, из чего они сделаны, в каком порядке расположены. И сказал:

— За одну ночь надо смастерить точно такие же чётки.

Всю ночь трудились ханши. Всю ночь сами делали чётки. А утром отнесли их Шонхору.

К хану и ханше хитрый певец опять не пришёл.

— Наш дорогой Шонхор, наверное, опять болен. Надо за ним послать,— говорит молодая ханша.

Слуга вернулся от Шонхора и сказал:

— Звонкоголосый певец совсем стал плох. Не может головы поднять.

— Принесите его на носилках,— приказала ханша.

Певца бережно принесли. Он лежал как мёртвый. Ханша поспешно сняла чётки и возложила их ему на лоб. Певец открыл глаза.

— О ханша,— сказал он,— мне сразу стало легче. Но ведь

---

[1] *Ятха́* — струнный музыкальный инструмент.

не зря говорят: «Своя рука — лучший лекарь». Дайте мне ваши чётки. Я подержу их и сам возложу себе на лоб.

— Возьми, дорогой Шонхор!— сказала ханша и вложила чётки ему в руки.

Шонхор взял их, опустил в правый рукав, а из левого в тот же миг вытащил подложные чётки. Он возложил их себе на лоб и с благодарностью вернул ханше. Та ничего не заметила и надела их себе на шею.

— О ханша, теперь я совсем здоров!— сказал обманщик.

Он вскочил на ноги и начал услаждать слух своих повелителей музыкой и пением. Он играл лучше, чем играл прежде, он играл прекраснее, чем смог бы сыграть потом. Когда стемнело, он пошёл домой. «Сейчас я получу столько золота, сколько смогу унести,— думал он. — Я стану богачом!»

На дороге его ждали ханши.

— Наш дорогой Шонхор, скорее дай нам священные чётки!

Шонхор отдал.

— Где же обещанная награда, о прекрасные ханши? Где золото?— спросил он.

— Возьми пока вот эту горсть золота,— сказала старшая ханша.—Остальное получишь, когда выполнишь три задания.

— Какие три задания, о прекрасные ханши?

— Слушай. Священные чётки охраняли молодую ханшу от людей, от хана и от злых сил. Её нельзя было убить. А теперь можно. Надо сделать так, чтобы великий хан сам её убил, своим мечом из алмазной стали. А для этого ты должен убить трёх ханских друзей, которых он любит больше жизни. Три ночи подряд кровью одного из друзей ты будешь мазать лицо и руки молодой ханши.

Помутилось в голове у Шонхора. Что делать? Но карман его оттягивало золото, и он решил: «Я получу всё, что пообещали мне ханши». Взял он нож и прокрался к золотисто-рыжему говорящему коню. Зарезал коня, прокрался во дворец и вымазал кровью лицо и руки спящей ханше.

Ранним утром, как обычно, опережая красное солнце, встал хан и подумал: «Живы ли, здоровы ли мои драгоценные друзья?» Он пришёл к милому младшему брату, ласково покрутил ему левый ус. Навестил жёлтого летающего слона. Потом пошёл к золотисто-рыжему говорящему коню — конь лежит мёртвый.

— Проклятье!— вскричал хан.— Кто убил, кто зарезал моего любимого коня?

И он побежал во дворец, чтобы обо всём рассказать ханше. Прибежал, смотрит — и глазам не верит: жена его спокойно спит, а руки у неё в крови и лицо тоже в крови!

— О горе мне, горе!— прошептал хан.— Неужели это она по ночам пьёт кровь? Неужели это она убила моего любимого коня?.. Ну конечно она! Ведь она рождена зверем. Звериное отродье!

Хан опустился на ковёр и долго сидел в глубокой печали. Проснулась ханша. Она встала и как ни в чём не бывало пошла умываться. Умылась, вытерла лицо и руки и, ласково глядя на хана, села завтракать.

— Мой хан, почему вы не едите со мной?— спросила она.

Хан очнулся, подсел к столику и начал пить ароматный крепкий чай цвета сандалового дерева.

Доложили, что пришёл Шонхор. Певец вошёл со страхом, глянул на ханшу и начал играть на ятхе. С удовольствием, как и прежде, слушает его молодая ханша. А хан не слушает. Хан думает: «Неужели она, неужели моя милая жена убила моего любимого коня? Неужели она по ночам пьёт кровь? Кто же она на самом деле? О горе мне, горе! Что с ней делать?»

Прошёл день. Ханша слушала музыку и песни. Хан пребывал в глубокой печали.

Вечером Шонхор ушёл, а потом тихонько вернулся, зарезал жёлтого летающего слона и вымазал кровью лицо и руки спящей ханше.

Рано утром, опережая красное солнце, встал хан, чтобы проверить своих драгоценных друзей. «Что будет сегодня?..»— со страхом подумал он. И побежал к милому младшему брату. Брат спокойно спал. Хан погладил его по левой щеке, ласково покрутил ему ус и поспешил к жёлтому летающему слону. Идёт, а сердце его чует недоброе. Так и есть! Лежит слон мёртвый...

Побежал хан к ханше. Смотрит, она спокойно спит. А всё лицо в крови! Все руки в крови! «О звериное отродье! Она убила! Конечно, она!»

И выхватил хан в великом гневе свой меч из алмазной стали и занёс его над спящей женой. В этот миг птица-тоти — говорящий попугай — закричала из серебряной клетки:

— О великий хан! Остановитесь! Опустите меч! Я открою вам глаза.

Хан опустил меч и сказал:

— Говори, учёная птица.

— Давным-давно это было,— начал рассказывать попугай.— Жили мирно и дружно голубь с голубкой. Каждый год вили они гнездо на большом дереве, которое стояло у моря. Каждый год голубка выводила птенцов. Однажды, когда птенцы были совсем маленькие, кончились запасы корма. Голубь говорит: «Я полечу поищу еды, а ты охраняй птенцов». Он летал долго, но нашёл лишь один-единственный пшеничный колос. Принёс этот колос, отдал голубке и говорит: «Держи его в клюве, в гнездо не клади, а то птенцы его сразу склюют. Сегодня они ещё не так голодны. А вот завтра мы поделим этот колос. Я полечу опять, поищу чего-нибудь ещё». Держит голубка колос в клюве, успокаивает птенцов, ждёт голубя. А его всё нет и нет. Вдруг налетел ураган, потемнело море, пошли по нему серые волны; они разбивались о берег, брызги стали долетать до гнезда. «А-а!»— вскричала в страхе голубка и уронила

колос. Голубь переждал бурю и, когда стемнело, вернулся к гнезду. «Я больше ничего не нашёл,— сказал он голубке,— придётся поделить наш единственный колос».—«О голубь, когда была буря, когда волны вздымались до нашего гнезда, я вскрикнула от страха и выронила колос».—«Ты сама его съела»,— сказал голубь и убил голубку. Убил и улетел. Прошло три года. Голубь подумал: «Три года назад у большого дерева я убил мою голубку. Если правда, что она уронила от страха колос, должны быть всходы. А если она сама его съела, никаких всходов нет». Он вернулся к большому дереву и увидел вокруг него целое поле пшеницы! И вскричал голубь: «О горе мне! Я убил невинную подругу мою! Ведь она правду сказала! Ведь она уронила колос!» О великий хан! Если не хочешь стать подобным тому голубю, опомнись!

— Будь по-твоему, учёная птица, говорящий попугай!— сказал хан и бросил меч в ножны.

Ханша проснулась и опять как ни в чём не бывало пошла умываться. Она спокойно умылась, утёрлась полотенцем и села завтракать. Хан удивляется, ничего понять не может.

Пришёл Шонхор, опять играл он лучше, чем прежде, прекрасней, чем смог бы сыграть потом. А поздно вечером он зарезал младшего брата хана и его кровью вымазал руки и лицо молодой ханши.

Утром хан, едва проснулся, бегом побежал к младшему брату. Прибежал к нему, а он убит. Прибежал к ханше — она вся в крови. «Если не она их убивает, то откуда же на ней кровь? Почему она её не замечает на себе?» Выхватил хан свой сияющий меч из алмазной стали, замахнулся... и опустил его. Не мог он её убить, так прекрасна была молодая ханша. И тогда он разбудил её громким криком и отрубил ей правую руку.

— Я оставлю тебе жизнь, но видеть тебя больше не могу, звериное отродье! Иди куда хочешь! Скитайся по земле!

Так сказал хан и выгнал красавицу.

Она пошла по голой степи на восток, пошла искать старика-отшельника. И вот на зов её откликнулся старик.

— О несчастная моя!— сказал он.— На тебе подложные чётки. Я же говорил тебе: «Не снимай ожерелье-чётки до последнего вздоха. Они охранят тебя и от гнева хана, и от злых сил». Ты не послушалась меня. Ну не горюй. У меня есть ещё такие же чётки. Придётся их тебе подарить.

Он снял свои чётки, прикоснулся ими к ханше, и у неё появилась рука.

— Возвращайся к хану,— сказал старик.— Сейчас я ещё раз прикоснусь к тебе моими чётками, и на тебе появится жёлтое одеяние ламы. В этом наряде приди к хану и скажи: «Я — великий святой. Любой грешник очистится от греха, если исповедуется мне. Каждый ваш подданный должен прийти ко мне на исповедь». Хан тебе поверит. Прикажи ему исповедаться первым,

а потом посидеть за занавеской, узнать о грехах подданных.

Старик снова прикоснулся к ханше священными чётками. На ней появилось жёлтое одеяние ламы.

Ханша вернулась во владения Наран-Арслана. Хан принял святого ламу с почестями, поднёс ему дорогие подарки. Лама сказал:

— О великий хан! Вы должны исповедаться. Я отпущу вам ваши грехи. А потом вы должны сесть за занавеску и послушать, что скрывают от вас ваши подданные.

Хан помолился и начал говорить:

— Я великий грешник. Я взял себе в жёны прекрасную девушку, дочь коричневой обезьяны. Мы с молодой ханшей пребывали в блаженстве. Но вскоре три моих драгоценных друга в течение трёх ночей были зарезаны, а у моей любимой жены лицо и руки в те ночи были в крови. И тогда я отрубил ей руку и изгнал её из ханства. Вот в чём мой грех, о святой лама!

— Отпускаю ваш грех!— сказал лама.— А теперь спрячьтесь за занавеской и слушайте.

Пришёл бакши, учитель молитв.

— О святой лама,— начал он.— Мою душу давит тяжкий грех. Когда наш хан взял себе молодую жену, старые его ханши захотели её убить-погубить. Они пришли ко мне и потребовали, чтобы я сказал им, как это сделать. Я не хотел. Но они угрожали зарезаться у меня на глазах. И тогда я открыл им, что молодую ханшу охраняют священные чётки... Я посоветовал им подкупить певца Шонхора, чтобы он выкрал чётки...

— Отпускаю ваш грех,— сказал лама.

А хан сидит слушает, и кулаки у него сжимаются.

Вот пришли на исповедь все его ханши. Старшая говорит:

— Все мы дочери ханов и нойонов. Всех нас одинаково любил великий хан. А когда привёл молодую жену, перестал на нас даже смотреть. И тогда мы решили её сгубить. Мы подкупили певца Шонхора, обманом завладели чётками, которые охраняли ханшу от злых сил, и сделали так, что хан сам расправился с ней...

— И вы прощены. И ваши грехи я отпускаю.

А народ всё шёл и шёл к святому ламе. Самым последним пришёл на исповедь певец Шонхор.

— О святой лама! Я самый грешный в этом ханстве. Старые ханши предложили мне много золота за чётки молодой ханши. Я сумел выкрасть их и заменить подложными. А потом ханши приказали мне убивать одного за другим драгоценных друзей хана и их кровью мазать руки и лицо молодой ханши. Я всё сделал. А чтобы она ничего не замечала, окуривал её дымом дурман-травы...

— Что ж, и твой грех я отпускаю.

Ушёл певец Шонхор. Вышел великий хан. За голову схватился, хочет слово сказать и не может.

А святой лама вдруг сбросил своё жёлтое одеяние, и хан узнал прекрасную ханшу.

— Что, мой хан, узнаёте меня?

— Узнаю, моя голубка! Прости меня! Не послушал я моего мудрого попугая. Не послушал и стал подобным тому голубю!

— Я прощаю вас, мой хан. Поспешим к вашим драгоценным друзьям. Я оживлю их моими волшебными чётками.

Они пришли к убитым друзьям хана — к его младшему брату, к жёлтому слону и к золотисто-рыжему коню. На каждого троекратно возложила красавица свои волшебные чётки, и встали они живые и невредимые, драгоценные друзья хана.

Хан изгнал из своей страны бакши — учителя молитв, Шонхора — сладкоголосого певца — и всех злых, нелюбимых жён.

Хан Наран-Арслан и прекрасная молодая ханша жили долго и счастливо.

Карельская народная сказка

ЧЁРНАЯ УТОЧКА

Жили когда-то на берегу моря старик и старуха. Были у них сын и дочь. Перед смертью старики дали детям наказ:

— Живите дружно, всегда друг другу помогайте, друг друга выручайте.

Остались брат и сестра вдвоём. Брат ходит в лес на охоту, сестра дома управляется. А были они такие красивые, что на всей нашей земле никто не смог бы с ними сравниться. Однажды на охоте брат встретил самого царевича. Царевич засмотрелся на парня, об охоте забыл, а потом говорит:

— Скажи мне, парень: нет ли у тебя сестры? Наверное, она такая же красивая, как ты?

— Нет,— отвечает брат,— она куда красивей меня.

— Тогда отдай её мне в жёны,— просит царевич.— Отдашь — я тебя по-царски награжу. А захочешь — поселишься вместе с нами в царском доме.

Брат пришёл домой, говорит сестре:

— Встретил я в лесу царевича. Он тебя сватает.

Сестра говорит:

— Не пойду замуж, пока не изотру ручной жёрнов, которым мололи зерно отец с матерью.

На другой день брат опять встретил в лесу царевича.

— Что твоя сестра, пойдёт за меня?— спрашивает царевич.

— Говорит, не пойдёт замуж, пока не изотрёт ручной жёрнов, которым мололи зерно отец с матерью.

Царевич задумался. Вечером брат говорит сестре:

— Опять о тебе царевич спрашивал.

— Не пойду замуж, пока не истолку ступку, которую сделал отец для матери,—отвечает сестра.

На третий день брат опять встретил царевича, а вечером сестра сказала:

— Не пойду замуж, пока не сотру подолом юбки деревянный порог, который смастерил мой добрый отец.

Брат рассказал всё это царевичу. Тот говорит:

— Когда сестра уйдёт по воду, ты изруби на куски жёрнов, ступку и порог, а потом легонько склей.

Брат всё сделал, как сказал царевич. Сестра вернулась — ничего не заметила. Утром пошла зерно молоть, повернула жёрнов — он развалился. Пошла в сарай в ступке толочь — ступка раскололась. Пошла домой, на порог ступила — порог развалился.

— Видно, пора замуж идти,— сказала она.

Собрались они, взяли с собой собаку Пятнашку, сели в лодку и поплыли вдоль берега в город. Гребут они, гребут... Вдруг на берегу появилась лесная ведьма, старуха Сюэтар.

— Возьмите меня в лодку!— кричит старуха.— Я так устала, сил нет идти!

— Не надо брать,— говорит сестра,— ведь это Сюэтар. А где она — там беда. От зла не жди добра.

Они плывут дальше. Старуха Сюэтар бежит по берегу и кричит:

— Возьмите меня в лодку, добрые люди! Ноги мои совсем устали, ветками они исцарапаны, муравьями искусаны!

— Не надо брать,— говорит сестра.— Сюэтар погубит нас, только зло у неё на уме.

Дальше они плывут, и вот на повороте у мыса лодка подошла близко к берегу, старуха изловчилась и прыгнула в лодку. Села рядом с девушкой, слух у неё отняла.

Вот брат говорит:

— Царский город показался. Готовься, сестра, надень своё лучшее платье.

А сестра не слышит его слов.

— Что ты говоришь, мой милый братец?

— Он говорит: «Плюнь в воду, прыгни в море, стань чёрной уткой!»— кричит ей в ухо старуха Сюэтар.

Погрустнела девушка, задумалась. А брат вскоре говорит:

— Городская стена виднеется. Готовься, сестра, повяжи свой красивый платок.

Сестра не слышит:

— Что ты говоришь, мой милый братец?

— Он говорит: «Плюнь в воду, прыгни в море, стань чёрной уткой!»— кричит ей в ухо старуха Сюэтар.

«За что мой братец на меня так сердится?» — думает девушка. А брат вскоре говорит:

— Царский дворец сияет. Готовься, сестра, надень своё дорогое ожерелье.

Сестра не слышит:

— Что опять сказал мой милый братец?

— Он сказал: «Плюнь в воду, прыгни в море, стань чёрной уткой»! — кричит ей в ухо старуха Сюэтар.

Что делать? Заплакала сестра. Но нельзя брата ослушаться. Ведь отец с матерью перед смертью наказ дали: брата всегда слушаться. Плюнула девушка в воду, закрыла глаза и прыгнула в море. Тут старуха Сюэтар и превратила её в чёрную утку. А сама надела её лучшее платье, повязала красивый платок, надела дорогое ожерелье. Сама невестой стала. Причалили к берегу, к царёву городу. А у царевича дома всё к свадьбе готово. Он с гостями встречает невесту, радуется. Но когда невесту вблизи увидел — всю радость его как водой смыло. Стоит бедный царевич, что делать — не знает. Что за ведьма вышла из лодки? А он-то хвастался: «Моя невеста — красавица!»

— Ах, парень, как ты меня обманул! — говорит царевич.

А гости свадьбы ждут. Значит, быть свадьбе. Женился царевич на ведьме Сюэтар. Бедного парня за обман приказал запереть в конюшне с девятью дикими жеребцами. «Пусть они его там затопчут, будет знать, как обманывать!»

Ночь настала. Все спят. Подплыла чёрная уточка к берегу, принесла с собой серебристую рубашку для царевича и запела:

Приди, собачка, мой дружок,
Приди ко мне на бережок.
Ах, как мне горько нынче петь!
Где братец милый мой, ответь?

Прибежала собака Пятнашка и говорит:

— Твоего милого братца заперли в конюшне с девятью дикими жеребцами, заперли на погибель.

Сестра запела:

Иди скорей, моя собачка,
Иди скорей, моя Пятнашка,
Иди к царевичу, собачка,
И отнеси ему рубашку.
Пройди, чтоб петли не запели,
Чтоб двери вдруг не заскрипели,
Пройди, чтоб двери не стучали,
Чтоб слуги вдруг не закричали.

Отдала она собаке серебристую рубашку и подумала: «Пусть царевич поглядит на эту рубашку и смилуется над моим братом».

Собака Пятнашка тихо вошла в царский дом, так прошла, что петли не запели, двери не заскрипели. Никто в доме не проснулся. Положила собака рубашку в изголовье царевича и убежала. Утром царевич проснулся, увидел серебристую рубашку и спрашивает:

— Кто это сшил?

Жена его, старуха Сюэтар, говорит:

— Это я ночью сшила. Глаза у меня по ночам спят, а руки — работают.

Царевич удивился, задумался, не поверил и вспомнил о бедном парне, которого приказал запереть в конюшне с жеребцами.

— Эй, слуги,— сказал он,— если тот парень ещё жив, переведите его в хлев, заприте вместе с коровами.

А сам взял рубашку и пошёл к матери. Царица-мать говорит:

— Рубашка твоя серебристая будто из чешуи мелких рыбок сделана. Где ты её взял?

Царевич не знает, что ответить, ушёл, ещё больше задумался.

Ночь настала. Все спят. Снова подплыла чёрная утка к берегу, принесла с собой серебристую скатерть для царевича и запела:

Приди, собачка, мой дружок,
Приди ко мне на бережок.
Как горько жить! Как горько петь!
Где нынче братец мой, ответь?

Прибежала собака Пятнашка и говорит:

— Твой братец жив, его перевели к коровам. Там ему легче.

Сестра отдала собаке серебристую скатерть и сказала:

— Отнеси царевичу, пусть он посмотрит на неё и помилует моего брата.

Собака Пятнашка тихо вошла в царский дом, осторожно положила скатерть в изголовье царевича. Никто не проснулся. Даже ведьма Сюэтар ничего не почуяла. Утром царевич увидел серебристую скатерть и спрашивает:

— Что это? Откуда?

Жена отвечает:

— Я всю ночь работала, для тебя старалась. Глаза мои ночью спят, а руки без устали работают.

Царевич снова не поверил, задумался и опять вспомнил о бедном парне. Он приказал перевести его к овцам. А сам долго рассматривал скатерть. Казалось, она была сделана из чешуи серебристых рыбок. Царевич взял рубашку и скатерть и пошёл к древней старушке, которая жила в маленькой избушке на берегу моря и слыла самой мудрой в их краю.

— Не знаешь ли ты, бабушка, откуда у меня взялись эти вещи?— спросил царевич.

— Как не знать,— отвечает старушка.— Это работа твоей невесты-красавицы, сестры того парня, которого ты мучил ни за что. Обманула тебя ведьма Сюэтар, стала вместо красавицы твоей женой, а девушку превратила в чёрную утку. Две ночи подряд уточка на берег выходила, подарки тебе выносила, через собаку Пятнашку тебе их передавала, чтобы ты её дорогого брата помиловал. Сегодня уточка выйдет на берег в последний раз — попрощаться с собакой. А завтра улетит на юг, в далёкие края.

— Ах, бабушка,— говорит царевич,— что же делать? Как расколдовать мою невесту, чёрную уточку?

Старушка говорит:

— Сейчас иди домой, освободи бедного парня да спрячь его подальше от глаз ведьмы Сюэтар. Вечером приходи на берег, встань за моей избушкой и жди, когда приплывёт чёрная уточка. Как только споёт она свою песню, тут её и лови. А потом бросай за спину через левое плечо. Расколдовать её нелегко, она будет превращаться в разных животных, но ты не бойся, всех смело бросай через левое плечо.

— Спасибо, бабушка,— сказал царевич и пошёл домой.

Дома он приказал слугам освободить парня и увести его в дальнюю комнату дворца. Вечером царевич пришёл на берег и спрятался за избушкой.

Ночь настала. Приплыла чёрная уточка, выбралась на берег и запела:

Приди, Пятнашка, мой дружок,
В последний раз на бережок...
В последний раз так горько петь!
Где нынче братец мой, ответь?

Царевич выскочил из-за избушки, схватил чёрную уточку и перекинул через левое плечо. Оглянулся — там змея. Он схватил змею и перекинул через левое плечо. Оглянулся — там огромная ящерица. Он перекинул и ящерицу. Оглянулся — там жаба. Он перекинул жабу. Оглянулся, а там стоит красавица — ни в сказке сказать, ни пером описать.

— Вот моя невеста!— закричал царевич. А потом тихо сказал:— Выходи за меня замуж.

— Не пойду,— отвечает девушка.— Ведьма Сюэтар снова меня погубит.

Царевич говорит:

— Я оставлю тебя здесь, на берегу, в этой избушке, у этой доброй старушки. Вернусь за тобой, когда ведьмы Сюэтар в моём городе не будет.

Он вернулся домой, приказал слугам схватить ведьму, связать, отвести в тёмный лес и бросить. Старуха Сюэтар взмолилась:

— Пощади меня, царевич, я не буду больше зла творить, оставь мне жизнь, я никогда не выйду из лесу.

Царевич приказал развязать ведьму. Слуги отвели её в лес.

Царевич пошёл на берег, взял за руку красавицу невесту и привёл её домой. Древнюю старушку, которая рассказала ему про чёрную уточку, он по-царски наградил. А назавтра устроил пир на весь мир. Такой свадьбы никто не видывал. Жил царевич с красавицей долго и счастливо.

Кетская народная сказка

ЖЕНЩИНА И ФЫРГЫНЬ

Жила в лесу у озера женщина. Был у неё маленький сын Хасингет. Рядом с ней по соседству жила фыргынь[1]. У неё была маленькая дочь. У фыргыни и у её дочери на каждой руке было по четыре пальца. А у женщины и у Хасингета — по пять. Фыргынь завидовала женщине, что у той — сын. Фыргынь думала: «Вот вырастет Хасингет — охотиться будет, мясо приносить будет. Надо украсть мальчишку, пока мал, чтобы мать забыл, чтобы ко мне привык».

Однажды она женщину на озеро зовёт:

— Пойдём, соседка, искупаемся.

Женщина с ней пошла. Фыргынь говорит:

— Давай состязаться: кто дальше под водой проплывёт.

Женщина нырнула, поплыла. Далеко под водой поплыла. А фыргынь и в воду не вошла. Мальчика схватила, дочь свою оставила. И побежала, побежала, побежала...

Женщина вынырнула, оглянулась. Нет на берегу сына, нет фыргыни. Поплыла скорей назад, выскочила из воды. На берегу сидит маленькая четырёхпалая девочка. Женщина закричала:

— Сына моего унесла, а дочь свою оставила! Зачем мне дочь?!

Маленькая девочка заплакала. Женщина пожалела её. Пожалела — в свою землянку отнесла.

А фыргынь далеко к югу убежала. Там чум поставила. Мальчика Хасингета в нём растила.

Время прошло. Вырос Хасингет, парнем стал, на охоту начал ходить. Ловким стал, умелым стал. Без добычи не приходил. Как пойдёт на охоту — так оленя принесёт. А фыргынь много ест, быстро ест, только кости трещат! И всё ей мало. Сколько ни принесёт Хасингет, ей мало. Каждый день говорит:

— Ты побольше мяса приноси, ты получше меня корми. Ведь я твоя мать.

А Хасингет думает: «У неё на руках по четыре пальца. У меня на руках по пять пальцев. Почему? Неужели она — моя мать? Может быть, она фыргынь? Может быть, она утащила

[1] *Фыргынь* — ведьма, нечистая сила, злой дух.

меня у матери? У моей матери на руках, наверное, по пять пальцев, как и у меня. Может быть, моя настоящая мать голодает? Может быть, костного жира из оленьих ног[1] и не пробует? А я тут какую-то фыргынь мясом-жиром кормлю. А я тут в бездонную утробу целые туши бросаю...»

Однажды он вернулся с охоты, подошёл к чуму, слушает. А там фыргынь на оленьих шкурах катается и распевает:

Я с Хасингетом убежала! Олений лоб, олений лоб!
Как много в нашем чуме стало оленьих ног, оленьих ног!

Я сына женщины украла! Олений лоб, олений лоб!
Приносит удалец немало оленьих ног, оленьих ног!

Хасингет вошёл в чум. Ведьма вскочила. Она подумала: «Парень, наверное, слышал мою песню. Что делать? Надо подсыпать ему в еду травы, которая отбивает память». Она начала готовить еду. Положила мясо в котёл. Хасингет лёг, будто очень устал, глаза закрыл, а сам из-за рукава подсматривает. Старуха начала что-то трясти над котлом. Трясёт рукой и шёпотом напевает.

Хасингет встал. Старуха фыргынь говорит:

— Вот, сынок, ешь, я сварила, постаралась.

Хасингет говорит:

— Нет, мама, я есть не хочу.

Фыргынь тоже есть не стала. Легли спать. Утром она говорит:

— Когда пойдёшь на охоту, сынок, в северную сторону не ходи. Охоться только в южной стороне.

Хасингет ушёл на охоту. Идёт и думает: «Почему она мне запрещает ходить на север? Я никогда туда не ходил. А теперь пойду, посмотрю, что там». Он добыл оленя и пошёл на север. Долго шёл, увидел лыжню. Пошёл по лыжне. Она привела его к землянке. Он снял лыжи, взошёл на крышу, заглянул внутрь через дымник. Увидел женщину и девушку. У женщины пять пальцев на руках, а у девушки — четыре. Над очагом висит котёл, в нём кипит вода. Вот девушка взяла несколько мышей и бросила их в котёл, Хасингет бросил в землянку большой кусок костного мозга. Он попал в котёл. Девушка закричала:

— Мама, мама! Смотри, в нашем котле жир! Никогда не было столько жиру!

Женщина ответила:

— Молчи. Того, кто мне носил бы жир, твоя мать давно унесла.

Хасингет понял, что он пришёл к своей родной матери. Он вошёл в землянку. Положил тушу оленя и сказал:

---

[1] *Костный жир из оленьих ног* — самая лакомая пища у всех народов Севера.

— Мама, я нашёл тебя. Я твой сын. Вот тебе мясо и жир.

Женщина сняла с огня котёл с мышами. Сняла котёл — выплеснула варево прочь. Потом сварила настоящего мяса. Они поели.

— Мама, как же мне перебраться к тебе? Ведь фыргынь меня не отпустит,— сказал Хасингет.— Она каждый день съедает оленя. Я ей приношу оленей.

Мать научила сына, как уйти от ведьмы. Она сказала:

— У старухи есть трава, которая отбивает память. Заставь её съесть мяса с этой травой и уходи. Она забудет, что ты есть на свете, и не погонится за тобой.

Хасингет так и сделал. Накормил злую фыргынь её собственной травой. И ушёл. Одну оставил в чуме навсегда.

Пришёл к матери и говорит:

— Теперь надо расправиться с четырёхпалой дочкой ведьмы.

Мать говорит:

— Не надо. Пусть живёт. Я её вырастила. Я кормила её дарами земли. Она ни в чём не виновна.

Стали они жить втроём. Хасингет на охоту ходил — оленей приносил. Хорошо жили. Всё.

Коми народная сказка

ПЕРЯ-БОГАТЫРЬ

В стародавнее время жил, говорят, на речке Лупье, что впадает в Каму, невиданный силач по имени Перя. Жил он охотой, охотился с луком и стрелами. Из лука он птицу бил, а на крупного зверя ходил с копьём. Увидит след лося, оленя или медведя и — бегом по следу. Быстро догоняет, копьём пронзает. Была у него в лесу избушка, только Перя в ней спать не любил: душно. И летом и зимой спал возле избушки на вольном воздухе у костра.

Люди уважали Перю-богатыря, любили его.

В то время много леших жило в наших лесах. Разные были лешие. Возле одной деревни очень лютый леший завёлся, всем в деревне досаждал, охотиться не давал, скотину воровал. Люди его и так и этак ублажали, угощали. Пирог с рыбой испекут, куриных яиц наварят, отнесут всё это в лес, на пенёк положат, крикнут:

— Ешь, ворса[1], угощайся, только нас не трогай!

Даже собак для него резали. Лешие очень любят собачье мясо. Так этот леший все гостинцы съедал, а не унимался, продолжал людям вредить. Что делать? Решили позвать на помощь Перю-богатыря. Рассказали о проделках лешего. Перя

[1] *Ворса* — леший.

рассердился, взял своё оружие, встал на лыжи и пошёл в тот лес, где хозяйничал. Начал искать его тропу. К вечеру нашёл, развёл костерок, сел. Проходят охотники, говорят:

— Где ты сидишь? Ведь это тропа лешего. Он за это никого не прощает и тебе спуску не даст.

— Он-то мне и нужен,— усмехается Перя.

К ночи пришёл леший — огромный, голова выше леса.

— Ты что на мою тропу пришёл, жалкий человек? Может, силой хочешь помериться?

Встал Перя во весь свой огромный рост.

— Да, хочу помериться.

Увидел леший, какой перед ним богатырь, и решил хитростью Перю одолеть.

— Давай,— говорит,— сейчас спать ляжем, а утром будем силой мериться.

— Что ж, давай,— соглашается Перя.

Они срубили две сосны, сделали для ночёвки нодью[1]. Леший лёг по одну сторону нодьи, Перя — по другую.

— Как ты спишь?— спрашивает леший.

— Я сплю неслышно и неподвижно, как бревно,— говорит Перя.— А ты как спишь?

— Я, когда сплю, так храплю, что хвоя надо мной осыпается, а из носа летят искры,— отвечает леший.

Перя затих. Вскоре леший захрапел так, что посыпалась хвоя. Перя встал, посмотрел на него через костёр. Верно: из носа лешего летят искры. Значит, спит. Перя положил на своё место толстое бревно и прикрыл своей одеждой, а сам спрятался за могучей сосной. В полночь леший проснулся, встал, глянул через костёр и говорит:

— Он и вправду спит как бревно.

Взял леший своё копьё, прыгнул через костёр и вонзил копьё в бревно, укрытое одеждой. С трудом вошло копьё в сырое бревно, всей грудью леший на него налёг.

— Ох и крепкий ты был богатырь!— сказал он.— Но и тебе пришёл конец.

Тут вышел Перя из-за сосны, натянул свой тугой лук.

— Стой, злодей ворса! Ты хотел меня спящего убить, раскалённым копьём пронзить, и за это тебе не будет пощады!

Что делать лешему? Копьё увязло в бревне. Стоит безоружный.

— Пощади меня,— говорит.— Я не буду больше людям вредить.

— Не верю я тебе,— отвечает Перя.— Ты сейчас показал, каков ты есть, показал свою чёрную душу.

Перя пустил стрелу в грудь лешего. Убил злодея. Пришёл в деревню, говорит людям:

---

[1] *Нодья* — особым образом разведённый костёр: два кряжа кладут друг на друга, между ними — сухие ветки. Огонь горит медленно, всю ночь, и жар идёт в стороны, обогревая охотников.

— Теперь можете спокойно жить, без страха лесовать[1].

А в другой раз пришли к Пере гонцы от самого князя. Напала на княжеский город степная орда, бьёт княжеское войско, нет сил устоять. Вражий богатырь ездит в огромном железном колесе, давит княжеских воинов, и некому с тем богатырём сразиться. Приди, мол, Перя-богатырь, встань на защиту нашей земли.

Перя согласился, гонцы говорят:

— Отвезём тебя к месту битвы за две недели.

— Не надо,— говорит Перя.— Я пешком за два дня доберусь.

Встал Перя на лыжи. Пришёл к полю боя за два дня, видит: идёт сражение — ездит вражий богатырь в огромном железном колесе и давит им людей. Перя схватил колесо двумя руками, приподнял да шмякнул оземь. Ни богатыря, ни колеса не стало. Вражье войско увидело победу Пери-богатыря и побежало назад.

Князь пригласил Перю к себе на великий пир. Три дня пировали. Перя домой собирается. Князь спрашивает:

— Что, Перя, понравилось тебе спать в княжеских покоях?

— Нет,— отвечает богатырь,— не понравилось. В твоих покоях духота да блохи, а я привык спать в лесу возле нодьи, на вольной воле.

— Ты врага разбил,— говорит князь,— проси за службу что хочешь.

— Ничего мне не надо,— говорит Перя.— Одно лишь надо — свободно жить и лесовать в моих родных местах по речке Лупье.

Князь подарил Пере грамоту на владение теми лесами, а ещё подарил шёлковую сеть — куниц ловить.

Вернулся Перя домой и зажил, как прежде, мирно и спокойно. Лесовал в своих огромных владениях, никто ему не мешал.

Вот каким был наш Перя-богатырь.

Все у нас знают Перю, все о нём рассказывают, все его любят.

Мансийская народная сказка

ЭКВА-ПЫРИСЬ И ПТИЦА ТОВЛЫН-КАРС

Жил на нашей земле Эква-Пырись — человек, прославленный в песнях, человек, прославленный в сказках. Жил он с бабушкой в лесу. Когда вырос, стал сильным, как зверь. Бабушка ему новую одежду сшила, звериную одежду сшила. Шапка была из чёрного соболя, из редкого соболя. Эква-Пырись оделся, шапку надел, шапку на глаза надвинул.

— Бабушка, где я?— кричит.

---

[1] *Лесовать* — промышлять в лесу, охотиться.

Бабушка смотрит — нет внука. Туда-сюда смотрит — нигде нет. Эква-Пырись шапку на затылок сдвинул — вот он, стоит. Шапку на глаза надвинет — нет его.

— Ну вот, теперь можно и по земле пойти, мир посмотреть, жену поискать,— говорит он.

Попрощался с бабушкой, пошёл. Долго ли шёл, коротко ли шёл, видит — землянка. Вошёл. Там старик лежит. Эква-Пырись шапку на глаза надвинул, говорит:

— Здравствуй, дедушка!

Старик вскочил, смотрит туда-сюда. Никого нет. Шепчет себе:

— Голос почудился. Что со мной? Может, смерть пришла?

Паренёк шапку назад сдвинул, показался старику.

— А, это ты, внучек, ты, Эква-Пырись, тут колдуешь,— говорит старик.

— Кто же ещё? Конечно, я!

Старик поставил хмельного питья, медовой еды. Ели, пили. Старик говорит:

— Подарю тебе шкурку горностая. В беду попадёшь — в шкурку полезай.

Эква-Пырись спасибо старику сказал, шкурку взял, попрощался.

Сколько ни шёл — опять на землянку набрёл. Там старик лежит. Спит. Паренёк шапку на глаза надвинул, говорит:

— Что ты, дедушка, всё спишь да спишь? Здравствуй!

Старик проснулся, смотрит — ничего не понимает. Снова лёг, думает: «Вот и смерть пришла». Эква-Пырись шапку на затылок сдвинул, смеётся:

— Что, дедушка, глаза ослабли?

— А, это ты, внучек, меня морочишь,— говорит дед.— Это ты, Эква-Пырись!

— А то кто же ещё? Конечно, я!

Старик поднялся, вкусной еды приготовил, сладкой еды достал. Поели, попили, дед говорит:

— Подарю тебе шкурку мыши. Худо будет — в шкурку полезай.

Эква-Пырись спасибо сказал, шкурку взял, попрощался с дедом, дальше пошёл.

Сколько ни шёл — опять вниз глянул, опять землянка. Зашёл в неё, там старик лежит. Опять паренёк невидимым стал, старика испугал, старик подумал: «Смерть пришла». Показался ему Эква-Пырись. Старик говорит:

— А, это твои шутки, это ты, внучек Эква-Пырись!

Старик угостил парня сладкой едой, хмельным питьём. Потом говорит:

— Что ж тебе подарить? Есть у меня старый топорик. Зовут его Унтвос. Тебе его подарю. Худо будет, трудно будет — топорик из рук не выпускай. Сам его именем назовись. Зовись отныне Топорик Унтвос.

Эква-Пырись спасибо сказал, топорик взял, попрощался с дедом, дальше пошёл. И вот пришёл к городу. Смотрит, половина города разрушена, половина — живёт. В этом городе правил Усын-отыр[1]. Народ заговорил:

— К нам пришёл странный человек, неведомый человек Топорик Унтвос.

А Топорик Унтвос прямо в дом к Усын-отыру пошёл, его гостем стал. У богатыря Усына красивая дочь была. Топорик Унтвос к ней посватался. Усын-отыр говорит:

— Я отдам тебе дочь. И калым[2] не нужен. Но мне нужна услуга настоящего богатыря. Ты видел мой город? Половина его мертва. Две огромные птицы Товлын-Карс таскают моих людей. Ими они кормят своих птенцов. Тут недалеко горячее море. Посреди моря на островке стоит лиственница до неба. На ней — гнездо этих птиц. Убей птиц Товлын-Карс, избавь мой город от горя.

— Что ж, убью,— отвечает Топорик Унтвос.

Пришёл он к горячему морю. Видит, вдалеке лиственница. А на ней гнездо. Через море на плоту к островку приплыл, до лиственницы добрался. Смотрит, гладкий ствол, чистый ствол — ни сучка, ни зацепки. Как быть, как взобраться? Вынул шкурку горностая, влез в неё, горностаем стал, горностаем по стволу побежал. Долго бежал, из сил выбился. Вынул шкурку мыши, влез в неё, мышью стал, мышью побежал. Вот и гнездо. Одной рукой за край гнезда ухватился, другой рукой топорик держит. И тут из-под гнезда появилась Железная Лягушка — лягушка, у которой не было ни сердца, ни печени. Только она хотела убить парня — он замахнулся своим топориком. Лягушка сорвалась и полетела вниз. Ухнулась оземь, расшиблась насмерть. Топорик Унтвос залез в гнездо. Там — два птенца. Паренёк им говорит:

— Почему вы не летаете?

Птенцы отвечают:

— Мы не могли летать. Под нашим гнездом жила Железная Лягушка — лягушка без сердца и без печени. Она каждый день обгрызала нам крылья. Только крылья чуть отрастут, только мы захотим взлететь — лягушка обгрызает крылья, взлететь не даёт. Когда б не ты, она опять взялась бы за наши крылья, опять бы их обгрызла. А теперь посмотри, как мы взлетим!

Птенцы взлетели, долго летали, совсем из глаз пропали. Потом вернулись, сели в гнездо, говорят:

— Прячься, Топорик Унтвос, наш сердитый отец домой возвращается!

Парень смотрит: летит огромный Товлын-Карс, в когтях

---

[1] *Отыр* — богатырь.
[2] *Калым* — выкуп за невесту.

несёт человека в белой парке[1]. Прилетел, человека птенцам бросил. Птенцы говорят:

— Не надо, мы людей теперь не едим. И этого из гнезда выбросим.— Взяли и бросили его вниз.

Топорик Унтвос быстро зашептал — колдовские слова проговорил:

Песня вдаль пускай летит,
Слово вдаль несётся!
Человек, что вниз летит,
Пусть не расшибётся.
Море пусть переплывёт
И спасётся!

Птенцы говорят:

— Берегись, Топорик Унтвос, наша сердитая мать домой возвращается!

Смотрит парень: летит огромная птица, в когтях несёт женщину в белой ягушке[2]. Бросила женщину птенцам. Они говорят:

— Не надо, мы людей теперь не едим. И эту женщину из гнезда выбросим.— Взяли и бросили её вниз.

Парень снова зашептал — колдовские слова быстро проговорил:

Песня вдаль пускай летит,
Слово вдаль несётся!
Женщина, что вниз летит,
Пусть не разобьётся,
Море пусть переплывёт
И спасётся!

Птенцы говорят:

— Мы людей теперь не едим, потому что нас человек спас. Он убил Железную Лягушку — лягушку без сердца и без печени, лягушку, которая жила под гнездом и каждый день обгрызала нам крылья, не давала взлететь. Вот почему мы людей есть не хотим.

— Где же этот храбрец?— спрашивают отец и мать.

— Мы его спрятали, боимся, как бы вы его не съели,— говорят птенцы.

— Зачем же мы будем есть богатыря — вашего избавителя?— говорят отец и мать.

Птенцы показали им Топорика Унтвоса.

Старый Товлын-Карс говорит птенцам и жене:

— Летите назад, в наши земли. А я пока останусь. Топорику Унтвосу помогу.

Птенцы с матерью улетели. Товлын-Карс спрашивает:

— Зачем ты здесь, Топорик Унтвос?

---

[1] *Парка* — верхняя одежда из оленьих шкур мехом наружу.
[2] *Ягушка* — верхняя женская одежда.

— Я здесь, чтобы тебя убить,— отвечает парень.— Ты таскал людей из города Усын-отыра. Вот он и послал меня спасти его город от горя.

Товлын-Карс говорит:

— Мои птенцы теперь не едят людей. Они улетели далеко-далеко. Мне больше незачем таскать людей из города Усын-отыра. Больше я в город не прилечу. Иди скажи Усын-отыру: «Я убил двух птиц Товлын-Карс». А теперь, внучек Топорик Унтвос, садись ко мне на спину, я тебя в город отнесу.

Старый Товлын-Карс принёс парня к городу. Сказал, что подождёт его, вдруг понадобится. Парень вошёл в город, пришёл к Усын-отыру.

— Ну что, видел птиц Товлын-Карс?— спрашивает старик Усын.

— Я их убил, больше в городе ты их не увидишь,— отвечает Топорик Унтвос.

Старик Усын-отыр говорит:

— Я отдам за тебя дочь, а ты для свадебного пира еды раздобудь. Говорят, на том краю земли в океане плавает золотой окунь. Привези того окуня.

— Привезу,— отвечает Топорик Унтвос.

Он побежал к птице Товлын-Карс. Птица спрашивает:

— Ну что, внучек?

— Да вот, говорят, на том краю земли в океане плавает золотой окунь. Надо мне его добыть.

— Садись ко мне на спину, полетим,— говорит птица.

Поднялся в небо старый Товлын-Карс. Полетели они выше облаков, полетели быстрее молнии. Вот и край земли, ледяной океан. Лёд продолбили, рыб рассматривают. Плывёт плотичка. Они её поймали, на лёд выбросили. Плотичка лежит, мёрзнет. Потом говорит:

— Я замёрзла, отпустите меня, я откуплюсь — приведу вам золотого окуня.

Отпустили плотичку. Вскоре она вместе с золотым окунем приплыла. Рядом с ним у проруби плавает. Товлын-Карс выхватил когтями золотого окуня, на лёд бросил.

— Ну,— говорит,— дело сделано. Этот окунь очень большой, очень тяжёлый. Постарайся взвалить его мне на спину да сам садись. Назад полетим!

Эква-Пырись взвалил окуня на спину огромной птице, сам сел, они полетели. Около города опустились. Птица говорит:

— Я спрячусь, а ты иди к Усын-отыру, скажи, что сил больше нет тащить окуня, пусть даст лошадей. Когда спросит сколько, скажи: «Трёх запрягай».

Эква-Пырись пришёл к Усын-отыру. Трёх лошадей запрягли. На трёх лошадях еле-еле довезли золотого окуня. Усын-отыр говорит:

— Ты — настоящий богатырь. Два подвига совершил. А раз так, и третий тебе будет не в тягость. Говорят, на другом краю

земли в лесу живёт птица по имени Сат-Нематур. Привезёшь птицу — забирай невесту!

— Что ж, привезу,— отвечает Топорик Унтвос.

Он пришёл к птице Товлын-Карс.

— Что теперь, внучек?— спрашивает птица.

— Да вот, говорят, на другом краю земли в лесу живёт птица Сат-Нематур. Теперь Усын-отыр требует эту птицу.

— Садись ко мне на спину. Опять полетим,— говорит Товлын-Карс.

Поднялись они в небо, полетели выше облаков, полетели быстрее молнии. Прилетели на другой край земли в тот лес, где живёт птица Сат-Нематур. Старый Товлын-Карс говорит:

— Ты спрячься тут. Я её сам поймаю.

Он пошёл в лес, поймал диковинную птицу.

Эква-Пырись взвалил её на Товлын-Карс, сам сел, прилетели назад к городу. Товлын-Карс говорит:

— Иди к Усын-отыру, скажи, что сил больше нет тащить птицу Сат-Нематур, пусть даст лошадей. Когда спросит сколько, скажи: «Трёх запрягай».

На трёх лошадях еле-еле довезли огромную птицу. Хозяин города Усын-отыр говорит:

— Что делать, теперь отдам тебе мою дочь.

Свадебный пир устроили — семь дней угощались, семь ночей пировали. А после пира Эква-Пырись из дома вышел, из кармана мешочек вынул, жену в него посадил и опять в карман положил. Потом домой пошёл, к бабушке пошёл. Бабушка его встретила, обрадовалась, стала его обнимать, целовать. А Эква-Пырись из кармана мешочек вынул, из мешочка жену достал. Ещё больше бабушка обрадовалась. Стали они все вместе жить.

Мордовская народная сказка

ДУБОЛГО ПИЧАЙ

Жили-были старик со старухой. Были у них два сына-охотника и дочь-красавица. Дочку звали Дуболгó Пичáй. Была она такая красивая, что не было, наверное, на всей земле красавицы, которая могла бы с ней сравниться.

Прошло время, умер отец. Вскоре за ним умерла мать. Осталась красавица Дуболго Пичай со старшими братьями. Они очень любили свою сестрицу. Собираются братья на охоту — сестрица их провожает. А они ей говорят:

— Будет на твоё счастье охота удачной, подстрелим красного зверя — купим тебе, сестрица, дорогие подарки.

И всегда у них охота бывала удачной, и каждый раз одаривали они сестру дорогими подарками — кольцами, браслетами,

ожерельями. Хорошо жили. Но вот оба брата женились, жён в дом привели. Каждый день они ругались со своими мужьями и между собой. В одном только они сошлись: обе люто ненавидели Дуболго Пичай.

— Почему это вы ей подарки обещаете, когда на охоту идёте?!— кричали они своим мужьям.— Почему ей дорогие украшения и наряды приносите? Разве не мы ваши жёны? Нам вы должны всё приносить!

Братья стали, уходя на охоту, говорить жёнам:

— Будет на ваше счастье охота удачной, подстрелим много зверя — купим вам, милые жёнушки, дорогие подарки — наряды и украшения.

Но не было счастья у сварливых жён, не было у братьев удачи на охоте, приходили с пустыми руками, не приносили шкурок, и не на что им было купить дорогие подарки.

— Так мы все с голоду пропадём,— говорят между собой братья.— Нет, пусть нам помогает счастье Дуболго Пичай, пусть к нам вернётся охотничья удача.

Они снова стали, уходя на охоту, сулить сестрице дорогие подарки, и снова на её счастье вернулась к ним охотничья удача. Ещё больше возненавидели злые жёны красавицу Дуболго Пичай.

— Надо так сделать,— говорят они между собой,— чтобы братья выгнали её из дому. Давай отравим их любимого карего жеребца и скажем, что это сделала Дуболго Пичай.

Когда братья уехали на охоту, жёны отравили карего жеребца, который бегал быстрее ветра. Когда братья вернулись с добычей, привезли много зверя и птицы, привезли подарки для сестрицы, жёны с плачем выскочили им навстречу и заголосили. Каждая своему мужу сказала:

— Ах, милый муженёк, что тут было! Что тут натворила ваша хорошая сестрица, которой вы привозите дорогие подарки! Уж она отплатила вам за доброту! Она отравила вашего карего жеребца, который бегал быстрее ветра!

Братья говорят:

— Жаль, конечно, что сдох наш карий жеребец, который бегал быстрее ветра. Но мы добудем себе другого, такого же доброго жеребца, а вот другой, такой же умной и доброй сестры мы нигде не найдём.

И они отдали сестре все подарки, которые ей привезли.

Злые жёны зубами скрипят, злые жёны друг другу шипят:

— Всё равно мы её погубим! Разлюбят её братья, привяжут её к хвосту жеребца!

В другой раз, когда братья ушли на охоту, жена старшего брата дала своему грудному ребёнку отвар такой травы, от которой он побелел и пролежал без движения три дня. Когда братья вернулись, она в слезах закричала:

— Ах, милый муженёк, что на этот раз натворила ваша хорошая сестрица! Она хотела отравить нашего маленького

сына! Вот он, бедный, лежит чуть живой, не шевелится!

Братья не поверили. Старший говорит младшему:

— Наша сестра добра, как голубица, не может она делать злые дела, не может она дать отраву ни ребёнку, ни лошади. Это наши злые жёны на неё наговаривают.

Снова братья отправились на охоту. Вышла провожать их Дуболго Пичай, а у самой слёзы градом так и катятся. Чует её сердце: что-то будет недоброе. Братья успокаивают её, братья говорят:

— Не плачь, сестрица.. Если на твоё счастье охота будет удачной, привезём тебе подарки и гостинцы.

На этот раз охота была особенно удачной, на всём пути попадались братьям звери и птицы. До ночи они охотились и заночевали в лесу. Сидят у костра, разговаривают.

— Что-то сердце у меня сегодня ноет,— говорит младший брат.

— И у меня сегодня сердце не на месте,— говорит старший.— Боюсь я за нашу сестрицу Дуболго Пичай. Как бы наши жёны чего не натворили...

В это время их жёны задумали страшное дело. Старшая говорит младшей:

— Ты истопи-ка баню пожарче да в чёрном котле растопи жёлтого воску побольше. Когда будет готово, скажи. Мы пригласим в баню Дуболго Пичай, красавицу ненавистную.

Когда баня была готова, злодейки притворились добрыми и ласковыми и пришли к Дуболго Пичай.

— Милая наша красавица, пойдём с нами вместе помоемся, попаримся, мы баньку уже приготовили.

Дуболго Пичай пошла с ними. В бане невестки были одна другой ласковее, одна другой приветливее. Одна девушку моет, другая тёплой водичкой окатывает. Младшая говорит:

— Ну вот, хорошо вымыли, теперь надо в последний раз окатить. Давай-ка окатим её из большого чёрного котла.

Старшая невестка взяла котёл. Глянула Дуболго Пичай, а вода в нём — не шелохнётся! Что за вода? Ахнуть не успела Дуболго Пичай, как злодейка облила её горячим расплавленным воском. Упала девушка как подкошенная. Воск покрыл её тонким слоем, залил горло и уши... Захохотали две злодейки:

— Ну вот и избавились мы от Дуболго Пичай, ненавистной красавицы!

Принесли они её домой, одели, положили на лавку. Ждут мужей. А они с охоты не возвращаются. Они в лесу ночуют. Обе злодейки со страху всю ночь не спали, мужей ждали.

На рассвете охотники вернулись с богатой добычей. Жёны выскочили им навстречу.

— Что не встречает нас Дуболго Пичай?— спрашивает младший брат.

— Уж не заболела ли?— спрашивает старший брат.

Их жёны в слезах говорят:

— Беда стряслась, ой беда! Ваша сестрица Дуболго Пичай упала и умерла. Мы без вас её обмыли и одели, чтобы в гроб положить. Зайдите в дом, взгляните на сестрицу да гроб ей поскорее смастерите.

Братья вошли в дом. На лавке под белым холстом лежит сестрица. Они открыли лицо — совсем как живая, только глаза закрыты. Заплакали братья. А потом смастерили гроб, положили в него сестрицу и отвезли в дальний тёмный лес. Там сделали деревянные подставки, на них поставили гроб. Рядом оставили два лукошка с пшеницей.

Жёны долго допытывались, где похоронена Дуболго Пичай, но братья не сказали.

За тёмным лесом была деревня, там жила старая вдова. У неё был единственный сын Виртян. Этому Виртяну вечно не везло. За какое дело ни возьмётся — всё из рук валится, ни в чём нет удачи. Одно лишь у него получалось: хороших гусей держал. Его гуси были самые жирные во всей округе. «Что ж,— думал Виртян,— видно, моё счастье в гусях». Однажды он заметил, что гуси его вернулись вечером домой не с озера, как обычно, а из лесу. На другой день тоже. «Куда ходят мои гуси?— подумал парень.— Надо проследить. Завтра их никуда не погоню, пусть идут куда хотят».

Назавтра гуси пошли в лес. Виртян — за ними. Гуси прошли сквозь чащу и дошли до реки. Переплыли на ту сторону. И Виртян за ними. С трудом переплыл речку, она оказалась очень быстрой и глубокой. Гуси пошли дальше и вышли на полянку. На полянке на подставках стоит гроб, а возле него два лукошка с пшеницей. Вот куда гуси спешили! Виртян думает: «Гуси не зря меня сюда привели. Моё счастье в гусях... Возьму-ка я этот гроб да домой отнесу. Спрошу у матери, что с ним делать». Взял он гроб, положил на плечи и понёс домой. Подошёл к реке и говорит:

— Если переплыву реку — вместе с ним переплыву, если унесёт меня река — вместе с ним унесёт! Но гроба из рук не выпущу.

Сказал так и вошёл в воду. Вода оказалась ему по колено. Дальше идёт — вода по щиколотку. Дошёл до середины реки, глянул вверх по течению — вода перед ним стоит стеной, глянул вниз — вода высыхает. Вышел он на берег, оглянулся — рухнула стена воды, снова река бурно потекла.

Виртян принёс гроб домой. Мать приказала открыть крышку. Когда крышку открыли, повеяло запахом полевых цветов. В гробу лежала девушка, прекрасней которой нет на свете. Мать говорит:

— Не похоже, что она умерла. Кажется, что она спит.

Старушка открыла рот девушки, смотрит: горло чем-то залито. Глянула в уши — уши тоже залиты. Догадалась старушка: это воск, надо его в жаркой бане растопить. Она

приказала Виртяну истопить баню. Когда баня была готова, девушку положили на полок.

— Теперь ты иди,— сказала старушка сыну,— а я её попарю.

Парень вышел из бани. Старушка раздела девушку, положила её ничком и давай парить горячим веником. Видит, воск с неё закапал. И из ушей потёк, и изо рта. Девушка начала дышать. А потом и глаза открыла. Смотрит вокруг — ничего не понимает. Старушка помогла ей одеться, привела в избу.

— Добрые люди, как я сюда попала?— спросила девушка.

Старушка с Виртяном всё ей рассказали. Потом спросили, кто она и откуда.

— Ничего не помню,— ответила девушка.

Ей дали имя Уцяскай, что значит «счастье». И впрямь в их доме поселилось счастье. С тех пор, за что бы Виртян ни брался, всё у него ладилось, всё получалось. Вскоре он женился на красавице.

Прошли годы. Однажды к их дому подошли двое нищих. Одежда у них — дыра на дыре, заплатка на заплатке, лица у них горестные и измождённые. Дуболго Пичай их узнала: это были её родные братья. Слёзы у неё — кап-кап!— закапали, губы у неё — дёрг-дёрг!— задёргались. А нищие странники низко ей поклонились и говорят:

— Добрая, красивая хозяюшка, пожалей ты нас, неприкаянных, накорми голодных, напои жаждущих.

Дуболго Пичай пригласила их в дом, хорошо накормила-напоила, баню истопила, а когда странники вымылись-выпарились и собрались уходить, сказала:

— Куда же вы на ночь глядя пойдёте? У нас и ночуйте. Муж скоро с охоты вернётся, вам обрадуется: он любит слушать рассказы странников.

Братья остались. Скоро вернулся Виртян с большой добычей.

— Смотри,— говорит,— милая жёнушка, сколько дичи я настрелял!

Он поздоровался со странниками и сел ужинать. Старший брат начал рассказывать:

— Мы родные братья, почтенный хозяин. Мы были, как и ты, богаты и счастливы, с охоты никогда не возвращались без добычи. Счастье нам приносила наша сестра, красавица Дуболго Пичай. Мы любили её больше всего на свете. И была она прекраснее всех девушек на свете и похожа, дорогой хозяин, на твою жену. Если бы мы не знали, что сестра умерла, мы подумали бы, что перед нами наша Дуболго Пичай. Но нет её в живых, её сгубили наши злодейки жёны... После кончины сестры нам изменило охотничье счастье, стали мы приходить домой без добычи. За что ни брались, ничего не получалось. Мы обнищали и вот теперь ходим по миру...— Он заплакал.

Дуболго Пичай не выдержала — разрыдалась. Когда все успокоились, она сказала:

— Милые мои братья! Я ведь и есть ваша сестра Дуболго Пичай. Злые невестки облили меня воском, и я стала как мёртвая. Вы меня похоронили. Виртян спас меня, к жизни вернул... И вот мы встретились. Теперь будем жить все вместе. Оставайтесь у нас, живите с нами!

Братья обрадовались, обняли сестру. Они остались жить в доме Виртяна. Снова к ним вернулась охотничья удача. Они жили долго, дружно, счастливо.

Нанайская народная сказка

МЭРГЭН И ЕГО ДРУЗЬЯ

В далёкие времена, даже белоголовые деды не помнят, когда это было, жил на горной речке Горин храбрый и добрый Мэргэн. Ловил он рыбу в светлом Горине, ходил на охоту и никогда не возвращался с пустыми руками, потому что звери сами шли к нему навстречу. Но как бы ни было много зверя, Мэргэн никогда не убивал больше того, чем требовалось для еды. Мэргэн никогда не знал жадности.

Однажды собрался он на охоту. Вышел на Амур, а зверя нигде нет. Пошёл Мэргэн дальше, в глухие места, где правит над зверями царь тайги — огромный старый тигр.

Идёт он по краю опушки и видит: в глубоком болоте увяз изюбр, только голова с огромными рогами торчит над чёрной водой. Поравнялся Мэргэн с изюбром, а зверь жалобным голосом просит:

— Спаси меня, Мэргэн, вытащи из трясины.

Удивился охотник, что изюбр говорит человеческим голосом, пожалел его и вытащил из болота. Отряхнулся изюбр и говорит:

— Мэргэн, за то, что спас меня, я отблагодарю тебя. Когда потребуюсь, позови меня.

Сказал так изюбр, гордо запрокинул голову и исчез за деревьями. А Мэргэн пошёл дальше. Идёт он по тайге, всё видит вокруг, любую козявку малую. И вот он заметил муравья под ногами, бедного сучок дубовый придавил, еле дышит. Просит муравей охотника:

— Мэргэн, спаси меня!

Сжалился охотник, отбросил сучок, взял на руки муравья, распрямил погнутые ножки. Муравей говорит:

— Спасибо тебе, Мэргэн. Когда понадоблюсь, позови меня.— Сказал так муравей и исчез в траве. А Мэргэн пошёл дальше.

Идёт он берегом Амура, широкой водой любуется. Дошёл до

синего плёса, решил отдохнуть. Только снял котомку — слышит хриплый голос:

—Мэргэн, спаси меня, я умираю. Третий день лежу на берегу, жабры мои песком забило.

Видит охотник — возле воды лежит огромная калуга.

— Как же я помогу тебе, старушка калуга, у меня и сил на это не хватит,— огорчённо промолвил он.

А калуга жалобным голосом просит:

— Ты попробуй, до воды не так далеко.

Подбежал Мэргэн, плечом упёрся в калужий бок, поднатужился и сдвинул её на полпальца. Достала калуга хвостом до воды, хлестнула им и ушла в прохладную глубину Амура. А Мэргэн сел отдыхать на камень.

Вскоре из воды показалась голова калуги.

— Спасибо, добрый Мэргэн. Если когда-нибудь потребуется моя помощь, кликни меня,— проговорила калуга и снова ушла в глубину.

Отдохнул охотник и пошёл дальше. Шёл день, другой, и вдруг ему открылось незнакомое селение — бируэ, в котором жили одни мужчины — все молодые, сильные. «Вот чудеса!— подумал охотник.— Куда же они своих женщин спрятали?»

Но тут из самого большого и богатого жилища — дё — вышли толстый хитроглазый старик и старуха.

— Кто ты такой?— ласково спросил старик.— Зачем в моё бируэ пожаловал?

— Охотник я,— ответил Мэргэн.— Охотился в тайге, твоё бируэ увидел, решил зайти отдохнуть.

— Ну что ж, заходи в моё дё, гостем будешь,— усмехнулся старик.

Не успел Мэргэн оглядеться в жилище старика, как раздался лёгкий звон бронзовых подвесок передника и на пороге появилась девушка-красавица. Только раз взглянул на неё Мэргэн, а показалось, будто знает её с первого дня рождения.

Зажмурился Мэргэн, а красавица так и стоит перед его взором. Бронзовое лицо её светится, глаза сверкают, как самые яркие звёзды в тёмную ночь. Коса, чёрная, как сама ночь, струится по спине.

Открыл глаза Мэргэн, а красавицы уже нет.

— Что, понравилась тебе моя дочь?— спросил старик.

— Много красавиц живёт на Амуре, а такой я не видывал,— признался Мэргэн.— Отдай мне её в жёны. Большой выкуп принесу. Ничего не пожалею.

— Не так это просто, Мэргэн,— ответил хитроглазый старик.— Сто храбрых охотников просились ко мне в зятья, да все сто рабами моими стали. Задам я тебе три задачи. Решишь их — быть тебе моим зятем, не решишь — быть рабом. Подумай и скажи, согласен ли ты.

— Согласен!— воскликнул не раздумывая Мэргэн.— Задавай первую задачу.

— Слуги мои верные, принесите мне железные унты!— закричал старик.

Слуги еле-еле приволокли тяжёлые унты.

— Вот тебе железные унты. Если износишь их за одну ночь, тогда приходи за второй задачей,— сказал старик и ушёл.

Мэргэн взял унты и пошёл в тайгу. «Чтобы износить эти унты, надо несколько жизней прожить,— горестно думал он.— Как же мне быть?» И вдруг вспомнил он про изюбра. Приложил руки ко рту и закричал на всю тайгу:

— Друг мой изюбр, приди ко мне на помощь!

Только стихло эхо, а изюбр уже стоит перед охотником. Рассказал Мэргэн ему о своей беде. Ничего не ответил изюбр, надел на передние ноги унты и умчался в горы. Лишь искры, как небесные звёзды, обозначили в ночи его путь. А Мэргэн лёг на траву и уснул. Утром с первыми лучами солнца проснулся он, а изюбр уже тут.

Бока его тяжело вздымаются, с губ хлопьями падает пена.

Взглянул охотник на его ноги — от железных новеньких унтов остались одни голенища.

Обрадовался Мэргэн, поцеловал друга в тёмную морду, схватил голенища и поспешил в селение. Подошёл к дому хозяина и стал громко стучать в стену. Выскочил из дома старик. Злой-презлой.

Мэргэн бросил к его ногам остатки унтов и говорит:

— Задавай вторую задачу!

Изумился старик, от изумления позабыл все слова. Но делать нечего. Пришёл он в себя, закричал:

— Слуги, принесите мне пять мешков проса!

Старик высыпал просо на землю, да так, что по всему селению зёрна рассыпались, и говорит усмехаясь:

— Ты хорошо справился с первой задачей, а теперь собери всё просо, чтобы ни одно зёрнышко не пропало. Даю день сроку.

Вышел Мэргэн в поле, лёг на землю и закричал:

— Муравей, друг, приди на помощь!

Приполз муравей. Рассказал ему охотник, какую задал старик задачу. Кликнул муравей своих братьев. Вмиг собралось такое множество муравьёв, что земли не стало видно в селении. Начали они подбирать зёрнышки проса.

Не успел Мэргэн выкурить трубку, как всё просо было подобрано и ссыпано в мешки.

Поблагодарил он муравьёв и пошёл к старику. Ещё больше изумился старик, приказал слугам найти хоть одно зёрнышко. Но сколько ни искали слуги, ни одного зёрнышка не нашли. Делать нечего. Почесал старик затылок и говорит:

— Ну вот, задаю тебе последнюю задачу. Выполнишь её — моя дочь станет твоей женой. Давным-давно мой отец, когда был молодым, уронил в Амур золотое колечко. Где он его уронил, никто не знает. Найди его до вечера.

Пригорюнился Мэргэн, выходит из дома, спотыкается. Но тут мелькнул в окне платок красавицы, и сама она показалась. Повеселело сердце молодого охотника, вышел он к реке и стал звать калугу:

— Калуга, старушка, хозяйка всех рыб! Приди ко мне на помощь!

Трижды прокричал он. Забурлил Амур, вспенился, и показалась из воды голова калуги. Поделился с ней Мэргэн своим горем.

Ничего не ответила калуга, опустилась на дно, собрала амурских рыб. Засеребрился Амур от их чешуи, заволновался, когда они разлетелись во все стороны выполнять приказ своей хозяйки. Большие и маленькие рыбёшки, раки и паучки обшарили дно амурское и нашли золотое колечко. Калуга передала его охотнику.

Обрадованный Мэргэн понёс колечко старику, а старик с дочерью уже поджидают его. Принял старик колечко, поблагодарил, потом взял дочь за руку и подвёл к Мэргэну.

— Вот тебе, храбрый быстрый охотник, моя дочь,— говорит он.— Отдаю тебе её в жёны. Заодно возьми и меня, старика, с моими рабами, слугами и всем селением.

Мэргэн отвечает:

— Хорошо, только с этого дня больше не будет ни слуг, ни рабов, все будем равны, все будем друзьями.

С того времени они зажили счастливо и хорошо. И удача никогда не покидала охотников селения.

Нганасанская народная сказка

СКАЗКА ПРО СИГЕ-ЛЮДОЕДКУ

Дело было, значит, так. Жила-была Сиге-людоедка. Она жила в своём чуме посреди тундры и ела людей, как это вообще принято у людоедов. С утра до ночи она прыгала по тундре и искала, кого бы съесть. А ела она, окаянная, всех кто попадётся. Откроет пасть — ам!— был человек — нет человека.

А прыгала она оттого, что людоед — это не человек, а половинка человека. И поэтому она прыгала на одной ноге, хватала одной рукой, глядела одним глазом, дышала и даже сопела одной ноздрёй. Говорят, что она видела не целое солнце, а только половинку. Но так ли, нет ли — не скажу.

Но вот собрались пятеро друзей, пятеро неразлучных друзей-храбрецов, и стали думать, как бы им проучить людоедку. Звали их так: первого — Камень, на котором дробят кости (около каждого чума лежит такой плоский камень, на нём удобно

раскалывать большие и самые вкусные кости), второго — Половинка Иголки, третьего — Рыбий Пузырь, четвёртого — Жирное Пятно, и пятого — Скрип, который мешает спать.

Весь день думали друзья. Потом наступила ночь. И потом на небо вышли сестричка луна и звёзды. Наконец Камень, на котором дробят кости, сказал:

— Надо, однако, хорошенько проучить жадную-кровожадную Сиге. Иначе она всех съест. Никого не останется.

— Однако, надо!— согласились друзья-товарищи.

— Тогда вперёд!— сказал Камень, на котором дробят кости. Он был известен среди друзей-храбрецов своей особой твёрдостью.

— Подожди... Как же это мы её проучим?— проскрипел Скрип, который мешает спать.

— А так!— сказал Камень.— Я всё продумал. Ты, значит, Скрип, залезешь под постель людоедки — скрипи. А когда она проснётся, то станет тебя искать повсюду в темноте. По всему чуму будет шарить рукой и скажет: «Огонь зажгу, тебя найду». Она обязательно так скажет, потому что ты ведь не даешь ей спать. Поползёт Сиге в темноте к очагу раздувать огонь, а ты, Рыбий Пузырь, сиди в очаге под золой, жди. Огонь вспыхнет, ты лопни и засори людоедке глаза. Она начнёт искать воду. Ты же, Половинка Иголки, сиди в ведре. Она будет промывать глаза и пить воду, и тут ты не зевай. Только наклонит она ведро, ты скатись вниз и залезь ей в горло. Она начнёт кашлять, прыгать по чуму, натыкаться на всякие вещи и захочет выйти наружу, чтобы ни на что не натыкаться. А тут ты, Жирное Пятно, жди её у входа. Она поскользнётся на тебе и будет падать. Падая, схватится за покрышку чума. А я буду сидеть наверху, не удержусь и упаду на неё. Шибко ударю её в лоб. Ну как?

И пятеро неразлучных друзей-храбрецов двинулись занимать свои места.

Половинка Иголки подсадил Камень наверх, и Камень сделал вид, что прижимает покрышку чума от ветра. Рыбий Пузырь забрался в очаг и закопался в золе. Половинка Иголки спрятался в ведре. А Скрип, который мешает спать, забрался под постель людоедки и тут же стал скрипеть, как никогда в жизни не скрипел. Ну и старался же он!

Людоедка открыла свой единственный людоедский глаз и запела (людоеды ведь говорить по-человечьи не умеют — они умеют только петь и смеяться):

— Ветер очень шумит! Скрип мешает спать. Однако, поищу его! Ха-ха-ха!

Она подползла к очагу и стала раздувать свою единственную щёку — дуть на угли. Огонь вспыхнул, и в этот момент Рыбий Пузырь лопнул и засорил ей золой глаз.

— Глаз промою, воды, однако, попью. Ха-ха-ха!— пропела людоедка (так поют людоеды в таких случаях).

Поползла она по чуму, половинкой носа нюхает, одной рукой шарит, ведро ищет.

Нащупала ведро, стала пить из него. Половинка Иголки, не будь дурак, скользнул по стенке ведра и, как договорились, юркнул в людоедское горло.

Людоедка уронила ведро, стала кашлять, прыгать по чуму и натыкаться на всякие вещи.

— Что-то в горло попало! На улицу, однако, пойду! Ха-ха-ха!— запела людоедка.

Отогнула полог чума и наступила на Жирное Пятно, который давно поджидал её.

Жадная-кровожадная, прожорливая и страшная людоедка упала и, падая, схватилась за покрышку чума. Весь чум задрожал. Камень скатился сверху и ударил людоедку в лоб. Шибко ударил! Как договорились.

— Умираю, однако,— пропела Сиге.— Ха-ха-ха!

И — прямо в очаг. И чум опрокинула.

Заполыхал огонь, загудел, зашипел, и повисла в воздухе чёрная копоть. Искры с жужжанием летели в звёздное небо, гасли, но продолжали жужжать. И тут друзья заметили, что копоть — живая, с крылышками и длинными острыми носами. Так на земле появились комары, которые летом висят над тундрой, как копоть, и кусают всех кто ни попадётся.

А пятеро друзей, пятеро неразлучных друзей-храбрецов, стали праздновать свою победу над злой людоедкой Сиге. Они ели, пили, потом песни пели, потом плясали.

И тут Скрип, который мешает спать, проскрипел:

— Я победил Сиге! Я её разбудил! Трудно было, однако, её разбудить: крепко спала.

— Не скрипи! Замолчи!— зашипел Рыбий Пузырь.— Это я ей глаз засыпал! Я!

— Ты, Рыбий Пузырь, совсем, однако, пустой. Это я залез ей в горло,— сказал Половинка Иголки,— значит, я главный!

— Нет, я!— крикнул Жирное Пятно.

— Тогда кто же её ударил по лбу?— спросил Камень.— Вы, что ли?

И стали друзья спорить, ругаться, и дело чуть до драки не дошло.

Я недавно проходил мимо чума, где живут пятеро друзей, пятеро неразлучных друзей-храбрецов, и сам слышал, как они ругались. Наверное, до сих пор ругаются. Но точно — ругаются, нет ли — не скажу.

А летом и сейчас над тундрой, как копоть, висят злые комары.

Ненецкая народная сказка

БЕЛЫЙ МЕДВЕДЬ И БУРЫЙ МЕДВЕДЬ

Однажды лесной бурый медведь пошёл на север, к морю. В это время морской белый медведь пошёл по льду на юг, к земле. У самого берега моря они встретились. У белого медведя шерсть встала дыбом. Он сказал:

— Ты что это, бурый, по моей земле ходишь?

Бурый ответил:

— Когда она у тебя была, земля-то? Твоё место в море! Твоя земля — льдина!

Белый медведь встал на дыбы. Бурый медведь встал на дыбы. Они схватились, и началась борьба. Боролись до полудня — никто не одолел. Боролись до вечера. Оба устали, сели. Молчат. Первым заговорил бурый. Он сказал:

— Ты, белый, оказывается, сильнее. Но я — ловчее, увёртливее. Поэтому никто из нас верха не возьмёт. Да и что нам делить? Ведь мы с тобой братья.

Белый медведь сказал:

— Верно, мы братья. И делить нам нечего. Земли наши неоглядны.

Лесной медведь сказал:

— Да, мои леса огромны. Мне нечего делать в твоих льдах.

Морской медведь сказал:

— А мне нечего делать в твоих лесах. Да я туда никогда и не заходил! Давай жить каждый на своём месте и не мешать друг другу.

Лесной медведь пошёл назад, в лес. Морской медведь остался на берегу моря.

С тех пор хозяин леса живёт в лесу, хозяин моря живёт в море. И никто друг другу не мешает.

Ногайская народная сказка

МУДРОСТЬ СТАРИКОВ

Жил в далёкие времена жестокий хан. Однажды он сказал:

— Нет пользы от стариков, и незачем их кормить.

Он издал указ: «Каждый должен убить своего отца, как только тому исполнится шестьдесят лет».

Жил во владениях грозного хана пастух Кенджи. И вот его отцу исполнилось шестьдесят лет. Кенджи повёл отца за селение, чтобы убить. Когда они вышли в степь, отец спросил:

— Куда мы идём? Куда ты меня ведёшь?

— Я веду тебя, чтобы убить по ханскому приказу,— ответил сын.

— Не убивай меня, — попросил отец,— спрячь меня. Мой ум тебе пригодится.

Кенджи ночью вернулся с отцом домой. Во дворе у него стояла старая арба с кибиткой. Там он спрятал отца. Ночью приносил ему еду и питьё.

Но вот прилетела в селение весть, что ползёт к ним огромный дракон Кара-Кобек. Люди всполошились, погрузились на повозки и откочевали из этих мест. Старик, который сидел в кибитке на арбе, спросил у сына:

— Куда мы едем, куда все люди спешат?

Сын ответил:

— К нам прилетела весть, что ползёт в наши земли огромный дракон Кара-Кобек. Народ в страхе бежит.

— А ты не беги,— говорит старик.— Ты убей дракона.

— Как же я его убью,— говорит сын,— если в пасти его помещается лошадь, если из ноздрей его вырывается огонь?

— Это нетрудно,— говорит отец.— Нетрудно тому, у кого есть самое сильное оружие — знания. Дракон слишком большой, поэтому — слабый. Выкопай яму, спрячься и жди. Если голова дракона проползёт мимо тебя на рассвете, то середина туловища подтянется лишь к полудню. Тут и выскакивай из укрытия. Середина туловища у дракона не очень толстая, её легко перерубить хорошим мечом. Не бойся, дракон не успеет повернуться и до тебя дотянуться... В том месте, где ты его перерубишь, у дракона есть два круглых камня. Ты их вынь и спрячь. Они тебе пригодятся.

Кенджи сделал всё, как посоветовал отец. И вот на рассвете к нему подползла голова дракона. Из ноздрей чудовища вырывался огонь. Потянулось длинное, крепкое туловище. К полудню туловище стало тонким. Кенджи выскочил из ямы и разрубил дракона. Из него потекла чёрная кровь. Кенджи взял два круглых камня из тела дракона и пошёл к отцу.

А весь народ, который бежал от Кара-Кобека, оказался в огромной сухой степи. Люди и скот мучаются от жажды, а колодцев нет. Люди начали рыть колодцы, а воды в них нет

Кенджи спрашивает у отца:

— Как найти воду?

Отец говорит:

— Пойди посмотри, не собрался ли где скот. В том месте и надо рыть колодец.

Кенджи увидел, что в одном месте скот собрался в кучу и ревёт. Там он начал рыть колодец. Вскоре оттуда хлынула чистая вкусная вода. И люди и скот — все утолили жажду.

Между тем разнеслась весть, что дракон Кара-Кобек убит. Хан спросил:

— Кто убил дракона? Кто добыл воду?

К нему пришло несколько человек. Каждый сказал:

— Я убил дракона. Я добыл воду.

Хан ни одному из них не поверил.

Народ вернулся в свои земли. Хан объявил:

— Удалец, который сумеет достать золотой кувшин со дна озера, станет после меня ханом.

Люди подошли к озеру. Сквозь чистую прозрачную воду невдалеке от берега виден был золотой кувшин. Начали удальцы нырять за ним — никто не смог его достать. Кувшин пропадал, когда к нему подплывали.

Кенджи спросил у отца:

— Как достать этот золотой кувшин?

Отец говорит:

— Наверное, в озере и нет никакого кувшина. Наверное, у берега стоит дерево и к его ветвям приклеплён золотой кувшин. А в озере лишь его отражение.

Кенджи говорит:

— Верно, в том месте у берега стоит дерево.

Вечером он залез на дерево, достал кувшин, утром отнёс его хану. Хан посмотрел на кувшин, удивился и говорит:

— Ты большой удалец, но этого мало. Наследником я сделаю того, кто убил дракона, кто добыл воду.

— Я убил дракона, я добыл воду,— говорит Кенджи.

— Как ты это докажешь?— спрашивает хан.

— В середине тела дракона было два круглых камня,— говорит Кенджи.— Вот они.— И он протянул хану два драконовых камня.

Хан ещё больше удивился.

— Ну а как ты добыл воду? Как ты узнал, где надо копать?

— Где собирается ревущий скот, там надо копать, там вода,— ответил Кенджи.

— Неужели ты сам до всего догадался?— спрашивает хан.

— Нет,— отвечает Кенджи,— мне всё рассказал мой старый отец: и как убить дракона, и как добыть воду, и как достать ваш золотой кувшин. Я не убил моего отца, когда ему исполнилось шестьдесят лет. И вот с помощью его советов спас народ от дракона, потом спас от жажды и, наконец, разгадал вашу загадку — достал золотой кувшин.

Хан говорит:

— Оказывается, не прав я был, когда думал, что нет пользы от стариков. Нам нужна их мудрость. Отныне я отменяю свой приказ — убивать стариков.

Хан сделал Кенджи своим наследником. После него Кенджи правил ханством.

Орочская народная сказка

КРАСАВИЦА И ЗЛАЯ ПЭГЭЛИКТУ

На берегу реки жила красавица. Одна жила. Однажды пошла она по воду. Возвращается в чум, а там на почётном месте, против входа, сидит богатырь-охотник. Красавица накормила гостя.

— Буду жить с тобой,— говорит богатырь.

— Я рада тебе,— говорит красавица.— Я живу одна. Нет в моём чуме ни сочного лосиного мяса, ни жирных осетров. Приноси мне рыбу и мясо.

Стали они жить вдвоём. Богатырь к реке ходил — рыбу ловил, в лес ходил — зверя стрелял. Всего у них было вдоволь, крышу чума сделали из лосиного сала. Так и жили.

Однажды неизвестно откуда пришла женщина с коротко обрезанными волосами. Охотник был в тайге. Та женщина подошла к чуму и стала грызть крышу. Голодная была. Красавица вышла, смотрит — женщина из чужой земли. Одежда на ней чужая, не из рыбьей кожи, а из звериной. Красавица пригласила её в чум, накормила. Ту женщину звали Пэгэликту, что значит «стриженая». Пэгэликту говорит:

— Давай я у тебя в голове поищу.

— Не надо,— говорит красавица.

Но Пэгэликту запустила пальцы в её волосы. Тут красавицу в сон потянуло. Заснула она. Тогда Пэгэликту расплавила олово и налила ей в уши. Перестала дышать красавица. Пэгэликту переоделась в её одежду, а тело красавицы оттащила в лес.

Поздно вечером вернулся охотник. Было темно. Он не догадался, что его встретила не жена, а чужая женщина.

— Зачем волосы обрезала?— спросил он.

— Я огонь разводила, волосы загорелись, и я их обрезала.

Утром Пэгэликту говорит:

— Переедем на тот берег, здесь нечистая сила.

Они переехали на тот берег. Там жили младшие братья охотника, шесть богатырей. Один из братьев пошёл встречать лодку. А потом пришёл домой и сказал:

— Старший брат нас обманул. Говорил, что жена у него красавица. Говорил, что волосы у неё длинные, блестящие. Я видел его жену. Она совсем не красавица. И волосы у неё коротко обрезаны.

Охотник пришёл к братьям, а они говорят:

— Сами себе стройте чум. С нами жить не будете.

Старший брат и Пэгэликту построили чум. Однажды шестеро братьев поехали на другой берег. Пэгэликту закричала:

— Стойте! Не плывите туда! Там нечистая сила!

Но братья её не послушали. На том берегу они пошли в гору искать черёмуху. И нашли красавицу. Красавица не дышит. Осмотрели её. Раны нет. И увидели в ушах олово. Ножом олово вытащили. Красавица говорит:

— Вы меня оживили.

Братья завернули её в бересту, сверху набросали веток черёмухи и понесли домой.

— Что у вас?— кричит Пэгэликту.

— Черёмуха,— отвечают братья.

— Дайте и мне!— кричит Пэгэликту.

Дали ей ветку. Дома братья и красавица стали смеяться над Пэгэликту.

Охотник услышал голос красавицы и пошёл к братьям.

— Зачем пришёл? Живи с Пэгэликту!— говорит красавица.

— Я возьму тебя в мой дом,— говорит охотник.— Ты моя жена. А Пэгэликту будет дрова носить, еду варить.

Красавица снова стала жить у охотника. И вот родила сына. Все обрадовались: и она, и отец, и его братья.

Однажды охотник с братьями пошёл ковать железо, чтобы сделать оружие. Пэгэликту побежала к нему и говорит:

— Твоя жена зовёт меня за черёмухой.

Потом прибежала домой и говорит:

— Твой муж велел нам принести черёмухи. Поедем на ту сторону, а ребёнка возьмём с собой.

Красавица рассердилась. Но не сказала ни слова. Взяла сына, спустилась к лодке. Когда они переехали на тот берег, Пэгэликту говорит:

— Иди ищи черёмуху, а я покачаю ребёнка.

Красавица отдала ей ребёнка и пошла в гору. А Пэгэликту отъехала от берега. Красавица увидела это и кричит:

— Отдай моего ребёнка!

А Пэгэликту подняла его над головой, засмеялась и сказала:

— Жалко ребёнка!— и бросила его в воду.

Заплакала красавица. А Пэгэликту приплыла домой, прибежала к охотнику и говорит:

— Твоя красивая жена сгубила ребёнка, утопила его в реке. А теперь боится домой возвращаться.

Рассердился охотник, прыгнул в лодку, поплыл на берег. Подошёл к красавице, не сказал ни слова. Вытащил большой нож, отрубил ей руку, бросил её в воду.

Вернулся охотник домой. Узнали братья, что на том берегу случилось, и убежали прочь.

Остался охотник вдвоём с Пэгэликту.

А на том берегу красавица без руки сидит совсем одна. Подошёл к ней козёл, лизнул плечо, рана зажила. Козёл говорит:

— Старшая сестра, я рыбы наловил, она на берегу лежит, там есть и котёл, пойдём еду варить.

Они пошли, сварили рыбу, поели. На другой день козёл чум построил. Стали они жить в чуме.

— Кто ты, козёл?— спрашивает красавица.— Почему ты заботишься обо мне?

— Потом узнаешь,— отвечает козёл.

Несколько лет прошло. Козёл стал редко дома бывать. Утром уходит, вечером возвращается.

— Где ты пропадаешь? Мне одной скучно,— говорит красавица.

— Сестра,— отвечает козёл,— я играю с моим племянником.

— А где твой племянник?

— Он по утрам выходит из воды.

— Завтра я пойду с тобой, посмотрю,— сказала красавица.

Она приготовила вкусную еду из рыбы с ягодами, сварила кашу и пришла с козлом на берег. Еду поставила на маленький столик, а сама спряталась в кустах.

Козёл закричал:

— Мальчик, иди сюда!

Из воды вышел мальчик. Он подошёл к столику, попробовал рыбу с ягодами и сказал:

— Вкусно.

Тут из кустов выскочила красавица, схватила мальчика, прижала к себе одной рукой.

— Папа! Мама! Спасите!— закричал мальчик.

— Я — твоя мама,— сказала красавица.

— Нет, мои папа и мама живут в воде!— закричал мальчик.

Из воды показались два огромных кита. Они сказали:

— Она — твоя настоящая мать. А мы кормили, растили тебя, потому что люди тебя обидели.

Киты оставили на берегу много разной еды и уплыли. Козёл сказал:

— Теперь я ухожу. Еды здесь много. Хватит надолго. Не зря я тебя звал сестрой. Я — твой младший брат.— И козёл ушёл.

Мальчик попросил:

— Мама, свей мне леску.

— Как же я совью леску одной рукой?— говорит красавица.

Мальчик принёс крепкой травы, и вдвоём с матерью они свили леску. Потом он говорит:

— Мама, сделай мне крючок.

— Как же я сделаю крючок одной-то рукой?

Но всё-таки согнула иголку, сделала крючок. Сын пошёл к реке ловить рыбу.

Закинул удочку. Сидит, ждёт. Вдруг — конгор-р, конгор-р!— загудела леска. Что-то попало на крючок. Потянул мальчик — еле вытянул. Оказалось — рука, а на руке кольцо и браслет.

— Если ты мамина рука, то прирасти к своему месту!—

крикнул мальчик. И снова закинул удочку. На этот раз попался большой осётр. Мальчик принёс осетра домой и говорит:

— Мама, нарежь мне рыбы.

— Ты всё смеёшься надо мной,— говорит красавица.— Как же я одной-то рукой нарежу?

Тогда сын и говорит:

— Я нашёл твою руку, мама. Теперь у тебя две руки.

Красавица смотрит — глазам не верит: две руки у неё! Обняла она сына двумя руками. Потом рыбы ему нарезала. Стал сын приносить много рыбы.

Так они и жили.

Пришла зима. Красавица сделала сыну лук и стрелы, чтобы он мог зверя бить. Она сказала:

— Сын, вот тебе лук и стрелы, учись охотиться, только не посылай стрелу на ту сторону реки.

Но сын однажды послал стрелу на ту сторону реки. Потом пошёл её искать. Стрела вонзилась в большой чум. Мальчик вошёл в него. Там жил охотник с женой. Охотник говорит:

— Заходи, мальчик, садись, ешь мясо. А потом расскажи нам сказку. Ты знаешь сказки?

— Да, знаю,— отвечает мальчик,— слушайте. У охотника была жена-красавица и была служанка, некрасивая, коротко остриженная. У красавицы родился сын. Служанка однажды говорит охотнику: «Твоя жена зовёт меня за черёмухой». А потом говорит красавице: «Твой муж велел нам принести черёмухи. Поедем на тот берег. И ребёнка возьмём с собой».

Тут охотник прервал мальчика и говорит:

— Старуха, кричи «ке!»[1].

— Сам кричи «ке!»,— отвечает старуха.

Мальчик продолжает:

— На том берегу служанка говорит: «Ты пойди поищи черёмуху, а я покачаю твоего сына». Красавица пошла в гору, а служанка прыгнула в челнок и отъехала от берега. Красавица кричит: «Отдай мне моего ребёнка!» А та бросила малыша в воду и крикнула: «Жалко ребёнка!» Охотнику она сказала, что красавица сама утопила сына. Рассердился охотник, переплыл на тот берег, отрубил красавице руку, бросил её в воду. А мальчика вырастили в реке два огромных кита. Красавица нашла мальчика, сделала ему оружие. Мальчик стал охотником. Я стал охотником! А теперь я нашёл отца. Здравствуй, отец!

Охотник бросился обнимать мальчика, а жена его, злая Пэгэликту, выскочила из чума и побежала куда глаза глядят. Мальчик с охотником пошли на тот берег за красавицей. И стали они жить втроём.

Охотник научил сына осетров ловить, лосей стрелять. Всего у них стало вдоволь. Так и жили. Всё.

---

[1] *«Ке!»* — возглас, которым слушатели подбадривают рассказчика.

Осетинская народная сказка

БОГАЧ, БЕДНЯК И ЖЕНЩИНА

Было это в давнее время. Шёл однажды по дороге бедняк. Вдруг видит: спит под холмом путник, а к нему крадётся огромный волк. Бедняк не растерялся и как закричит:

— Эй, путник, вставай! Волк тебя зарежет!

Спящий проснулся, выхватил кинжал. Волк был совсем рядом. Но нападать не решился, повернул назад, скрылся в кустах. Подошёл бедняк. Путник говорит:

— Спасибо тебе, добрый человек. Ты меня спас. Если бы не ты, волк бы меня зарезал. Я богат. Я дам тебе сумку золотых монет.

Бедняк обрадовался, просиял. «Вот,— думает он,— счастье привалило! Никогда у меня не было золотых монет, а теперь будет целая сумка!»

Богач видит, как радуется бедняк, и думает: «Не слишком ли я расщедрился? Не слишком ли много пообещал? Это я погорячился со страху. Надо что-то придумать...» И говорит:

— Я живу в ауле вон за тем холмом. Приходи ко мне завтра. Приходи не один, а с человеком, которому ты полностью доверяешь. Ведь ты будешь нести сумку золота!

Дома бедняк рассказал обо всём жене.

— Как ты думаешь: кто самый верный человек, кто не позарится на наше золото, с кем мне пойти за наградой? — спрашивает бедняк.

Жена говорит:

— Нет такого верного человека. Я никому не доверяю. Я сама пойду с тобой и сама буду тебя охранять.

Вдвоём они пришли к богачу. Он их радушно встретил, на столе было много вина и разных угощений. Бедняк изрядно выпил, прилёг и задремал. Тогда богач говорит его жене:

— Я не думал, что у бедняка такая красивая жена. Тебе бы стать женой богача! Тебе бы носить шёлковые наряды да золотые украшения. У тебя такие красивые руки! А ты трудишься с утра до ночи! Тебе бы стать хозяйкой, повелевать. Вот возьмёте вы сейчас это золото, истратите его за год и опять, как были, так и останетесь бедняками. Я не женат. Если бы ты согласилась выйти за меня замуж, ты стала бы хозяйкой всего моего богатства, ты никогда бы не работала.

Завистливая женщина думает: «И правда, что такое сумка золота? Этого мне мало. А так я стану богатой навсегда». И говорит:

— Я согласна. Но куда девать мужа?
— Убей его.
— Разве женщина справится с мужчиной?
— Ты убей его спящего. Вон лежит кинжал.
Женщина взяла кинжал. Занесла его над спящим мужем. И тут богач закричал:
— Вставай, гость, вставай! Жена тебя зарежет!
Женщина застыла с кинжалом в руках. Бедняк вскочил. Увидел жену и занесённый над ним кинжал. Богач говорит:
— Меня спящего чуть не зарезал волк. Ты спас мне жизнь. Тебя спящего чуть не зарезала жена. Я спас тебе жизнь. Теперь мы, пожалуй, в расчёте. Больше никто никому ничего не должен. Идите домой.
И бедняк с женой пошли домой.

Саамская народная сказка

ДОЧЬ ЛУНЫ И СЫН СОЛНЦА

Долгий-долгий день ездит Солнце в берестяной кереже[1] по синему небу — осматривает свои земли. Утром Медведь его везёт, в полдень — Олень-бык, к вечеру — Олень-важенка[2]. Много, очень много дел у Солнца: надо дать жизнь всему, что должно родиться, надо растить деревья, ягель и травы, надо светить зверям, людям и птицам, чтобы жирели они и плодились, умножая богатства Солнца.

К вечеру устает Солнце, валится без сил за море. Ему бы уснуть-отдохнуть, а тут сын Пейвальке — Солнечный Луч пристаёт:
— Отец, пора мне жениться!
Что верно, то верно — пора!
— А есть ли у тебя невеста?
— Нету. Примерял я свои золотые сапожки земным невестам, ни одной не пришлись впору. Ноги у них тяжёлые, от земли не оторвёшь. А мне в небе летать.
— Не там ты ищешь невесту, Пейвальке,— сказало Солнце.— Спрошу я Луну. Слух был, что дочь у неё родилась. Хоть и бедней нас Луна, а всё же, как и мы, по небу ходит.
Дождалось Солнце того дня, когда Луна утром вышла на небо, подкатилось к ней поближе, спрашивает:
— Скажи, соседка, не растёт ли у тебя дочка? У меня

[1] *Кереже* — санки в виде лодочки на одном полозе.
[2] *Важенка* — олениха.

для неё жених есть, сынок мой Пейвальке — Солнечный Луч.

Затуманилась мать Луна, отвечает:

— Малое ещё дитя моя дочка. На руках держу и не чую, есть она или нет — чуть светится. Куда уж ей замуж!

— Ничего,— говорит Солнце,— наш дом богатый. Откормим, дородной будет. Дай, пусть посмотрит на неё мой Пейвальке.

— Ох нет,— испугалась Луна и закрыла дитя тучкой,— сожжёт он её, твой Пейвальке. Скажу тебе правду, есть уже у неё суженый — Найнас — Северное Сияние. Вон он над морем ходит.

— Ах так!— рассердилось Солнце.— Значит, нам отказ из-за какого-то Сияния?! Видно, ты забыла, соседка, что я всему даю жизнь, что у меня — богатство, у меня — сила!

— Сила твоя, сосед, сильна только вполовину,— молвила Луна,— а в сумерки где ты? А ночью? Долгой зимой где твоя сила? А Найнас — Северное Сияние и зимой и ночью даёт свет.

От таких слов ещё пуще взъярилось Солнце, мечет огненные стрелы, пышет жаром гнева:

— Всё равно,— кричит,— женю сына на твоей дочке!

Загремел гром, завыли ветры, вздыбились в морях воды, ходуном заходили горы. Шатко стало на земле. Сбились в кучу стада оленей, попрятались в вежи[1] люди.

Поскорей ушла мать Луна в ночную темень. Думает: «Видно, надо спрятать дитя от солнечных глаз подальше». Присмотрела на озере плавучий остров, где жили старик со старухой, добрые люди, и сказала: «Вот кому доверю свою дочку!»

Устало бушевать Солнце, затих гром, улеглись ветры. Пошли старик со старухой в лес бересту драть. Видят: висит на еловой лапе серебряная люлька. Никого нет в ней, только слышится детский голос:

— Ниекия — нет меня. А вот я!

Смотрят: лежит в люльке дитя, так и светится лунным светом.

Отнесли старики домой люльку, радуются, что теперь есть у них дочка. Стали её растить. Слушается она старика как отца родного, слушается она старуху как мать родную, а ночью выйдет из вежи, поднимет личико к Луне, протянет к ней руки и лучится ещё сильнее. Научилась она шить из оленьих шкур пологи и одеяла, научилась расшивать их бисером и серебром. А станет играть, крикнет: «Ниекия — нет меня!»— и исчезнет, только смех звенит рядом. Так и назвали её старики — Ниекия.

Выросла Ниекия, девушкой стала. Личико у неё круглое, румяное, как ягода морошка, волосы — нити серебряные, сама тоненькая и вся светится. Дошёл слух до Солнца, что живёт на острове невеста, на земных дочерей не похожа. Послало Солнце к ней сына своего Пейвальке. Прилетел Пейвальке на остров,

[1] Вежа — старинное летнее жилище саамов — шалаш.

заглянул к старикам в вежу. Увидел он Ниекию, и мила она ему стала.

— Примерь,— говорит,— красавица, мои золотые сапожки!

Вся зарделась Ниекия, стала примерять сапожки и вдруг закричала:

— Ой, жжёт, больно!

— Ничего,— утешает Пейвальке,— привыкнешь!

Хотел он обнять Ниекию, унести с собою, но крикнула она:

— Нет меня, нет меня, нету!— и, словно тень, растаяла, исчезла.

А золотые сапожки остались у порога.

До ночи таилась Ниекия в лесной чаще. А когда поднялась в небе Луна, пошла, пошла она по лунной дороге через леса, через горы, через тундру. Мать Луна вела её к морю и вывела на пустынный берег к одинокому дому. Вошла Ниекия в дом — никого в нём нету. Грязно, не прибрано в доме. Принесла Ниекия воды, вымыла дом, всё прибрала. Захотелось ей спать. Обернулась она старым веретеном, воткнулась в стенку и задремала.

В сумерках услышала Ниекия тяжёлую поступь. В дом вошли воины в серебряных доспехах, один другого сильнее и краше. Это вошли братья Сполохи, впереди — старший брат их и вождь Найнас — Северное Сияние.

— Чисто в нашем доме,— сказал Найнас.— Видно, пришла к нам добрая хозяйка. Где она таится, не вижу, а чую, смотрит живыми глазами.

Сели братья за ужин. Поели — стали играть, затеяли между собой битву. То схватятся врукопашную, то рубятся мечами. Белым огнём сверкает оружие, алые сполохи пляшут в небе. Запели братья песню воителей неба и один за другим улетели. Только Найнас светлой тенью остался в доме. Стал он просить:

— Покажись, кто ты!? Если старая старушка — моей матерью будешь, если мне ровесница — будешь сестрою, если юная девушка — назову невестой.

— Это я!— тихо молвила Ниекия и в сумерках ранней зорьки предстала перед Найнасом. Он спросил её:

— Пойдёшь ли за меня замуж, Ниекия?

— Пойду, Найнас,— чуть слышно ответила Ниекия. Но тут заря разгорелась, выглянул край Солнца. Крикнул Найнас:

— Жди меня, Ниекия!— и умчался, будто его и не было.

Каждый вечер прилетали Найнас и его братья к родному дому, каждый вечер затевали игрища в небе, а на утренней зорьке улетали. Просила Ниекия Найнаса:

— Останься, Найнас! Хоть денёк побудь со мною!

— Не могу,— отвечал Найнас,— ждут меня за морем небесные битвы.

Стала думать Ниекия, как удержать Найнаса. Сшила она полог из оленьих шкур, вышила на нём серебром Звёздный Пояс[1] и большие звёзды и развесила под потолком в доме.

[1] Млечный Путь.

К ночи прилетел Найнас со своим войском. Натешились они в небе, наигрались и легли отдыхать. Крепко спит Найнас, а нет-нет глаза откроет, видит: над ним тёмное небо и Звёздный Пояс — значит, ночь ещё, вставать рано.

Проснулась Ниекия, вышла из дома, а дверь притворить забыла. Открыл Найнас глаза — за дверью ясное утро, Медведь везёт Солнце по синему небу. Выскочил Найнас из дома, зовёт братьев. Но тут Солнце его увидало, охватило жаром, к земле прижало. Бросилась к суженому Ниекия, заслонила его от Солнца своим телом. Поднялся Найнас, стал светлой тенью и в вышине растаял.

А Солнце схватило Ниекию за косы, обожгло огненным взглядом, стало звать своего сына Пейвальке.

— Убей, а не пойду за Пейвальке!— заплакала Ниекия.

Швырнуло тогда Солнце Ниекию матери Луне на руки. Приняла её мать Луна, к сердцу прижала, так с того времени и держит. Видишь тень её личика на лунном лике? Смотрит, смотрит Ниекия на светлую полоску над морем, на битвы Сполохов в небе и глаз оторвать не может.

Селькупская народная сказка

ИЧЕКОЧКО И БОГАТЫЙ КУПЕЦ КОРСЭ

Шустрый Ичекочко жил с бабушкой в чуме на берегу реки. Бабушку звали Имилямиля. Ичекочко ловил рыбу. Тем они и кормились. Паренёк знал только свой берег, на ту сторону реки не ходил, бабушка не разрешала. Она часто повторяла:

— На ту сторону не ходи, худо будет.

Настала осень. Пришли холода. Ичекочко по первому льду пошёл ставить сети под лёд. Посмотрел на другой берег. Там — хорошие дома. «Бабушка говорила: туда нельзя, худо будет»,— подумал Ичекочко и пошёл на ту сторону. Подошёл к дому, заглянул в окно и видит: сидит за столом человек, пишет. Это был богатый купец Корсэ. За ним на стенах висели связки шкур — соболя, песцы, горностаи. Ичекочко побежал назад к своим сетям. Вытащил он всего две рыбки — карася и плотичку. Принёс их домой.

— Что так долго, Ичекочко?— спрашивает бабушка.— Куда ходил?

— Я никуда не ходил, только на реке у сетей был,— отвечает Ичекочко.

— Я была на реке, тебя там не видела,— говорит бабушка.

Пришлось пареньку сказать правду. Бабушка говорит:

— Я знаю этих людей. Они злые и жадные. Больше туда не ходи.

— Больше не пойду,— отвечает Ичекочко. А потом говорит:— Я лягу, посплю, я очень устал. А ты рыбу поджарь. Сама съешь плотичку, а мне оставь карася.

Бабушка Имилямиля насадила рыбу на рожни[1] и стала жарить над костром. Когда поджарила, съела карася. Внуку оставила плотичку. Ичекочко спал очень долго. Проснулся и спрашивает:

— Бабушка, ты зажарила рыбу?

— Да, зажарила,— отвечает бабушка.

— Дай мне моего карася,— говорит Ичекочко.

— На, возьми.

— Разве это карась? Он маленький!— говорит Ичекочко.— Это не карась, а плотичка!

— Ты очень долго спал,— говорит бабушка.— Вот твой карась и усох.

— Нет, бабушка, это неправда!— рассердился Ичекочко.— Ты съела моего карася! Ты меня обманула! А раз так, я ухожу от тебя. Буду жить один.

Бабушка Имилямиля говорит:

— Не уходи, Ичекочко. Не сердись. Одному тебе не прожить. Ты ещё не вырос. Кто-нибудь тебя убьёт.

Но Ичекочко не стал слушать и вышел из чума. «Куда пойти?— подумал он.— Пойду-ка я на ту сторону реки к купцу Корсэ, у которого так много шкурок. У него найдётся для меня какая-нибудь работа». И он пошёл на другой берег реки. Бабушка выскочила из чума и закричала:

— Вернись, Ичекочко! Не ходи туда! За рекой живёт злой купец Корсэ! Он тебя убьёт!

Но Ичекочко не оглянулся. Он подошёл к дому купца и заглянул в окно. Тот увидел паренька и кивнул ему: мол, заходи. Ичекочко вошёл в дом. Старик спрашивает:

— Кто ты, парень, откуда и куда идёшь?

Ичекочко говорит:

— Я — сирота. У меня никого нет. Я иду издалека.

Вошёл слуга купца и говорит:

— Парень всё врет. Он живёт за рекой с бабушкой. Вон виден их чум. Парня зовут Ичекочко.

— Ах вот ты кто!— взревел Корсэ.— Тебя-то мне и надо! Ты — дьявол, который уносил моих дочерей. Семь дочерей у меня родилось — все они умерли. Это ты за ними приходил, ты уносил их души! Ну, а теперь тебе пришёл конец.

Ичекочко вспомнил, что говорила бабушка. Он заплакал. Потом сказал:

— Зачем говоришь такие слова, старик Корсэ? Я никогда не ходил на твою сторону.

---

[1] *Рожни* — заострённые палочки.

— Кто же ещё виноват, если не ты?— сказал Корсэ.— На той стороне, кроме тебя, никто не живёт. А дьявол, конечно, приходил оттуда, потому что у нас дьявол не живёт!

— Не убивай меня,— попросил Ичекочко.— Лучше возьми меня на работу. Я буду стрелять для тебя соболей и горностаев.

— Ты дьявол, и ты сбежишь,— сказал Корсэ.— И не будет от тебя никаких соболей, никаких горностаев! Эй, слуги!— крикнул он.— Посадите этого дьявола в кожаный мешок и крепко завяжите. Я утоплю его в проруби.

Прибежали слуги, посадили паренька в кожаный мешок и крепко завязали.

— Теперь отнесите его на реку к проруби,— сказал старик Корсэ.— Пусть он до ночи полежит, помёрзнет, а потом я сам столкну его в воду.

Взяли слуги мешок с парнем, отнесли к проруби, положили на лёд. Сами ушли. Лежит бедный парень в мешке. Холодно ему, голодно. Смерть близка. Вдруг он слышит: нарты едут, собаки лают. Ичекочко запел:

Хороша моя затея,
Скоро я разбогатею!
Соболя и горностаи!
Как я вас пересчитаю?

В нартах ехал купец. Он спешил к богатому купцу Корсэ. Купец остановил собак. Откуда песня? Кто разбогатеет? Где соболя и горностаи?

А из мешка снова раздаётся весёлый голос:

Хороша моя затея,
Ах как я разбогатею!..

Купец подбежал к мешку, спрашивает:

— О чём ты поёшь? Где соболя и горностаи? Кто ты? Почему в мешке?

— О, я счастливый человек,— отвечает Ичекочко.— Ровно в полночь хозяин воды начнёт выбрасывать из проруби на лёд драгоценные шкурки — чёрных соболей да белых горностаев. И всё для меня, потому что я сижу здесь в мешке и славлю его имя.

Купец говорит:

— А не уступишь мне своё место? Я за него отдам тебе все мои товары вместе с нартами и собаками.

Ичекочко задумался. А потом говорит:

— Ну ладно, развязывай! Мне ведь много не надо. Он выбросит тысячу соболей — что я с ними буду делать? Я их и пересчитать не смогу. Я ведь считаю только до десяти.

— Вот видишь,— говорит купец,— ты не сможешь пересчитать, а я смогу. И я знаю, что с ними делать. Давай скорее обменяемся.

Он развязал мешок и сам в него залез. Ичекочко завязал мешок и сказал:

— Жди полночи!— А сам сел в его нарты и направил собак через реку на свою сторону.

Приехал он к своему чуму, к бабушке. Собак разогнал, нарты сломал и сжёг, а товары развесил у себя в чуме. Бабушка смотрит — ничего понять не может.

— Откуда у тебя это всё?

— Из проруби!— смеётся Ичекочко.

В полночь старик Корсэ со слугами пошёл к проруби — столкнуть туда мешок. Старик говорит:

— Ну что, дьявол, приготовился к смерти? Сейчас столкну тебя в воду!

Купец из мешка закричал:

— Помилуй, Корсэ, какой дьявол? Это я тут сижу, твой товарищ! О какой смерти ты говоришь? Сейчас тут будет дорогого товару видимо-невидимо! Чёрные соболя да белые горностаи!

Купец Корсэ смеётся:

— Ну и дьявол этот Ичекочко! Заговорил чужим голосом! Думает, что меня обманет. Нет, я не таков!— И он столкнул мешок в прорубь.

На другое утро слуги говорят купцу:

— Дьявол Ичекочко жил на той стороне в чуме с бабушкой-шаманкой. Мы знаем её, это она учила Ичекочко таскать души твоих дочерей...

— Отправляйтесь на тот берег, убейте старуху!— приказал Корсэ.

Слуги пришли в чум к бабушке. И увидели парня. Ичекочко сидел на сундуке, на столике перед ним стояла самая разная, самая вкусная еда, какая только есть на свете. А стены были завешаны дорогими шкурами, как в лавке купца. Слуги забыли, зачем пришли, стоят, озираются, глазам своим не верят. Старший слуга спрашивает:

— Ичекочко, откуда у тебя всё это?

— Со дна реки, откуда же ещё?— отвечает Ичекочко.— Вы меня туда столкнули — спасибо вам. Упал я на дно реки, а там дорогих товаров — не пересчитать, не перетаскать! И шкуры самые разные, и ткани, посуда! Я вытащил мало, вот, смотрите,— и он показал на стены чума,— ведь сил у меня мало, вот вы бы смогли взять больше... Я там и еды немного взял. Садитесь, угощайтесь!

Слуги купца не захотели угощаться. Они ещё раз посмотрели на шкуры, которыми был завешан чум, и побежали к старику Корсэ. Всё, что видели, рассказали. Старший добавил:

— Надо скорее забрать дорогие товары, которые лежат на дне, пока их течением не унесло.

Корсэ говорит:

— Я сам туда пойду, я сам буду выбирать товары, что получше. Никому нельзя доверять! Я сам залезу в мешок! Завя-

жите меня! А теперь отнесите к проруби и столкните в воду!

Слуги отнесли купца Корсэ в мешке к проруби и столкнули в воду.

Не стало жадного купца, который мучил и обирал всех окрестных охотников. Стали люди жить хорошо. Ичекочко с бабушкой тоже хорошо жил, никого не боялся.

Татарская народная сказка

ЧТО ДОРОЖЕ?

Жил в давние времена старый купец. Он накопил за всю жизнь три тысячи золотых.

Был у старика единственный сын. Когда ему исполнилось пятнадцать лет, старик заболел. Ездить и торговать он не мог. Позвал он сына и говорит:

— Сын мой, пора тебе занять моё место, научиться моему делу — торговле. Я дам тебе тысячу золотых. Поезжай с купцами в далёкие города, поучись у них: что надо купить, где продать. Да смотри деньги трать с умом, помни: нет ничего на свете дороже золота.

Сын взял тысячу золотых и поехал с купцами в далёкий город. Но там он не пошёл с купцами искать товары, а отправился осматривать улицы. Видит, стоит большой дом. Заглянул в окно. Там молодые люди сидят и пишут. Парень спросил у сторожа, что тут делают. Старик говорит:

— Это школа. В ней сыновья баев[1] обучаются грамоте.

— А меня примут в эту школу?

— Если есть золото, примут,— ответил сторож.

Парень вошёл в школу и отыскал старшего учителя.

— Я хочу обучиться грамоте, уважаемый учитель,— сказал он.

— Твоё желание похвально,— ответил учитель,— но есть ли у тебя тысяча золотых? Наша школа — дорогая, здесь учатся дети богачей. Мы учим за тысячу золотых.

Парень был рад, что у него есть как раз тысяча, он отдал её и остался в школе. Купцы поискали-поискали парня и уехали без него.

Парень учился очень хорошо и через год умел читать и писать лучше всех учеников. Учитель сказал:

— Всё что мог я тебе передал. Теперь ты грамотный. Возвращайся домой.

Парень вернулся домой. Отец и мать обрадовались. Отец говорит:

---

[1] *Бай* — богач.

— Ну, рассказывай, сын мой, как торговал, как приумножил наше богатство? Я дал тебе тысячу золотых, а сколько ты привёз?

— Прости,— отец,— ответил он,— но я не привёз ни одного золотого. Зато я приехал грамотный. Целый год я прилежно учился чтению и письму. Тысячу золотых я обменял на грамоту.

— Ах бедный мой, глупый сын!— запричитал отец.— Видно, нет совсем у тебя ума, видно, не понял ты моих наставлений. Я же говорил тебе: нет на свете ничего дороже золота! А ты моё золото обменял на грамоту! Да разве грамота накормит?

— Нет, отец, грамоте я обучился не зря,— говорит сын,— грамота и в торговле поможет. А теперь дай мне ещё тысячу, и я поеду торговать.

На этот раз парень поехал с купцами в другой город. Как и раньше, он пошёл не товары искать, а осматривать улицы. И вот он увидел дом, из которого доносилась музыка. Оказалось, это школа, где учили музыке, учили играть на курае[1]. Парень отыскал старшего учителя, сказал ему, что хочет здесь учиться.

— За год обучения мы берём тысячу золотых,— говорит учитель.— Если есть тысяча, оставайся у нас.

Парень отдал свою тысячу и остался в школе. Купцы не нашли его и уехали из города.

Парень учился очень прилежно и через год играл на курае лучше всех учеников. Учитель сказал:

— Ты овладел искусством игры на курае. Возвращайся домой.

Парень вернулся домой. Отец и мать обрадовались. Отец говорит:

— Ну теперь-то, мой сын, ты, конечно, не выбросил деньги на ветер, теперь ты разумно торговал? Расскажи: как торговал, сколько нажил?

— Прости, отец, я и на этот раз денег не нажил,— ответил сын.— Я снова отдал их за учение. Теперь я умею играть на курае.

— О, за что аллах послал мне такого глупого сына?!— вскричал отец.— Ты, может быть, думаешь, что твоя музыка дороже золота?

— Не сердись, отец,— говорит сын.— Дай мне твою последнюю тысячу. Уж теперь-то я займусь торговлей.

Отец отдал ему последнюю тысячу золотых, и парень опять поехал вместе с купцами в далёкий город. Там купцы присмотрели для него хороший дешёвый товар, сторговались и оставили его расплачиваться, а сами ушли по своим делам. Но парень, вместо того, чтобы расплатиться, ушёл осматривать город. Там он увидел дом, где обучали игре в шахматы. Парень отдал деньги и остался в школе. Купцы не нашли его и уехали.

Парень учился очень хорошо и через год играл в шахматы

---

[1] *Курай* — духовой музыкальный инструмент, род флейты.

лучше всех учеников и всех учителей. И вот он попрощался с учителями и вернулся домой.

Старый отец говорит:

— Показывай золото, мой дорогой сын, уж на этот раз ты пощадишь отца, не скажешь, что денег нет?

— Увы, отец,— отвечает сын,— денег и вправду нет. Но зато я умею играть в шахматы, а это мудрая игра.

Отец закричал:

— Ты выбросил на ветер три тысячи золотых, которые я копил для тебя всю жизнь! Мне больше нечего тебе дать, да это и ни к чему. Иди куда хочешь, делай что хочешь, ты мне не нужен!

Сын пошёл куда глаза глядят. Ему к тому времени исполнилось восемнадцать лет, он стал рослым, крепким джигитом. «Хорошо бы наняться на работу в купеческий караван,— подумал он.— С купцами я смогу увидеть мир».

Из этого города отправлялся в дальние края большой караван. Джигит пришёл к караван-баши[1] и спрашивает:

— Не нужен ли вам работник?

Хозяин оглядел парня и говорит:

— Нужен работник. Оставайся. Будешь работать за еду и за одежду. Завтра выходим в путь.

На другой день караван отправился в далёкий путь. Прошли много земель и попали в сухую степь. И люди, и животные — все изнывали от жажды, а воды не было. Но вот нашли старый колодец, заглянули — в глубине поблёскивает вода. Пробуют работники зачерпнуть — вода не зачерпывается. Несколько раз бросали ведро, и наконец оно оторвалось. Караван-баши говорит новому работнику:

— Ты самый молодой и очень сильный. Спустим тебя в колодец, посмотри, почему вода не зачерпывается, да и ведро достань.

Джигита опустили в колодец. Встал он на дно, а воды там и нет совсем. То, что блестело, оказалось золотом. Джигит привязал к верёвке ведро, наполнил его золотом, дёрнул за верёвку. Работники вытащили ведро. Караван-баши увидел золото, удивился, обрадовался и закричал в колодец:

— А ещё там есть?

— Есть!— ответил джигит.

Он наполнил ещё ведро, а потом ещё. Пятнадцать вёдер золота вытащили работники из колодца.

— Есть ещё?— спросил караван-баши.

— Больше нет!— ответил джигит.— Теперь меня поднимайте.— Он взялся за верёвку.

Работники начали поднимать, но караван-баши вытащил нож и обрезал верёвку. Джигит упал на дно колодца. «Зачем он мне теперь нужен?— подумал караван-баши.— Вытащу —

---

[1] *Караван-баши* — хозяин каравана.

начнёт требовать свою долю золота. А без него — всё моё!»

На дне колодца джигит огляделся и увидел в стене железную дверь. Он открыл её и вошёл в маленькую комнату. Там спал старый шайтан[1]. «Вот, оказывается, чьи сокровища я нагружал в ведро!— подумал джигит. На стене увидел курай.— Всё равно пропадать. Сыграю в последний раз». Он взял курай и заиграл. Старый шайтан проснулся. Он сказал:

— Много сотен лет сидел я здесь в темноте, охранял сокровища. Я ослеп. И вот я снова вижу. Это твоя прекрасная музыка вернула мне зрение. Кто ты, счастливый джигит? Проси у меня что хочешь.

— Мне ничего не надо, уважаемый хозяин,— ответил парень.— Об одном только прошу: подними меня наверх, помоги догнать караван.

Едва сказал он эти слова — оказался в хвосте каравана. Как ни в чём не бывало занял он своё место среди погонщиков. Караван-баши сразу его заметил. Заметил и испугался: что теперь будет? Но джигит ни слова ему не сказал. Он работал старательно, как прежде. Караван-баши ещё больше испугался. «Если он после всего, что было, молчит, значит, он большой хитрец. Едва мы придём в город, он со мной рассчитается. Надо его опередить». Когда до города оставалось два дня пути, он написал письмо, дал его джигиту и говорит:

— Бери лучшую лошадь. Скачи в город, отвези письмо моей жене. Я приказал ей хорошо тебя наградить.

Джигит взял письмо, поскакал вперёд. «Этот караван-баши завладел золотом, которое я нашёл, и бросил меня в колодец. Разве можно ему верить? Надо прочесть, что он пишет жене. Один раз меня выручило моё искусство игры не курае, теперь пусть выручит грамотность». Так думал джигит. Недалеко от города он остановился, осторожно открыл письмо и прочитал его. «Моя верная жена,— говорилось в нём,— я везу домой несметные сокровища. Но, чтобы они полностью принадлежали мне, надо убить джигита, который привезёт тебе это письмо. Привет моей милой дочке, скоро я её обниму, скоро я куплю ей всё, что она ни попросит».

Джигит усмехнулся. Не зря был он в школе лучшим каллиграфом[2]. Почерком своего хозяина он написал новое письмо: «Моя верная жена! Я разбогател с помощью этого прекрасного джигита. Я пообещал ему в жёны нашу милую дочь. Пусть совершится свадьба до моего приезда, а приеду я через два дня».

Это письмо джигит дал жене купца. Она прочитала и говорит дочери:

— Отец хочет, чтобы ты стала женой этого джигита. Ты согласна?

---

[1] *Шайтан* — чёрт.

[2] *Каллиграфия* — искусство красиво писать пером.

— Согласна!— сказала девушка. Молодой джигит ей очень понравился.

В тот же день устроили свадьбу.

А на другой день джигит, по своему обыкновению, осматривал город. Подошёл к огромному дворцу. Вокруг толпился народ.

— Что это за дворец?— спрашивает джигит.— Почему вокруг толпится народ?

— Это дворец нашего падишаха,— отвечают люди.— Здесь он играет с джигитами в шахматы. Кто ему трижды проиграет — голову потеряет, а кто у него трижды выиграет, тому он отдаст в жёны свою прекрасную дочь. Но нет, видно, игрока лучше нашего падишаха. Много голов слетело...

«Видно, пришла пора испытать мою игру в шахматы,— подумал джигит.— Пойду сражусь с падишахом». И он вошёл во дворец.

В огромном зале за шахматной доской в окружении визирей и полководцев сидел великий падишах. Он ждал смельчака, который решится с ним играть. Все посмотрели на вошедшего джигита.

— Ты не боишься меня, парень?— спросил падишах.

— Не боюсь,— ответил джигит.

— Когда проиграешь, не проси пощады,— сказал падишах.

— Не попрошу,— ответил джигит.

Они начали играть. Первую партию выиграл падишах. Вторую — тоже.

— Считай, что твоя голова на волоске,— сказал он.

Но третью партию выиграл джигит. И четвёртую. И пятую!

— Ещё давай!— кричит падишах.

— Но я уже выиграл твою дочь,— говорит джигит.— На что играть?

— Ставлю полцарства!— кричит падишах.

Визирь говорит ему на ухо:

— О повелитель, это неосмотрительно — ставить на кон полцарства.

Падишах ему отвечает:

— Мне лишь раз осталось выиграть — и я отрублю ему голову!

Снова выиграл джигит. Падишах распалился:

— Ставлю еще полцарства!

Визирь ему шепчет:

— О повелитель, теперь вы рискуете всем, что у вас есть. Не надо рисковать. Отдайте ему дочь и полцарства.

— Уж теперь-то я его обыграю и отрублю голову! И всё будет снова моим!— кричит падишах.

Начали играть. И снова выиграл джигит! Выиграл и говорит:

— Теперь я — падишах. Тебя я назначаю главным судьёй. А дочь твоя мне не нужна. Я женат. Завтра в город придёт

большой богатый караван. Хозяина каравана, караван-баши, приведите ко мне во дворец.

Назавтра стража привела к нему хитрого караван-баши. Смотрит караван-баши на падишаха — глазам своим не верит: неужели это тот самый парень, которого он сначала оставил умирать в глубоком колодце, а потом отправил с письмом к жене? Джигит легко разгадал его мысли и говорит:

— Да, караван-баши, я — тот самый парень, которого ты один раз ограбил и дважды хотел убить.

И молодой падишах рассказал придворным свою историю.

— Теперь судите его, вот он, этот злодей, стоит перед вами.

Придворные во главе с главным судьёй, бывшим падишахом, решили: отрубить злодею голову.

Тогда джигит сказал:

— Всё зло позади. Караван-баши теперь мой тесть, я женат на его дочери. И я дарю ему жизнь. Пусть живёт.

После этого джигит приказал привезти к нему его старых родителей. Отец обрадовался несказанно, что сын его стал падишахом.

— Как ты этого достиг, мой дорогой сын, ведь у тебя совсем не было золота?

— Отец,— ответил сын,— знания, как видишь, дороже золота.

Тофаларская народная сказка

ЖИВАЯ ВОДА

Это было очень давно. Молодой охотник заехал в далёкую степь. Кругом — ни души. И вдруг охотник увидел необычных людей. У них были лошадиные ноги с копытами. В руках эти люди держали железные крючья.

Охотник испугался. «Что делать?»— подумал он и пустил коня галопом. Люди с копытами заметили охотника, захохотали и повернули за ним. Охотник погнал коня. Люди с копытами поскакали быстрее. Стали приближаться. Охотник оглянулся. Страшные люди тянули вперёд свои железные крючья. Впереди — болото. Охотник стеганул коня со всей силы — взвился конь, перелетел через болото. Люди с копытами вбежали в болото, увязли, повернули назад.

А охотник оказался в чужой, неведомой земле. Вот идёт он по лесу и видит: лежит огромный лось. Охотник спрыгнул с коня, потрогал лося и понял: лось только что убит. «Кто его убил?»— подумал охотник. Едва подумал — увидел: на тушу вскарабкался маленький человечек ростом поменьше локтя.

Этот человечек ловко вспорол шкуру лося и вырезал большое белое ребро. Охотник удивился и спросил:

— Что ты будешь делать с этим ребром?

Человечек ответил:

— Я сделаю из него лук. Буду охотиться.

Охотник рассмеялся:

— А силы у тебя хватит натянуть такой лук? Какого зверя ты сможешь убить?

Человечек обиделся, но ответил вежливо:

— Силы хватит. А убить могу любого зверя.

Охотник продолжает смеяться и говорит:

— Ну, покажи, что ты можешь, удалец, убей зверя! А я посмотрю, как далеко летит твоя стрела.

Человечек говорит:

— Что показывать? Вот, смотри, лось лежит. Это я его уложил. Будешь смеяться — и тебя убью.

Охотник ещё больше смеётся.

— Меня убьёшь? На, стреляй в ногу, хочу посмотреть, что у тебя за стрела.— И он подставил ногу.

Человечек поднял лук и выстрелил. Охотник упал. Человечек свистнул. Перед ним появился заяц под седлом. Человечек вскочил на зайца, натянул поводья и ускакал.

Охотник лежит, думает: «Зря посмеялся над человечком. Он, оказывается, сильный. И стрелы у него настоящие. Что теперь делать? Встать не могу. Нога сломана».

Наступила ночь. Охотник всю ночь не спал, мучился, болела нога. Наутро он увидел вокруг много-много мышей. «Что им надо?»— подумал он. И тут услышал разговор мышей.

— Скоро этот огромный человек умрёт,— говорила одна мышь.— Вот когда мы вдоволь наедимся мяса!

Охотник поёжился. «Меня, оказывается, уже собрались съесть!»

А другая мышь говорит:

— Чего ждать? Можно и сейчас немножко попробовать, он ведь не шевелится.— Она подбежала и начала грызть палец охотника.

Тут он разозлился, схватил её и отшвырнул. Мышь ударилась о дерево. Попробовала побежать. Лапка сломана. Тогда мышь тихонько на трёх лапках поковыляла к болоту, взобралась на кочку, выкопала корень какой-то травки, съела его, и лапка у неё тут же срослась. Мышь побежала на четырёх лапках. Охотник пополз к этой кочке. Выкопал травку, съел корень. И почувствовал себя здоровым. Нога срослась. Он встал, сел на коня. Поехал через лес в сторону своей земли. Вдруг услышал свист стрел. Он выехал на поляну и увидел: человечки стреляют в цель, упражняются в стрельбе. Оказалось, все они — меткие стрелки. Охотник вежливо с ними поздоровался. Человечки приветливо с ним поговорили. На прощание охотник сказал:

— Приезжайте в мой аал[1], будете почётными гостями. Хорошо вас встретим, хорошим мясом угостим.

Человечки сказали:

— Ждите нас в счастливый день, в полнолуние, мы приедем в гости не с пустыми руками — подарим вам живой воды. Мы живём вечно.

Охотник вернулся домой, рассказал в своём аале, как побывал он в чудесной стране, где живут бессмертные человечки, и что обещали те человечки приехать к нему в счастливый день, в полнолуние, и привезти живой воды.

Женщины начали рубить дрова, готовиться к встрече гостей. В день полнолуния в котлах у них закипело мясо. И вот наконец увидели они, как выскочили из лесу всадники на серых зайцах. Женщины засмеялись:

— Ну и гости к нам едут! Что у них за скот! Каков скот — таков и сам народ!

Рассердились человечки.

— Не дадим глупым людям живой воды,— сказали они.

И выплеснули ту воду на деревья: на ель, на кедр, на сосну. А потом повернули своих зайцев и скрылись.

С тех пор ель, кедр и сосна стали вечнозелёными.

А если бы не засмеялись те женщины, люди не знали бы ни болезней, ни старости, ни смерти.

Тувинская народная сказка

ОСКЮС-ООЛ, ПОСТИГШИЙ ТРИ НАУКИ

Жил когда-то бедный парень. Матери у него не было, был только старый-старый отец. Парня звали Оскюс-оол.

Старик умер. Сыну он оставил тридцать коней, тридцать коров и тридцать коз. «Нет у меня братьев, нет у меня сестёр,— подумал Оскюс-оол.— Зачем мне одному столько скота? Лучше я променяю его на три науки».

Он погнал свой скот на север. И вот увидел три юрты. Он вошёл в одну из них. Там люди играли в шахматы.

— Откуда ты пришёл? Что ты ищешь?— спросили его.

— Я пришёл с юга. Родители мои умерли. Оставили мне много скота. Я решил променять его на три науки. Научите меня играть в шахматы, и я отдам вам тридцать коз,— сказал Оскюс-оол.

Игроки согласились, взяли у него тридцать коз и за месяц научили играть в шахматы. Оскюс-оол стал играть даже лучше своих учителей. «Одну науку я постиг,— подумал он,— оста-

[1] *Аал* — кочевое селение.

лось ещё две». Он попрощался с учителями и погнал свой скот на север.

Скоро подъехал к юрте. В ней три человека показывали друг другу китайские фокусы.

— Откуда ты пришёл? Что ищешь?— спросили его.

— Я пришёл с юга. Родители мои умерли. Мне оставили много скота. Я решил променять его на три науки. Одной я выучился — умею играть в шахматы. Научите меня вашим фокусам — и вы получите тридцать коров,— сказал Оскюс-оол.

Фокусники согласились, взяли у него тридцать коров и за месяц научили своему искусству. Оскюс-оол стал показывать фокусы даже лучше своих учителей. «Две науки я знаю,— подумал он.— Осталась одна». Он попрощался с учителями и погнал своих коней на север.

И снова встретил юрту. В ней три человека сидели и считали. Оскюс-оол рассказал им, что своих коз и коров он променял на две науки: умеет теперь играть в шахматы и показывать фокусы.

— Научите меня считать — и вы получите двадцать девять коней,— сказал он.

Учёные люди согласились, взяли у него двадцать девять коней и за месяц научили счёту. Оскюс-оол стал считать не хуже своих учителей.

«Я постиг три науки,— подумал он,— теперь можно ехать по аалам». И поехал на своём единственном коне.

Вскоре он услышал, что Караты-хан, который живёт за перевалом, играет со всеми приезжими в шахматы. Кто ему проиграет — должен всю жизнь бесплатно пасти его овец, а кто трижды его обыграет — заберёт весь его скот с пастухами. Но никто пока не обыграл хана. Каждый, кто играл, стал его вечным работником.

«Надо сразиться с Караты-ханом,— подумал Оскюс-оол,— не зря я постиг три науки».

Когда парень спустился в степь, он увидел множество овец. Это были овцы Караты-хана. Оскюс-оол пересчитал пастухов. Их было девяносто девять. «Если я проиграю, будет сто. А если я выиграю, все пастухи будут свободны». И Оскюс-оол смело пошёл вперёд.

— Откуда ты? Что тебе надо, странник?— спросил его Караты-хан.

— Я приехал из-за гор. Хочу сразиться с вами в шахматы. Я слышал, что можно выиграть ваш скот,— ответил Оскюс-оол.

Хан рассмеялся:

— Выиграть! Ты захотел выиграть! А когда ты спустился с гор, ты что-нибудь видел?

— Да, хан, я видел ваших овец и пастухов.

— Пойди-ка сперва сосчитай, сколько там пастухов, а уж тогда будем играть,— сказал хан.

— Я уже сосчитал,— ответил Оскюс-оол.— Их девяносто

девять. Если я проиграю, будет сто. А если я выиграю, все пастухи будут свободны!

Удивился хан, что простой человек счёту обучен, и сел играть. Скоро увидел, что проигрывает.

— Э-э, парень, постой, шахматы — игра трудная, долгая. А человек есть-пить хочет. Давай отдохнём, поедим,— сказал он.

Жена хана принесла им еду на двух золотых тарелках. Оскюс-оол понял, что еда, которая стоит перед ханом, глаз просветляет и ум оживляет, а еда, которая стоит перед ним, глаз затуманивает и ум одурманивает. Не зря он учился фокусам. За то время, пока хан глазами моргнул, Оскюс-оол успел поменять тарелки. Хан ничего не заметил.

После еды продолжили игру. Через несколько ходов хан проиграл.

— Один раз я выиграл, осталось два,— спокойно сказал учёный парень.

Хан злобно на него посмотрел, и они начали играть снова. И опять Оскюс-оол одолевает, и опять хан кричит:

— Принеси, жена, вкусной еды — силы наши подкрепить!

Опять перед ними появились две золотые тарелки, и опять их сумел поменять ловкий парень.

После еды продолжили игру. Глаза хана затуманились. Не знает, что делать. Быстро проиграл.

— Осталось обыграть вас всего один ра́з,— сказал Оскюс-оол.

Хан со страхом на него посмотрел, и они начали последнюю игру. После первых ходов хан понял: игра проиграна. Снова приказал, чтобы принесли еды, снова Оскюс-оол поменял тарелки. Только хан поел — в глазах его зарябило, фигуры запрыгали. Через три хода Оскюс-оол поставил ему мат.

— Ну что, хан, все три раза выиграл я! Весь скот и все пастухи мои!

А хану и ответить нечего. Пришлось признать победу бедняка. Жаль расставаться со скотом и пастухами, да ничего не поделаешь.

— Всё теперь твоё,— тихо проговорил Караты-хан.— Бери, владей.

— Богатства мне не надо,— сказал учёный парень,— все пастухи будут свободны. И каждому я дарю овец, которых он пас.

С этими словами Оскюс-оол сел на своего коня и уехал.

7—551

Удмуртская народная сказка

ОХОТНИК И ЗМЕЯ

Однажды поздней осенью возвращался охотник из лесу. Устал, проголодался и решил отдохнуть.

Сел он у замёрзшего ручья на пенёк, скинул с плеч берестяную сумку и достал из неё большую лепёшку — табань. Только откусил кусок — вдруг что-то зашуршало у самого берега.

Раздвинул охотник осоку, видит — лежит на льду плётка. Хотел он её поднять. Пригляделся, а это вовсе не плётка, а змея.

Подняла змея голову, увидела охотника и говорит жалобно-прежалобно:

— Спаси меня, добрый человек. Видишь, у меня хвост примёрз ко льду. Выручи, а не то пропаду я тут совсем.

Пожалел охотник змею, достал топор из-за пояса и разбил лёд вокруг змеиного хвоста.

Вползла змея на берег еле живая.

— Замёрзла я, приятель. Отогрей меня.

Поднял охотник змею и положил к себе за пазуху.

Отогрелась змея в тепле и говорит:

— Ну а теперь прощайся с жизнью, овечья твоя голова! Сейчас я тебя укушу!

— Что ты! Что ты!— испугался охотник.— Ведь я тебе добро сделал, от верной смерти спас.

— Ты меня спас, а я тебя погублю,— прошипела змея.— Я за добро всегда злом плачу.

— Погоди,— говорит охотник.— Пойдём-ка по дороге и спросим у первого встречного, чем надо за добро платить. Если скажет — злом, ты меня погубишь, а если скажет — добром, то отпустишь.

Змея согласилась.

Вот пошёл охотник по дороге, а змея свернулась клубком у него за пазухой.

Встретилась им корова.

— Здравствуй, корова,— говорит охотник.

— Здравствуй,— отвечает корова.

Тут змея высунула голову у охотника из-за пазухи и сказала:

— Рассуди нас, корова. Этот человек меня от смерти спас, а я его хочу погубить. Скажи, чем надо за добро платить?

— Я за добро плачу добром,— ответила корова.— Меня хозяйка сеном кормит, а я ей за это молока даю.

— Слышишь?— говорит охотник змее.— Теперь отпусти меня, как условились.

— Нет,— отвечает змея.— Корова — скотина глупая. Давай спросим кого-нибудь другого.

Пошёл охотник дальше. Встретилась им по дороге лошадь.

— Здравствуй, лошадь,— говорит охотник.

— Здорово,— отвечает лошадь.

Змея высунула голову и сказала:

— Рассуди нас, лошадь. Этот человек меня от смерти спас, а я его хочу погубить. Скажи, чем надо за добро платить?

— Я за добро плачу добром,— ответила лошадь.— Меня мой хозяин овсом кормит, а я за это на него работаю.

— Вот видишь!— говорит охотник змее.— Теперь отпусти меня, как условились.

— Нет, погоди,— отвечает змея.— Корова и лошадь —животные домашние, всю жизнь возле человека живут, вот они за тебя и заступаются. Пойдём-ка лучше в лес, спросим у дикого зверя, погубить мне тебя или нет.

Делать нечего — пошёл охотник в лес.

Видит — растёт в лесу берёза, а на самом нижнем суку сидит дикая кошка.

Остановился охотник возле берёзы, а змея высунула голову и сказала:

— Рассуди нас, кошка. Этот человек меня от смерти спас, а я его хочу погубить. Скажи, чем надо за добро платить?

Сверкнула кошка зелёными глазами и говорит:

— Подойдите-ка поближе. Стара я стала, плохо слышу.

Подошёл охотник к самой березе, а змея высунулась ещё больше и закричала:

— Этот человек меня от смерти спас, а я его хочу погубить!..

Выпустила кошка свои острые когти, прыгнула на змею и задушила её.

— Спасибо тебе, кошка,— сказал охотник.— Ты меня из беды выручила, и я тебе за это добром отплачу. Пойдём со мной, станешь у меня в избе жить, летом спать на мягкой подушке, а зимой — на тёплой печке. Буду тебя мясом кормить да молоком поить.

Посадил охотник кошку себе на плечо и пошёл домой.

С тех пор человек с кошкой в большой дружбе живут.

Чеченская народная сказка

КОГО ВЫБРАТЬ?

В одном ауле жила красавица. На ней хотели жениться три удалых парня. Первый был сыном муллы, второй — сыном купца, а третий — сыном бедняка. Все были статными, сильными, смелыми, и красавица не знала, кого выбрать. Однажды она позвала всех троих и сказала:

— Я выйду замуж за того, кто привезёт мне в подарок самую диковинную вещь на свете.

Удальцы сели на коней и отправились на восток. Вскоре они добрались до большого города.

— Отсюда поедем в разные стороны,— сказал сын муллы.— Ровно через полгода встретимся здесь, на этом месте.

Они поехали в разные стороны. Объездили много городов и селений, обошли множество лавок и базаров, видели самые разные диковины, но никак не могли выбрать самую диковинную вещь. Наконец сын муллы купил за тысячу золотых жемчужную пиалу с живой водой. Сын купца в это время купил за тысячу золотых летающую бурку, на которой можно было улететь хоть на край света. У сына бедняка не было таких денег, он ходил по бедным мелочным лавкам и нашёл у старьёвщика зеркальце в медной оправе, которое стоило всего два пятака. Сын бедняка сразу понял, что это чудесное, диковинное зеркальце и что старьёвщик об этом не знает, иначе запросил бы за него тысячу золотых. Сын бедняка купил это зеркальце. В нём можно было увидеть всё, что ни есть на земле, всё, что происходит в мире.

Истекло полгода, три удальца встретились в большом городе в условленном месте.

— Красавица теперь моя,— сказал сын муллы.— Я подарю ей самую диковиную вещь, смотрите: это жемчужная пиала, а в ней — живая вода. Она может вылечить от любой болезни.

— Нет, красавица — моя,— сказал сын купца.— На свете много всяких лекарств. У каждого лекаря есть своё чудесное лекарство. А вот летающей бурки нет ни у кого. О таком чуде красавица и не слыхивала. А ты что везёшь?— обратился он к сыну бедняка.— Какую диковину ты разыскал?

Сын бедняка вытащил маленькое зеркальце в медной оправе. Друзья рассмеялись:

— Это-то и всё? Ну, твой подарок не в счёт.

— Мой подарок — самый чудесный,— говорит сын бедняка.— В моём зеркальце можно увидеть всё, что ни есть на земле, всё, что происходит в мире. Хотите, сейчас увидим нашу красавицу?

— Это невозможно!— ответили друзья.— До неё три месяца пути.

— Ну, тогда смотрите в зеркальце,— сказал сын бедняка.

И вот они увидели красавицу. Она лежала в постели тяжело больная, она была при смерти. Рядом с ней в слезах стояли мать, отец, родственники.

— Надо спасать мою невесту!— сказал сын купца.— Садитесь на мою летающую бурку, летим домой!

Удальцы сели на летающую бурку и в тот же день домчались до своего аула. Сын муллы взял жемчужную пиалу и дал красавице выпить воды. Она глубоко вздохнула и встала с постели.

— Спасибо!— сказала она.— Я совсем здорова!

— Я вылечил красавицу, и я на ней женюсь!— сказал сын муллы.

— Без моей летающей бурки ты не успел бы со своим лекарством, и она бы умерла. Я спас красавицу, и я на ней женюсь!— сказал сын купца.

— Без моего всевидящего зеркальца мы не знали бы, что красавица больна, и не спешили бы к ней на помощь,— сказал сын бедняка.

Красавица задумалась.

— Все вы правы,— сказала она,— и каждый из вас меня спас. Рассудить спор придётся вторым заданием. Посмотрю, кто самый смекалистый. Принесите мне такую еду, которая, если сварить её с медом, сладкой не станет, если сварить её с солью, солёной не станет, если сварить её с жиром, жирной не станет. Завтра вечером вас жду.

Назавтра первым пришёл сын муллы.

— Я не знаю такой еды,— сказал он.

Потом пришёл сын купца.

— Я не знаю такой еды,— повторил он.

И вот пришёл сын бедняка и протянул красавице куриное яйцо.

— Вари его с мёдом — сладким не станет, вари его с солью — солёным не станет, вари его с жиром — жирным не станет,— сказал он.

— Ты победил,— сказала красавица.

Она вышла замуж за сына бедняка, и они жили долго и счастливо.

Чувашская народная сказка

ИВАН-БОГАТЫРЬ

Давным-давно, когда по земле великаны ходили, а люди звериный и птичий язык понимали, жили на свете старик со старухой. И ничего-то у них не было, кроме хромой телушки да ветхой избушки. Весь свой век прожили они в бедности. Только не об этом горевали старики. Горевали они о другом: не послала им судьба ни сына, ни дочки.

И вот однажды явился старухе во сне добрый Пигамбар и говорит:

— Целый век прожили вы со стариком в мире и согласии, а так и не знали счастья. Хочу я порадовать вас на старости лет, дать вам сына-богатыря. Пойдите,— говорит,— перед восходом солнца к священному дубу и принесите ему жертву — зарежьте вашу телушку. А потом сдерите кусочек коры с этого дуба, заверните его в чистый платочек и положите на ночь в

квашню. И наутро выйдет к вам из квашни сын-богатырь.

Так и сделали старик со старухой.

Пошли к старому дубу, зарезали там свою телушку, а потом отодрали кусочек коры и положили в квашню.

А наутро — как сказал Пигамбар, так и случилось — вышел из квашни мальчик.

Очень обрадовались ему старики и назвали его Иваном.

Стал расти Иван не по дням, а по часам. За один присест три каравая хлеба съедает, одним глотком целую бочку воды выпивает. Всё, что запасли старики на целую зиму, он в неделю съел. И когда не осталось в избе ни одного зерна, ни одной щепотки муки, спрашивает сын у отца:

— Почему, отец, вы так бедно живёте?

— Потому, сынок, так бедно мы живём,— отвечает старик,— что не было у нас в жизни удачи. Не далось нам счастье в руки.

— Ну,— говорит сын,— если не даётся счастье само в руки, пойду-ка я искать его. И пока не найду, до тех пор не вернусь.

Простился сын с родителями и пошёл куда глаза глядят.

Идёт Иван по большим дорогам, по маленьким тропинкам, идёт день, идёт два дня, а кругом только степь да степь, и нигде ни одной человеческой души.

Семь дней, семь ночей шёл Иван, а на восьмой день увидел он среди поля медное озеро. На берегу медного озера медный дворец стоит. Вокруг медного дворца медный сад цветёт.

«Может, здесь счастье спрятано?» — думает Иван. Разбежался он, да и перемахнул одним прыжком через медный забор.

Ходит Иван по саду и надивиться не может — всё в саду медное: трава — жёлтой меди, цветы — красной меди, на медных яблонях медные яблоки висят.

Сорвал Иван одно медное яблочко, и сразу закачались все ветки, зашаталось дерево, загудел, зазвенел сад густым медным звоном.

А Иван тем временем во дворец пошёл. Ходит, смотрит — нигде ни живой души, а откуда-то жареным барашком пахнет.

Тут только вспомнил Иван, что целых семь дней ничего во рту у него не было, и захотелось ему есть.

Обошёл он весь дворец и увидел медную печь. Огонь в ней красным пламенем полыхает, а над огнём на медных цепях висит баранья туша.

Снял Иван барашка с цепей и всего его, до последней косточки, съел.

Наелся, лёг на полу и заснул богатырским сном.

Мало ли, много ли спал Иван, только вдруг разбудил его шум и свист. Задрожали медные стены. Страшный вихрь медные рамы высадил, медные двери распахнул, и влетел, ворвался во дворец огромный орёл. Перья у него медные, клюв медный, когти чугунные.

Загремел орёл страшным голосом:

— Кто смеет без меня в мой дом входить, мои яблоки рвать?

— Кто же, как не я?— сказал Иван и вышел навстречу медной птице.

— А-а, это ты, Иван?— сказал орёл.— Знаю, знаю. Слышал про тебя. Ну, раз уж попал ты ко мне, живым тебе отсюда не уйти.

— Что, драться хочешь?— спрашивает Иван.

— Да уж испробую твою силу,— говорит орёл.— Идём туда, где попросторнее.

Вышли они на медный ток.

— Начинай!— говорит орёл.

— Нет,— говорит Иван,— начинай ты. По нашему, по чувашскому обычаю, кто на борьбу вызывает, тому и начинать.

— Быть по-твоему,— сказал медный орёл.

Расправил он свои медные крылья и ударил Ивана медным клювом по голове. Да так, что Иван по самые колена в медный ток ушёл.

Смеётся над ним медный орёл:

— Будешь теперь знать мою силу!

А Иван вытащил ноги из меди, точно из придорожной грязи, и говорит:

— Ну, теперь я свою силу испробую.

Сказал и ударил орла кулаком по голове. Совсем легонько ударил, а орла уже и не видать почти — одна голова над медным током торчит.

Дёргается орёл, рвётся, а вырваться не может.

Стал он просить Ивана:

— Смилуйся надо мной, Иван-богатырь, вытащи меня. Я тебе за это век служить буду и к брату моему — серебряному орлу — тебя поведу. Он ещё богаче меня! Зато и посильнее!

Смилостивился над ним Иван, вытащил медного орла, и пошли они дальше вместе.

Семь дней шли, семь ночей шли и пришли к серебряному озеру.

По озеру серебряные лодочки плавают, на берегу озера за серебряной оградой серебряный дворец стоит, вокруг дворца серебряные яблони растут.

Оставил Иван медного орла на берегу медного озера, а сам перепрыгнул через забор.

Ходит он по серебряному саду и налюбоваться не может. Всё в том саду искрится-светится, даже глазам смотреть больно. А как сорвал одно яблоко — закачалась ветка, зашаталось дерево и зазвенел каждый листочек серебряным звоном.

Нагулялся Иван по саду и пошёл во дворец. Видит: и там тоже печка жарко топится, и горит в ней огонь светлым серебряным пламенем. А над огнём на серебряных цепях висит барашек. Снял его Иван, наелся досыта и лёг спать.

Мало ли, много ли спал Иван, только вдруг засвистело всё вокруг, зашумело, и, словно буря, ворвался во дворец серебряный орёл.

Повёл головой направо-налево и спрашивает, да таким голосом, будто сто колоколов разом ударили:

— Кто посмел без меня в мой дом войти, в моём саду яблоки рвать? А ну, выходи вперёд!

Вышел к нему Иван.

— А-а, это ты,— говорит орёл.— Ну, от меня живым не уйдёшь.

— Уйду или не уйду — этого ещё никто не знает,— отвечает Иван.— Голос-то у тебя и верно страшен. Да так ли страшна твоя сила?

— Видать, драться хочешь?— спрашивает серебряный орёл.— Что ж, будь по-твоему!

Пошли они на серебряный ток, стали друг против друга.

Расправил серебряный орёл свои могучие крылья и ударил Ивана серебряным клювом по голове. Со всей силы ударил, по самый пояс Ивана в серебряный ток вбил.

А Иван вылез из тока, словно из воды, и говорит серебряному орлу:

— Ну, теперь моя очередь.

Вполсилы ударил он орла своей богатырской рукой, а орёл как в воду нырнул. Едва голову над серебряным током высовывает.

Взмолился орёл:

— Пожалей меня, Иван-богатырь. Если вытащишь меня, век тебе служить буду и к брату моему — золотому орлу — в золотой дворец поведу. Он ещё богаче меня! Правда, и посильнее!

Пожалел Иван серебряного орла, вытащил его, и пошли они втроём в золотой дворец к золотому орлу.

Шли, шли, день шли, два дня шли, три дня шли, никуда не пришли.

Только на восьмой день увидели они золотое озеро. А по озеру золотые волны ходят, разбиваются о золотой берег золотыми брызгами.

Тут же рядом, за высокой оградой, золотой дворец стоит, а перед ним золотой сад цветёт.

Оставил Иван своих спутников у озера, а сам пошёл гулять по саду.

Смотрит: деревья в саду все золотые, и на золотых ветках золотые яблоки висят.

Сорвал Иван золотое яблочко — и сразу закачались ветки, зашаталось дерево, и запел, зазвенел сад каждым листочком, словно кто ударил по золотым струнам.

А Иван толкнул золотую дверь и вошёл во дворец. Там тоже увидел он печь. Золотым огнём горит в ней яркое пламя, а над огнём на золотых цепях висит барашек.

Съел Иван этого барашка и заснул богатырским сном.

И вдруг забушевала буря, загремел гром, засвистел ветер.

Сразу темно стало, и во тьме сверкнула золотая молния. Это прилетел золотой орёл.

Повёл головой туда-сюда и говорит, да таким голосом, словно в набат ударили:

— Кто посмел в мой дом незваным прийти, в моём саду яблоки рвать, в моих покоях почивать? Пусть выйдет, покажется мне на глаза!

Вышел тут Иван и говорит:

— Грозен твой голос, орёл золотой, да так ли грозна твоя сила орлиная?

Усмехнулся орёл:

— А-а, это ты, Иван-богатырь? Знаю, знаю, слыхал про тебя. Не побоишься силой со мной помериться?

— Храбрость в бою узнают,— отвечает Иван.

Вышли они на золотой ток, стали друг против друга.

— Начинай!— говорит золотой орёл.

— Нет,— отвечает ему Иван.— По нашему чувашскому обычаю, тот начинает, кто себя сильным называет. Твой первый удар.

Метнул золотой орёл молнию из глаз, взмахнул могучими крыльями и ударил Ивана золотым клювом по голове. Сразу по самую шею забил его в ток.

Едва выбрался Иван.

— Ну, теперь мой черёд,— говорит.

Размахнулся он, ударил золотого орла и по самую макушку в золотой ток его вбил. Совсем не видно орла — только несколько пёрышек наружу торчат.

Запросил пощады золотой орёл:

— Смилуйся надо мной, Иван. Если поможешь мне выбраться, буду я тебе век служить, буду тебя первым богатырём почитать.

— Хорошо,— говорит Иван,— я тебя вытащу. Только теперь пойдёшь ты со мной туда, куда я пойду. А я иду искать своё счастье.

Тут схватил он золотого орла за перья, что торчали над током, рванул да и вытащил.

И пошли они дальше вчетвером: Иван-богатырь и три орла: медный, серебряный и золотой.

Шли степями, шли лесами, сколько рек переплыли — не сосчитать, сколько морей за собой оставили — не припомнить, и пришли наконец туда, где никогда солнце не закатывается.

Видят, на полянке стоит маленькая избушка, а рядом камышовый сарай.

Заглянули в сарай — там семь быков дремлют, и перед ними свежее сено лежит.

Заглянули в избушку — там никого нет, а посередине висит огромный котёл, и возле котла куча камышовых палок сложена.

— Будто нас только и ждали тут,— говорит Иван.— Что ж, давайте без хозяина обед варить.

Ну, варить так варить. Зарезали они одного быка, содрали с него шкуру и положили всю тушу в котёл.

Медного орла Иван за повара поставил, а сам с золотым и серебряным орлом пошёл новые места посмотреть.

Принялся медный орёл за дело. Развёл костёр под котлом. Подбрасывает камыш в огонь, чтобы пламя жарче разгоралось, помешивает палкой в котле, чтобы мясо лучше варилось.

Вот уже совсем готов у него обед.

И вдруг слышит медный орёл тоненький, слабенький голосок:

— Открой мне дверь, медный орёл!

Открыл медный орёл дверь.

А у порога старичок стоит — сам с локоть, борода — в два локтя, шапка — в семь локтей.

— Перенеси меня через порог,— говорит старичок.

Перенёс его медный орёл через порог.

— Посади меня за стол,— говорит старичок.

Посадил его медный орёл за стол.

— Что ты варишь?— спрашивает старичок.

— Мясо варю,— отвечает медный орёл.

— А-а, ты моего быка зарезал! Ну так я же тебя проучу!— закричал старичок.

Соскочил со скамейки, вырвал клок из своей бороды и всего медного орла, с головы до хвоста, точно сетью, опутал. Потом сволок его под скамейку, а сам залез на котёл, вытащил бычью тушу и принялся есть. Всё без остатка съел. И откуда пришёл — туда и ушёл. А куда — неведомо.

Вернулся Иван со своими помощниками, спрашивает медного орла:

— Что, готов обед?

А тот кое-как разорвал путы, вылез из-под лавки и говорит:

— Ничего я не знаю и не помню. Угорел я от камышового дыма, всё время под скамьёй пролежал.

Заглянул Иван в котёл, а там ничего нет.

— Где же мясо?— спрашивает.

— Верно, всё сгорело,— говорит медный орёл.

Пришлось второго быка зарезать, второй раз обед варить.

На другой день оставил Иван серебряного орла домовничать, а сам с медным орлом и золотым ушёл новые места смотреть.

Приходят они в полдень — котёл опять пустой, а серебряный орёл, как рыба в густой сети, под скамейкой барахтается.

— Чуть не задохся я от камышового дыма,— говорит.— А мясо всё сгорело.

На третий день остался обед готовить золотой орёл.

Только и он обеда не уберёг.

Опутал его своей бородой старичок с локоток, мясо из котла съел и ушёл.

А куда ушёл — неведомо.

Наконец остался готовить обед сам Иван. Вот сварил он быка, ждёт, когда вернутся товарищи.

Вдруг слышит Иван за дверью тоненький голосок:

— Эй, кто там в избе, открой дверь!

— Если ты пришёл гостем — открой и войди,— говорит Иван.

Старичок толкнул дверь и вошёл.

— Посади меня за стол,— говорит.

— Если уж пришёл, сам садись,— говорит Иван.

Закряхтел старичок, влез на скамейку и уселся за стол.

— Что ты варишь?— спрашивает.

— Двенадцать стариков варю себе на обед,— отвечает Иван,— ты будешь тринадцатым!

— Врёшь!— закричал старичок.— Ты моего быка варишь!

Выскочил он из-за стола, выдернул пучок волос из своей бороды и хотел было спутать Ивана по рукам по ногам. А Иван схватил его за шиворот, тряхнул разок, и сразу запросил старичок пощады.

— Ладно уж, будет тебе пощада,— говорит Иван.

И понёс его во двор.

Выбрал сосну повыше, пригнул её к земле, и привязал старичка к самой вершине.

— Повиси,— говорит,— здесь на ветерке. Пусть продует тебя немного. Может, выветрится твоя злость.

И отпустил сосну.

Повис старичок высоко над землёй, под самым небом. А Иван вернулся в избу.

Скоро пришли его спутники — медный орёл, серебряный и олотой. Смотрят — обед уже готов и на столе стоит.

— Эх вы,— говорит им Иван и усмехается,— с таким махоньким старичком не смогли сладить! Садитесь, ешьте, а потом уж я вам его покажу.

Поели они, вышли во двор, а старичка-то и нет, и куда он ушёл — неведомо. Только на вершине сосны клочья бороды его висят, да по земле кровавый след тянется.

И решил Иван по этому следу идти до тех пор, пока не найдёт старичка.

Опять пошли они все вчетвером: Иван-богатырь, медный орёл, серебряный орёл и золотой.

Шли они, шли по следам старика и пришли к глубокой яме.

— Ну,— говорит Иван,— я полезу в эту яму, а вы меня ждите.

Сплели они из ветвей и травы длинную верёвку, взялся Иван за один конец и полез под землю.

— Когда надо мне будет назад выбираться,— говорит Иван орлам,— я за верёвку дёрну, вы меня и поднимите.

Вот спустился Иван в глубокое-преглубокое подземелье. А там, под землёй, так же, как над землёй, светит солнце, деревья растут, в поле цветы цветут. И среди поля стоит дом. Стены все стеклянные, крыша зеркальная — со всех сторон видно, что в доме делается.

А там три сестры, три красавицы, сложа руки сидят.

Открыл Иван дверь и вошёл в дом.

— Ах, милый человек,— закричали разом все три девушки,— зачем ты пришёл сюда? Злой колдун Чиге-хурсухал убьёт тебя. От него никому не спрятаться. Для того он и посадил нас в стеклянный дом, чтобы видеть, кто к нам приходит да с кем мы разговоры ведём. Вот мы ничего и не делаем, никогда ни с кем слова не молвим, чтобы как-нибудь старика не прогневить. И уж не помним, сколько лет прошло с тех пор, как мы тут сидим.

— А вы скажите, где живёт этот колдун? Я сам к нему пойду. Его убью, вас из плена освобожу.

— Он живёт в огненном море,— говорит старшая.— Вот, возьми клубочек, брось его под ноги, он тебя до самого берега и доведёт.— И дала Ивану клубочек.— Да только — нет!— не дойти тебе!

А средняя коромысло Ивану дала и говорит:

— Если всё-таки дойдёшь до моря, окуни это коромысло семь раз в воду — Чиге-хурсухал и выйдет к тебе. Только — нет!— не справиться тебе со стариком!

— Да ты не бойся,— говорит младшая и протянула ему колечко.— Если устанешь или ослабеешь в бою, тебе это колечко поможет. Ты его надень сейчас на мизинец, а когда придётся тебе совсем трудно, сними с мизинца и надень на безымянный палец. И сразу сила твоя удвоится.

Поблагодарил Иван девушек, кольцо надел на руку, коромысло перекинул через плечо, а клубочек себе под ноги бросил.

Покатился клубочек сам собой и повёл Ивана путём-дорогою.

Идёт Иван, идёт, день идёт, два идёт, а клубочек всё катится и катится. Наконец докатился он до огненного моря.

Стоит Иван на берегу и не знает, как за дело взяться.

Всё море ярким пламенем горит, искры столбом к небу поднимаются, по земле едкий дым ползёт.

Зажмурился Иван покрепче, чтобы дым глаза не ел, подошёл к самой воде и давай окунать коромысло в море. Раз окунул, два раза окунул, три раза окунул.

Тут улеглось пламя, послышался со дна громовой голос:

— Это кто мой огонь гасит, меня в моём доме тревожит?

А Иван словно и не слышит — знай своё дело делает, окунает коромысло в воду.

Четыре, пять, шесть раз окунул.

На седьмой раз рассвирепел старик Чиге-хурсухал и выско-

чил на берег: сам ростом в локоть, шапка в семь локтей, а бороды-то и нет.

— Нет, теперь уж ты от меня не уйдёшь!— кричит он Ивану.

А Иван смеётся:

— Да разве я от тебя уходил? Это ты от меня ушёл. А теперь не уйдёшь.

И не успел старик глазом моргнуть, как Иван перекинул кольцо с пальца на палец и такую силу в себе почуял, что сам удивился. Только щёлкнул он Чиге-хурсухала, а из того уже и дух вон.

Взял Иван его шапку и пошёл скорее красавиц из неволи выручать.

— Глядите,— кричит и шапку им показывает,— вот всё, что от вашего злого старика осталось! А теперь собирайтесь в путь. Довольно вам под стеклянным колпаком жить.

Надел Иван шапку себе на голову, клубочек в карман положил, коромысло под мышку сунул и повёл красавиц к тому месту, где начинается дорога из-под земли на землю.

Смотрит, верёвка как висела, так и висит. Обвязал Иван концом верёвки одну красавицу и дёрнул, чтобы поднимали её орлы.

За первой — вторую наверх переправил, за второй — третью. Дошла очередь и до него самого.

Стали и его вытягивать орлы. До половины пути подняли, и вдруг говорит золотой орёл своим младшим братьям:

— Не лучше ли, братцы, оставить его в подземном царстве? Если не будет его с нами — женимся мы на трёх красавицах и заживём все в мире и дружбе.

Поговорили, поговорили братья, да так и сделали. Выпустили верёвку, и полетел Иван камнем вниз. До самого дна долетел, семь слоёв земли пробил и в восьмой провалился.

Долго лежал он ни жив ни мёртв, потом очнулся, встал. Где стоит — не знает. Куда идти — не ведает.

И пошёл куда глаза глядят.

Шёл, шёл и пришёл в деревню.

Заходит в крайнюю избу, а там старая-престарая старуха тесто месит, да не водой, а слезами муку разводит.

— Что ты делаешь, бабушка?— спрашивает Иван.

— Ах, добрый молодец, такая уж ныне жизнь настала,— отвечает старуха,— вот уже седьмой месяц, как нет у нас воды.

— А куда же делась вода?— спрашивает Иван.

— Да вода-то никуда не делась. А поселился в нашем озере змей о двенадцати головах и никого к воде не подпускает. Кто ни пойдёт за водой — всех глотает, с вёдрами и коромыслами вместе.

— Ну уж, так-то и всех!— говорит Иван.— Небось меня не проглотит. Давай-ка мне две кадки, я тебе живо воды принесу.

Дала старушка ему кадки, и пошёл Иван к озеру.

Зачерпнул воды в одну кадку, зачерпнул в другую и вдруг слышит голос:

— Кто там крадёт мою воду?

— Твой гость,— отвечает Иван.

Подхватил обе кадки на своё коромысло и пошёл к старухе.

Так и припала старуха к воде, разом всю выпила. А потом просит Ивана:

— Сходи, сынок, принеси ещё водички.

Пошёл Иван во второй раз.

Опять зачерпнул воды из озера.

Опять слышит голос:

— Кто крадёт мою воду?

— Твой гость,— отвечает Иван.

— Ну, приди только ещё раз! Я уж тебя встречу как надо!

А Иван словно и не слышит. Поднял кадки на коромысле и понёс их старухе. А та опять за водой его посылает.

— Сходить-то я схожу,— говорит Иван,— только сначала добудь для меня меч весом в двенадцать пудов.

Побежала старуха в кузницу, и выковал ей кузнец двенадцатипудовый меч.

Опоясался Иван тем мечом и в третий раз пошёл на озеро.

Только зачерпнул воду, раздался со дна страшный голос:

— Кто это в третий раз мою воду крадёт?

— Твой гость,— отвечает Иван.

— Да кто ты такой, что незваный-непрошеный ко мне в гости приходишь? Вот я тебя сейчас съем! Погости-ка у меня в брюхе!

И вынырнул тут из воды сам двенадцатиголовый змей.

Поднял первую голову — отрубил её Иван.

Поднял вторую — и вторую отрубил Иван.

Поднял третью — и третью отрубил Иван.

Девять голов отрубил одну за другой. Три головы у змея осталось, да отяжелел меч в руках у Ивана.

А змей высунул из воды все три головы сразу, раскрыл все три пасти, бьёт Ивана хвостом, обдаёт Ивана жаром-пламенем.

Зашумело у Ивана в голове, потемнело в глазах. Едва меч в руках держит. Сам чуть с ног не падает.

Тут вспомнил Иван про своё волшебное кольцо и вмиг перебросил его с мизинца на безымянный палец.

И столько у него стало силы, сколько раньше никогда не было. А меч в его руках снова стал лёгким как пёрышко.

Взмахнул Иван мечом и одним ударом отрубил змею все три головы.

Замертво упал змей на берег. И сразу повалил из его утробы весь проглоченный народ.

Все с вёдрами выходят, с кадками, с бочками, все радуются, обнимаются, Ивана благодарят, богатые подарки ему обещают.

Только Иван от всего отказывается.

— Ничего мне не надо,— говорит,— ни того, ни этого. Ска-

жите лучше, как выбраться мне из вашего подземного царства на верхнюю землю?

Вышел из толпы один старик и говорит:

— Иди,— говорит,— к залётному соколу, что живёт на двенадцатисаженной сосне. Он повсюду летает, он тебя и на верхнюю землю вынесет.

Пошёл Иван к залётному соколу.

Подходит к сосне и видит: ползёт по стволу чёрная змея.

Всё ближе и ближе к гнезду подбирается.

А в гнезде птенцы пищат, соколята.

Жалко стало Ивану птенцов, размахнулся он и одним ударом убил змею.

Потом взобрался по стволу в гнездо и спрашивает:

— Птенчики, птенчики, а где ваши отец с матерью?

Отвечают птенцы:

— Полетели корм для нас добывать. Подожди здесь. Вернутся они — отблагодарят тебя.

К вечеру прилетели в гнездо сокол с соколихой.

— Зачем ты здесь, Иван?— спрашивают.— Если хочешь наших птенцов обидеть — несдобровать тебе.

Запищали птенцы на все голоса:

— Он худого нам ничего не сделал! Он чёрную змею убил и нас от смерти спас!

— Ну, за добро я добром расплачусь,— говорит сокол-отец.— Проси что хочешь — всё сделаю.

— Ничего мне не надо,— говорит Иван.— Помоги только мне на верхнюю землю попасть.

— Хорошо,— говорит сокол,—перенесу я тебя в верхнее земное царство. Только нужно мне на дорогу три бочки мяса и три бочки воды.

Вернулся Иван к озеру, изрубил змея на мелкие куски и уложил в три бочки. Потом набрал три кадки воды и притащил к двенадцатисаженной сосне. Все бочки и кадки соколу на спину взвалил и сам между ними сел.

— Слушай меня, Иван,— говорит сокол,— путь у нас с тобой далёкий. Когда поверну я голову вправо — бросай мне в клюв мясо, поверну влево — лей мне в клюв воду.

Тут взмахнул он своими могучими крыльями и полетел в верхнее земное царство. Три дня и три ночи летел сокол вверх, три дня и три ночи кормил и поил его Иван.

Повернёт сокол голову вправо — Иван ему кусок мяса бросит, повернёт сокол голову влево — Иван ему воды плеснёт. Вот уже и земной свет виден, да на беду кончилось в бочках всё мясо и вода вся вышла.

Поворачивает сокол голову вправо, а Ивану нечем его кормить. Поворачивает сокол голову влево, а Ивану нечем его поить.

Ослабели у сокола крылья. Медленно летит, едва крыльями машет. Того и гляди — камнем вниз упадёт.

Не знает Иван, что и делать. А сокол голову то вправо, то влево поворачивает, просит еды-питья.

Тогда выхватил Иван меч, отсёк кусок мяса от своей ноги и бросил его соколу — своим мясом накормил его, своей кровью напоил.

И сразу рванулся сокол ввысь.

Часа не прошло, а уже вынес он Ивана на верхнюю землю.

На верхней земле спрашивает сокол у Ивана:

— Где ты взял, Иван, тот кусок мяса, что последний раз бросил мне? От него сразу вдесятеро прибавилось у меня сил.

— Своё мясо я тебе отдал, от своей правой ноги,— отвечает Иван.

— Возьми же его обратно,— говорит сокол.— Мне на мой век и своей силы хватит.— И выплюнул тот кусок, что Иван ему напоследок дал.

Приложил Иван этот кусок к своей ране — сразу приросло мясо к телу.

— Ну, теперь прощай,— говорит сокол.— Никогда я ещё так далеко не залетал. Надо мне скорей домой возвращаться.

Простились они с Иваном, и отправились каждый в свою сторону. Сокол — в подземное царство, а Иван —искать своих неверных товарищей — медного орла, серебряного и золотого.

А те и не ждут Ивана, и думать про него забыли. В золотом дворце три свадьбы справляют.

К самому свадебному пиру пришёл Иван.

— Так-то вы мне служите?— говорит.— Так-то за свою жизнь меня благодарите?

— Друг ты наш, Иван!— говорят орлы — медный, серебряный и золотой.— Уж больно долго ты ходил, мы про тебя и забыть успели.

— Короткая же у вас память,— говорит Иван.— Ну да ладно, я вам о себе напомню!

Взмахнул Иван мечом и всех трёх орлов — медного, серебряного и золотого — на куски изрубил. Только и осталось от них что груда меди, серебра и золота.

Потом повернулся Иван к пленницам Чиге-хурсухала и говорит:

— А вы, красавицы, помните ли меня?

Старшая и средняя отвечают:

— Что-то не припоминаем.

А младшая обрадовалась Ивану.

— Это ты,— говорит,— нас из неволи освободил. Сердце моё сразу тебя признало!

Отдал Иван старшей сестре клубочек, отдал средней коромысло и говорит:

— Берите ваши подарки, красавицы, и ступайте куда хотите. Если вы меня не припомнили, так и я вас знать не хочу. А младшую вашу сестру возьму себе в жёны.

Снял он тут волшебное кольцо со своей руки и надел его на палец младшей сестры.

Потом собрал всю медь, всё серебро и золото в три мешка и пошёл с молодой женой к своим старикам, к отцу с матерью.

Обрадовались ему старики, целуют его, обнимают, наглядеться на него не могут.

— Ну что, сынок,— спрашивает его отец,— нашёл ли ты счастье?

— Нашёл,— говорит Иван.— А то не вернулся бы домой.

— Где же оно, твоё счастье?— опять спрашивает старик.— Уж не в этих ли трёх мешках?

— Нет,— говорит Иван,— в мешках у меня медь, серебро и золото. Они всякому человеку пригодятся, да не в них счастье. А счастье у меня одно: где нет дороги — там дорогу проложить, где на сильного управы нет — там храбрость показать, у кого памяти нет — тому о правде напомнить. А теперь благословите меня, батюшка с матушкой, на счастливую жизнь с молодой женой.

Благословили его старики и тут же свадьбу сыграли.

На той свадьбе дружкой сам журавль был, в трубу трубил, пиво медовое пил, а потом у нас побывал, эту сказку рассказал.

Чукотская народная сказка

БЕЛАЯ МЕДВЕДИЦА

Жил когда-то мальчик-сирота. Была у него бабушка. И ещё был у него дядя, который их с бабушкой кормил. Он в море охотился, нерп добывал.

Парень подрос, начал охотиться вместе с дядей. А потом и сам стал ходить за зверем. Привозил нерп, бабушка их разделывала.

Однажды он долго искал, не мог зверя найти. Далеко по льду ушёл, оглянулся — страшно стало. Назад поспешил. Пурга поднялась. Льдину оторвало, понесло в открытое море. Бегает бедный парень по льдине туда-сюда. Смотрит во все стороны. А что толку? Кто поможет? Вдруг белая медведица вынырнула. Залезла на льдину и пошла к парню.

— Откуда ты?— спросила.

— Откуда я? Сам не знаю откуда. Земли не видно. Не знаю, в какой стороне мой дом,— сказал парень.

Медведица говорит:

— Я тебя спасу. Домой отвезу. Хочешь?

— Хочу,— говорит парень-сирота. — Но как ты спасёшь?

Медведица говорит:

— Садись ко мне на спину. Крепко за уши держись. А глаза зажмурь.

Медведица спустилась в воду. Парень сел ей на спину, ухватился за уши, зажмурил глаза. Медведица поплыла. Быстро поплыла. Вот и берег близко. Парень открыл глаза и увидел вдалеке свою землянку. Подплыли к прибрежному льду, выбрались на него, пошли к берегу. Медведица провела когтём по льду. Лёд треснул, высыпали нерпы. Много нерп! Парень никогда столько не видел. Медведица говорит:

— Здесь охоться. Здесь всегда будут нерпы. А ты не мог зверя найти, потому что бабушка твоя с нерпой плохо обращается, не даёт зверю ни поесть ни попить[1].

Парень убил нерпу и пошёл к дому. Медведица идёт рядом. А когда ступили со льда на землю, медведица вдруг сняла белую шкуру и стала красивой девушкой. Шкуру она свернула и спрятала в трещину во льду.

Парень пришёл домой вместе с девушкой.

— Бабушка,— сказал он,— теперь у меня будет жена.

Старуха спросила внука:

— Откуда ты её привёл?

— Не знаю откуда,— ответил внук.

Девушка стала жить с ними в землянке. Парень-сирота, как и прежде, ходил на охоту, нерпу добывал, но теперь он стал самым удачливым охотником на побережье. Никогда без добычи не возвращался. Много нерп добывал! Мяса и жира впрок заготовили надолго.

Прошло время. Молодая жена родила сына. Хорошо они живут, много едят. Вот однажды парень-сирота ушёл на охоту, жена его дома еду готовит. Старуха смотрит, молодая жена готовит, а сама жир ест. Большими кусками ест. Старуха говорит:

— Ты что это такими большими кусками жир ешь? Разве так можно? Ты ешь, как медведица! Да ты, наверное, не человек. Ты белая медведица!

Опустила голову женщина. Ничего не сказала. Сына позвала. Стала его одевать. Сын спрашивает:

— Куда мы пойдём?

— Мы уходим навсегда,— отвечает мать.

Пришли они к берегу моря. Подошли ко льду. Мать сунула руку под лёд, достала оттуда белую медвежью шкуру. Встряхнула она шкуру, надела на себя и стала белой медведицей. И пошла с сыном по льду в открытое море.

В это время муж её с охоты вернулся, нерпу принёс. Кричит:

— Бабушка, напои нерпу, плесни ей на морду немного воды!

---

[1] Древние охотники верили, что зверь приходит к ним в гости, оставляет им свою плоть, а душа его возвращается в море. Добытого морского зверя перед свежеванием «кормили» крошками мяса и «поили» пресной водой.

Старуха молчит.

— Где вода?— спрашивает охотник.

— Я ведь тут одна,— говорит старуха.

— А где жена, где сын?— спрашивает охотник.

— Они ушли,— отвечает старуха.

— Куда ушли?

— По льду ушли, в море ушли, совсем ушли,— отвечает старуха.

— Ты, наверное, жене моей что-нибудь сказала?

— Ничего такого я ей не сказала,— отвечает старуха,— сказала только, что жир она ест, как медведица. Ну, она обиделась и ушла.

Сирота стал собираться в дорогу. Положил в мешок лук, стрелы, копьё, гарпун. И пошёл за женой и сыном по следу, быстро пошёл.

Скоро он их нагнал. Медведица говорит:

— Зачем ты здесь?

Сирота говорит:

— Я за тобой пришёл. Хочу тебя вернуть.

Медведица говорит:

— С людьми жить не хочу. Пойду к своему народу.

Сирота говорит:

— Я пойду с тобой.

Медведица говорит:

— Мои сородичи тебя убьют.

Сирота говорит:

— Без тебя я давно бы умер. Я не боюсь.

Медведица говорит:

— Если так, пойдём.

Они дошли до конца льдины, подошли к разводью. Медведица перевезла их на другую льдину. Опять долго шли. Опять разводье. Опять медведица перевезла. На третьей льдине сказала:

— Здесь мой дом.

Дом был огромный. Вошли. А там медведей — не сосчитать!

Когда медведицу увидели — все обрадовались, закричали. Встретил их у входа старик-медведь, отец медведицы.

— Заходите, гости,— пригласил он.

Мальчика окружили медвежата. Старик-медведь им крикнул:

— Прочь! Прочь! Держитесь от них подальше! Кочкоголовые[1]— хитрый народ!

Потом он сказал сироте:

— Зять мой, зачем ты сюда пришёл? Медведи тебя убьют.

Сирота ответил:

— Я не боюсь.

Старик-медведь говорит:

— Тебя позовут состязаться, кто больше еды добудет. Ты проиграешь, и тебя убьют.

---

[1] Так в чукотских сказках животные зовут людей.

Сирота говорит:

— Я не боюсь.

Тут медведи пришли, зовут состязаться. Старик-медведь говорит сироте:

— Надень мою шкуру-кухлянку.

Сирота говорит:

— Спасибо, я в своей пойду.

Он вышел, пошёл к воде. А там его уже ждёт огромный медведь. Медведь говорит:

— Пришёл? Не боишься?

Сирота говорит:

— Пришёл. Не боюсь.

Медведь говорит:

— Давай состязаться: кто первый пять нерп добудет.

Пришли на место охоты — к краю льдины. Медведь лёг на живот, смотрит в воду, караулит нерпу. А зверь не идёт. Вот сирота нерпу уже добыл. А у медведя нет. Сирота третью берёт! А медведь только первую. Вот у медведя уже вторая. А у сироты четвёртая. У медведя третья. А сирота пятую вытащил! Победил матёрого медведя! Удивил весь медвежий народ! Пошли домой. Дома медвежата обрадовались, обступили его.

Старик-медведь кричит им:

— Подальше, подальше от него! Очень хитры кочкоголовые! Он победил нашего лучшего охотника!

Потом говорит сироте:

— Ты хороший зять, хорошо еду добываешь. Но завтра состязание будет потрудней. Завтра медведи тебя убьют.

Сирота говорит:

— Чего мне бояться? Я давно должен был умереть.

Назавтра опять за ним медведи пришли. Старик-медведь говорит:

— Надо будет нырять в море. Надень мою шкуру-кухлянку.

Сирота говорит:

— Теперь надену.

Он надел медвежью шкуру и пошёл с медведями. Огромный медведь ждал его у воды. Сирота подошёл к нему. Медведь прыгнул в воду. Долго его не было. Но вот он вынырнул и положил на лёд большой камень. Сироте он сказал:

— Видишь этот камень? Теперь вытащи его сам. — И медведь столкнул камень в воду.

Нырнул сирота. На дне моря увидел два камня. Один — поменьше, который медведь только что вытаскивал на лёд. А другой камень — в три раза больше! Левой рукой сирота взял маленький камень, а правой рукой — большой. Начал с ними всплывать. Медленно всплывал, долго всплывал. Огромный медведь смотрел, смотрел в воду и сказал:

— Пропал кочкоголовый. Утонул.

И тут всплыл сирота с двумя камнями в руках и положил их на край льдины. Все медведи ахнули. Все увидели: опять

сирота победил. Медвежата обрадовались, побежали домой — обо всём рассказать старику-медведю. Старик сказал:

— Я ведь говорил вам: кочкоголовые — очень хитрый народ.

Сирота пришёл домой. Старик-медведь ему сказал:

— Ты хороший зять, ты силач. Но ты не медведь. И медведя тебе не победить. Завтра медведь тебя убьёт.

Назавтра опять пришли медведи. Зовут сироту на последнее состязание. Сирота спрятал под кухлянку лук с тремя стрелами и пошёл. Смотрит, на льдине собрался весь медвежий народ. Все хотят посмотреть борьбу. Огромный медведь стоит ждёт. Сирота отскочил в сторону, медведь пролетел мимо. Кидается на него медведь, а сирота ловко увёртывается. Никак медведь не может его схватить. Медведь устал, дышит тяжело. Тут сирота выхватил лук и пустил в медведя стрелу. Медведь снова бросился. Опять мимо. Сирота пустил вторую стрелу. А за ней и третью. Медведь тяжело задышал, сел на лёд и сказал:

— Почему это вдруг всё вокруг потемнело?

Упал медведь, замолчал навсегда. А медвежий народ обрадовался. Друг другу все говорят:

— Спасибо кочкоголовому! Злого нашего хозяина убил.

Медвежата побежали домой, рассказать деду. Старик сказал:

— О, я так и знал! Они такие, эти кочкоголовые! Я всего раз в жизни ходил на землю. Увидели они меня — всей гурьбой побежали за мной. Еле-еле голову спас — в воду нырнул. Очень плохой народ кочкоголовые! Очень хитрый народ!

Сирота пришёл домой. Старик-медведь говорит:

— Ты вышел победителем. Медведи тебя не убьют. Но жить с нами тебе всё равно нельзя. Уходи на землю. И сына забирай. Он твой сын, он не медведь. Идите на землю, к своему народу. Моя дочь вас проводит.

Медведица посадила их к себе на спину и отвезла к берегу. Когда сирота с сыном сошли на берег, медведица заплакала.

Сирота не пошёл в землянку к бабушке, которая прогнала его жену. «Пусть живёт как хочет,— подумал он.— Не буду ей жирных нерп носить». Он сделал землянку для себя и сына. Вдвоём стали жить. Сирота в море ходил, нерп добывал, сына кормил. Так и жили. Всё.

Эвенкийская народная сказка

ОХОТНИК И ЗМЕЙ

Семь охотников на охоту вышли — соболя в тайге промышлять, белку, всякую лесную птицу бить.

Шестерым во всём удача. Зверь бежит — зверя на бегу подстреливают, птица летит — птицу на лету подбивают.

А седьмой, младший охотник, точно слепой по тайге бродит. Нет ему удачи. Зверь у самых ног пробегает, птица над самой головой пролетает, а в руки не даются.

Долго ходили охотники по тайге, устали, привал сделали. Принялись добычу считать. У кого сумка до отказа набита, у кого наполовину полная, у кого на треть. Только у младшего охотника пустая сумка.

— Неудачливый ты,— говорят ему товарищи.— Зачем с нами пошёл? Не принёс бы и нам несчастья!

Что младшему сказать? Нечего сказать. Молчит. Верно ведь, неудачливый он, несчастливый.

Вот поели охотники, стали спать укладываться, да прежде чем лечь, сложили у дерева шесть острых ножей, шесть натянутых луков, а у седьмого, младшего охотника, лук сломан, а ножа и вовсе нет. Потерял он свой нож.

«Эх, крепко пристала ко мне неудача,— думает младший.— Как теперь охотиться буду?»

Да ведь думай не думай, а ночью не пойдёшь в тайге нож разыскивать. Лег и он спать. Утром проснулся всех раньше и видит: окружил их кольцом огромный змей. Толстый, как столетний кедр, голова с хвостом впритык сходятся, глаза открыты. Чуть шевельнись — сразу задушит.

Стал охотник потихоньку будить товарищей. Разбудил всех. Со страху не знают охотники, что делать. И драться со змеем нечем. Луки и ножи в стороне лежат, не дотянуться до них.

— Это ведь ты беду с собой привёл,— говорят старшие охотники младшему.— Неудачливый ты. Зачем с нами пошёл?

Молчит младший. Не знает, что сказать. Верно, неудачливый он.

А змей сжался чуть-чуть, оттянул голову от хвоста, будто пройти охотникам даёт, и опять замер. Хитрый. Зажмурил глаза, лежит не шевелится.

Что делать? И пройти бы можно. Да ведь только сделай шаг — задушит. Думали, думали охотники и решили:

— Бежим все вместе! Всех сразу не съест. Кто-нибудь да спасётся.

Встали. Все вместе вперёд двинулись. А змей чуть приоткрыл один глаз и опять хвост к голове подтянул. Опять не пройти.

Испугались охотники. Отступили назад. Смерти ждут.

А змей полежал, полежал и снова потихоньку голову от хвоста оттянул: идите, мол. Хитрый.

Тут один охотник говорит:

— Всё равно умирать. Пойду я.

Сказал и перед самой пастью змея пробежал.

Не шевельнулся змей. Лежит как ни в чём не бывало.

За первым охотником второй пробежал, за вторым — третий. Вот все шесть охотников из круга вышли. А змей и глазом не сморгнул, будто не видит их.

Рады охотники. Схватили свои луки и ножи и скорей от змея бежать. О седьмом товарище и не подумали.

А он только шаг шагнул, змей вытянулся и опять дорогу загородил. Повернул голову к охотнику, в упор на него смотрит.

«Что смерти ждать?— подумал охотник.— Будь что будет!»— И хотел было идти.

Да вот ведь какое диво! С места не может сойти охотник. Хочет ногу поднять — а нога к земле приросла. Хочет рукой шевельнуть — а рука не поднимается. Будто держит его змей, будто по рукам по ногам связал.

«Вот уж неудачливый я,— подумал охотник.— Съест меня теперь змей. Некуда от него деваться».

А змей смотрел, смотрел на охотника, а потом на спину свою покосился, потом опять на охотника взглянул, потом опять на спину покосился.

«А ведь это он хочет мне сказать, чтобы я к нему на спину сел,— подумал охотник. — Что ж, сяду. Будь что будет. Всё равно мне от него не уйти».

Подумал так и сел змею на спину.

Тут змей расправился, голову поднял и пополз.

Недолго полз, возле старого дуплистого кедра остановился.

«Э, да я вчера здесь был,— думает охотник. — За куницей по дереву взбирался. Верно, змей в этом дупле живёт. Теперь задушит меня и съест».

А змей не душит охотника, не ест его, а только смотрит — то на охотника, то на дупло, то на охотника, то на дупло.

«Погляжу-ка я, что там в дупле»,— подумал охотник.

Привстал, в дупло заглянул. Видит: блестит что-то на дне. Пошарил рукой, а это нож его охотничий. Здесь он его и обронил, за куницей гоняясь.

«Однако не такой уж я и неудачливый,— думает охотник.— Теперь мне и змей не страшен. Драться с ним могу. Убить могу».

А потом думает: «Зачем мне его убивать? Он мне плохого не сделал. И нож мой помог мне найти. Зачем мне его убивать?»

Повернулся к змею, а тот опять скосил один глаз и будто говорит охотнику: «Садись на спину».

Сел охотник к нему на спину, и опять пополз змей.

Через болота переполз, через реки, через горы и к старому лесу приполз. Видит охотник: сильно поломан этот лес. Деревьев поваленных больше, чем неповаленных.

«Видно, большая буря здесь была»,— подумал охотник.

А змей подполз к одному дереву, что в стороне стояло, выгнул спину горбом и подсадил охотника на верхнюю ветку. Потом отполз подальше, голову поднял и зашипел странным шипом.

Закачался, зашумел лес.

«Ну, сейчас съест меня»,— подумал охотник.

А змей на него даже не смотрит. Куда-то в сторону смотрит и всё громче и громче шипит. Зовёт кого-то.

И вдруг издали в ответ ему тоже раздалось шипенье — другой змей из лесу выполз.

Ползут змеи друг другу навстречу. Ползут и шипят. Всё ближе и ближе сходятся. Вот сошлись.

Подняли головы от земли, вверх потянулись, как голые деревья друг перед другом встали. Друг на друга зашипели и схватились.

Весь день и всю ночь бились змеи.

Леса поломали многое множество. С корнями деревья выворачивают.

Под утро слышит охотник: стал его змей тише шипеть, слабеть стал, к охотнику голову поворачивает, глазами к себе на помощь зовёт.

«Надо помочь ему,— подумал охотник,— ведь он мне зла не сделал».

Подумал так и соскочил с дерева.

Подобрался к чужому змею и острым ножом его ударил. С одного раза надвое перерубил.

«Ну,— думает,— не всегда около меня неудача. Вот и удача ко мне пришла».

Тут змей, которого он спас, подполз к нему, голову приподнял и прямо в глаза охотнику посмотрел.

И сразу будто силы прибавилось охотнику, и глаз у него стал будто зорче, и рука будто твёрже.

А змей свистнул тихонько на прощанье и в глубь леса пополз.

И охотник пошёл домой. Идёт он и сам себе удивляется: на какого зверя ни взглянет — тот у него в руках.

Пришёл охотник в свой чум, а его никто и не ждёт.

— Как же, однако, ты живой от змея убежал?— спрашивают его. — Ведь такой неудачливый, а вот и от змея спасся, и полную сумку зверя набил!

— Это змей мне помог зверя столько набить,— говорит охотник. — Убивать он меня и не думал. Он меня на помощь звал, другого змея побороть. А потом в охоте мне помог.

— Да как же он тебе в охоте помог?

Ничего не ответил охотник.

А как вышли все опять на промысел, увидели, что нет охотника удачливее, чем неудачник. И быстроногому оленю от него не убежать, и быстрокрылой птице от него не улететь, и соболю в норе не укрыться, и белке в дупле не спрятаться. Точно на привязи держит он всех своим взглядом.

Удивляются охотники.

— С ним на охоту выйдешь,— говорят,— так сам с пустыми руками придёшь. Он без промаху бьёт. Не глядя в зверя попадает. И откуда в нём сила такая?

А что удивляться? Змей мудрый был — за добро заплатил добром.

Якутская народная сказка

ПОЧЕМУ У ГОРНОСТАЯ КОНЧИК ХВОСТА ЧЁРНЫЙ

Это было в то далёкое время, когда все нынешние животные жили уже на земле, но не все ещё были такими, как сейчас. Горностай в то время был тёмно-рыжим.

Однажды наступила лютая зима. Все звери знали, что в лесу в тёплом чуме живёт старый охотник. И вот умирающий от голода и холода горностай прибежал к чуму, взобрался наверх, к дымнику, и сел у края — погреться. От тепла его разморило, он задремал. Старик в это время вошёл в чум. Чуткий горностай встрепенулся, сорвался, полетел вниз и плюхнулся прямо в казан с горячей водой. Плюхнулся и закричал страшным голосом. Старик быстро выловил его. Горностай был чуть жив, а шерсть с него вся сошла, был он голеньким, розовым, беспомощным. Старик говорит:

— Живу я в лесу один. Пусть маленький горностай живёт со мной в чуме. Всё мне будет веселее.

Он стал бережно ухаживать за зверьком, и вскоре горностай ожил, поправился, стал быстрым и весёлым. А вместо тёмно-рыжей шерсти выросла на нём шерсть белоснежная, без единого пятнышка! Стал маленький горностай белый-белый, как молоко!

Старик полюбил шустрого зверька. Горностаю жилось легко и привольно, ведь он не охотился, а ел готовую пищу, которую приносил с охоты старик.

На чёрный день, на случай неудачной охоты, старик берёг

небольшой запасец сала. Однажды он открыл туесок[1], где хранил свой запас, и увидел, что сала почти нет, а на маленьком остатке — следы острых зубов горностая. Старик рассердился, старик разгневался, старик вскочил, будто в него вселился злой дух... Что делать? Сейчас же расправиться с вором? Старик подумал и сделал вид, будто ушёл на охоту, а сам спрятался за деревом возле чума. Горностай увидел, что охотника нет, быстро залез в туесок и начал доедать сало. Старик поднял обгорелую головёшку и бесшумно вошел в чум. Но горностай был осторожный из осторожных, чуткий из чутких, он мигом учуял опасность и бросился бежать. Старик взмахнул головёшкой. Но горностай был проворный из проворных, вёрткий из вёртких, он сумел увернуться от удара, и старик задел только самый кончик его хвоста. Горностай убежал.

— А всё-таки я пометил тебя, разбойник!— крикнул старик.

С тех пор кончик хвоста у горностая чёрный.

С тех пор о горностае у нас говорят: зверёк с отметиной.

[1] *Туесок, туес* — берестяная коробка с крышкой.

СКАЗКИ НАРОДОВ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

Украинские народные сказки

ПРО БЕДНОГО ЧЕЛОВЕКА И ВОРОНЬЕГО ЦАРЯ

Жил да был на свете бедный человек. И не было у него ничего, кроме тесной хаты, полоски земли да двух маленьких лохматых волов.

А ещё была у него жена с целой оравой детей, которые весь день пищали, кричали и просили есть.

Пошёл как-то раз бедный человек в поле и взял с собой самого младшего сына.

Стал он землю пахать. Только вспахал две борозды, как вдруг небо над ним потемнело, будто ночь наступила.

Поднял он голову посмотреть, что это за туча небо заслонила, и увидел над собой великанскую птицу. Клюв у птицы как копьё острое, когти как крючья, а крылья такие огромные, что солнце закрыли.

Испугался бедный человек. А птица села на поле и накрыла своими крыльями его самого и сына его, и лохматых волов, и плуг.

Но ещё больше испугался он, когда птица заговорила человечьим голосом:

— Скажи-ка, человек, что мне взять у тебя — сына или волов, а то мои детки очень голодны.

— Бери меня!— сказал бедный человек. — Я уже стар и довольно намучился на этом свете.

— Нет,— отвечает страшная птица,— тебя мне не нужно. Слишком ты много табака искурил. Твоё мясо прокоптилось, и детки мои от него захворают. Давай или сына, или волов.

Задумался бедный человек: что делать? Детей у него куча, если и отдать одного сына, всё равно много останется. А волов только два. Как он без них поле допашет, на чём дров привезёт, чем на хлеб заработает?

А птица торопит:

— Ты долго не раздумывай. Отвечай, кого мне отдаёшь?

Тут стала она землю под собой когтями скрести. Глянул человек на эти когти и пожалел сына. «Будь что будет! Не отдам я своё дитя в эти страшные когти».

— Бери волов,— сказал он печально.

— Твоё счастье, что отдал волов, а не сына. А то я тебя вместе с волами сжила бы со света,— ответила птица. — И знай, за волов я тебе хорошо заплачу. Пришли ко мне во дворец одного из твоих сыновей, я дам ему всё, что он пожелает.

— А где твой дворец?— спрашивает бедный человек.

— Дворец мой за зелёными горными лугами, за густыми дремучими лесами, на серебряной поляне. Пусть только спросит твой сын, где живёт Вороний царь.— С этими словами птица схватила лохматых волов вместе с плугом и улетела.

Печальный вернулся домой бедный человек.

— Куда это твои волы делись?— спрашивает жена.

Рассказал ей человек, что с ним приключилось. Заплакала она:

— Что теперь с нами будет? Как же хлеб уродится, если ты поле не вспахал, зерно не посеял?

— Не плачьте, мама,— сказал старший сын.— Вот я пойду сейчас к Вороньему царю, пусть он заплатит за волов. А не вернусь — лишняя краюшка хлеба останется.

Ещё больше расплакалась бедная женщина:

— Не ходи никуда, сынок! Ещё съест тебя эта страшная птица. А кусок хлеба в доме и для тебя найдётся.

Но сын не стал её слушать.

Испекла ему мать лепёшку, положила в котомку луковицу, попрощалась перед дальней дорогой. И пошёл старший сын искать те луга зелёные да леса дремучие, где на серебряной поляне стоит дворец Вороньего царя.

Прошёл он один горный луг, прошёл другой и очутился в густом лесу. Захотелось ему есть. Уселся старший сын под кустом, достал из котомки лепёшку и луковицу. Только откусил первый кусок, видит — перед ним старая хромая ворона скачет, подпрыгивает на одной ноге.

— Желаю счастья!— говорит ворона.

— И тебе того же!— отвечает старший сын.

Подскочила ворона поближе и просит:

— Не дашь ли мне кусочек лепёшки? Я очень голодна.

— Найди себе сама,— отвечает старший сын.— Я тоже голоден, а идти ещё долго. Ничего не могу тебе дать!

— Куда же ты идёшь?— спрашивает ворона.

— Ищу серебряную поляну, где стоит дворец Вороньего царя.

— Я тоже туда спешу, да только ни крылья, ни ноги мне уже не служат. Возьми меня на плечо, а я тебе за это дорогу укажу.

— Как я тебя понесу, когда сам еле ноги тащу,— ответил старший сын.

Хромая ворона подпрыгнула, взмахнула крыльями, поднялась и полетела.

— Ишь какая хитрая! На моих плечах хотела проехать-

ся!— рассердился старший сын. Положил в котомку остатки лепёшки и отправился дальше искать серебряную поляну и дворец Вороньего царя.

Но ни серебряной поляны, ни дворца он не нашёл. Заблудился в лесу и не смог из него выйти.

А бедный человек с женой ждут-пождут, когда же вернётся сынок, да никак не дождутся. Дни и ночи проходят, а о нём ни слуху ни духу.

Тогда говорит средний сын:

— Испеките мне, мама, лепёшку на дорогу, положите в котомку луковицу, дайте мне палку, пойду искать брата. Может быть, удастся мне найти и серебряную поляну и дворец Вороньего царя, и плату с него получить.

— Не ходи никуда, сынок!— просит мать.— Мы и без его платы как-нибудь проживём. А брат, если ему суждено, и так вернётся.

Не смогла она отговорить среднего сына. Пришлось и его проводить в дорогу.

Идёт средний сын зелёными лугами да густыми лесами. Идёт и видит — вороны летают. И подумал он: «Наверно, где-нибудь здесь дворец Вороньего царя».

А кругом густой лес. Проголодался средний сын, сел под кустом, вынул из котомки лепёшку, луковицу и стал есть. Вдруг перед ним появилась старая хромая ворона. Стала ворона просить, чтоб он кинул ей кусочек лепёшки.

— Твой царь забрал у нас волов, пусть он тебя и кормит!— ответил средний сын.

— Тогда хоть возьми меня на плечо, чтобы я, хромая и голодная, в лесу не пропала.

А сын отвечает:

— Пускай тебя твой царь берёт на свои плечи!

Тут ворона подпрыгнула, взмахнула крыльями и улетела. Средний сын с удивлением поглядел ей вслед, поднялся и пошёл. Но и он не нашёл ни серебряной поляны, ни Вороньего царя. Заблудился в лесу и не смог из него выйти.

Ждут-пождут бедный человек с женой своих сыновей и не могут дождаться. Ни слуху о них, ни духу.

Тогда говорит матери младший сын:

— Соберите, мама, и мне котомку. Может быть, я найду братьев и от Вороньего царя плату привезу.

Заплакала бедная женщина, стала сына отговаривать. Да напрасно. Пришлось и его отпустить в дорогу.

Шёл, шёл младший сын горными лугами да дремучими лесами. Проголодался. Уселся он под тем самым кустом, где сидели когда-то братья, и стал есть.

Не успел проглотить первый кусок хлеба, как явилась хромая ворона. Прыгает на одной ноге, просит:

— Дай и мне кусочек!

Младший сын тут же отрезал добрый кусок и отдал вороне:

— Ешь, бедняга! Мне хватит. Да и скучно есть одному.

— А луку не дашь?— спрашивает ворона.

— Почему бы не дать? С удовольствием дам, если хочешь.

Съела ворона хлеб, съела луковицу. Поблагодарила мальчика и спрашивает:

— Куда же ты это собрался? Знаешь ли ты, что из этого леса ещё ни одна живая душа не выходила?

— Мне нужно попасть на серебряную поляну,— ответил младший сын.— На той поляне стоит серебряный дворец, а во дворце живёт Вороний царь. Наверно, там и мои братья.

— Возьми меня к себе на плечо, а то я не могу ступить на ногу и крылья у меня слабые!— просит ворона.

— Почему же не взять? Я ещё никогда ворон на плечах не носил,— усмехнулся мальчик и посадил ворону на плечо.

Пошли они дальше. Ворона сидит на плече и путь указывает:

— Иди направо! Иди налево! Иди прямо!

Шли они так два дня и две ночи. Прошли один густой лес, прошли другой. Вдруг впереди засветлело, и скоро они очутились на широкой поляне. Что это была за поляна! И трава на ней, и цветы, и даже камни — всё из чистого серебра.

Посреди поляны — высокая скала, тоже серебряная, а на самой вершине скалы — чудесный дворец.

Младший сын остановился как зачарованный. Даже во сне не видал он такой красоты.

Сели они с вороной на краю поляны, съели всё, что осталось в котомке.

И говорит хромая ворона:

— Там, на скале, стоит дворец моего царя. Дорогу к нему ты и сам найдешь. А за то, что был так добр ко мне, я дам тебе совет. Когда мой царь станет тебя спрашивать, какую плату ты хочешь получить за волов, не проси у него ничего, кроме того, что он кладёт себе под голову, когда ложится спать.

С этими словами ворона исчезла.

Взобрался младший сын на скалу. Здесь его встретила стража и привела прямо к серебряному трону, на котором сидел Вороний царь.

— Как ты нашёл сюда дорогу?— спрашивает он.

— Добрые люди указали,— ответил младший сын. Он не хотел выдавать хромую ворону.

— Ну если уж ты смог до меня добраться, я должен сдержать своё слово. Осмотри все мои палаты: что тебе больше всего понравится, то и получишь.

Три дня и три ночи ходил сын бедного человека по царским хоромам, но и десятой части дворца не обошёл. Приходит он к Вороньему царю и говорит:

— Чудесные у тебя, царь, палаты. Многое мне там понравилось. Да что я стану делать с таким богатством? Дай мне лучше то, что кладёшь себе под голову, когда ложишься спать.

— Хочешь, возьми всё, что есть в моих палатах!— предложил Вороний царь.

Но мальчик стоял на своём.

Что было делать Вороньему царю?

Вынул он из-под подушки маленькую мельничку, на каких кофе мелют, и отдал мальчику. А потом закричал сердито:

— Вот тебе то, что ты хочешь, только убирайся с глаз долой, а то как бы я тебя не заклевал!

Положил младший сын мельничку в котомку и пустился бежать из вороньего царства. Остановился он только, когда снова очутился в густом лесу.

Сел он отдохнуть, положил перед собой мельничку и ищет, не осталось ли в котомке хоть кусочка хлеба. Но в котомке было пусто.

«Глупый совет дала мне хромая ворона,— подумал мальчик.— На что мне эта мельничка? Лучше бы я взял золото или хотя бы еды побольше. А то помру с голоду и до дома не доберусь».

Но тут он вспомнил, что Вороний царь готов был отдать за мельничку все свои богатства, и стал с интересом её рассматривать. С виду мельничка как мельничка — совсем простая, с ручкой на боку.

«Вот если бы передо мной явился такой стол, как во дворце у Вороньего царя — с кушаньями да с напитками»,— подумал младший сын и невзначай крутанул ручку мельнички.

В тот же миг перед ним и правда появился стол, богато убранный и уставленный всякими яствами.

— Гляди-ка, что моя мельничка умеет!— удивился и обрадовался мальчик. Но тут же опять загрустил: «Я тут один буду есть да пить, а дома мать и отец и братья с сёстрами голодные сидят».

Покрутил он опять ручку мельнички и говорит:

— Пусть явятся сюда все мои братья и сёстры и отец с матерью!

Только он это сказал, как за столом оказалась вся его семья — мать и отец, сёстры и братья. Они принялись есть и до тех пор не вставали из-за стола, пока всё не съели.

Потом все благополучно вернулись домой и жили хорошо и счастливо. Чего только пожелают — мельничка им всего намелет.

А если не верите — зайдите в их хату и спросите. Захотят — сами всё вам расскажут.

ПРО ЗЛЫДНЕЙ

Жил в каком-то селе мужик, такой бедный, что часто, бывало, и поесть нечего и маленьким его детям, и ему с женой. Работать он не ленился, трудился с раннего утра до позднего вечера, а всё что-то не ладилось. Бьётся он как рыба об лёд, никак из нужды вылезти не может.

«Что за причина? Почему я никак из нужды не вылезу?» — думает бедняк.

А причина этому была такая: поселились у него в хате под печкой злыдни и во всём ему мешали.

За что мужик ни возьмётся — всё злыдни портят, всякие пакости придумывают, всякий вред ему наносят: то пшеницу сгноят, то волов уморят, то в огород чужих свиней впустят.

Как-то раз под праздник раздобыл бедняк кусок сала да краюшку хлеба и стал кормить своих ребят.

А был он музыкант — любил на скрипке играть. И так хорошо играл, что заслушаться можно было! Вот после ужина взял он скрипку и стал играть. Как услышали дети музыку, вскочили все — руки в боки и давай танцевать!

Танцуют дети, а отец смотрит на них, радуется. Глядь — вместе с ними танцуют какие-то человечки: уродливые, маленькие, ручки длинные, шейки тоненькие, мордочки гадкие, злобные. И так их много, что и не сочтёшь.

Догадался бедняк, что это злыдни. Отложил он скрипку в сторону, а злыдни всей гурьбой бросились под печку. Толкались, толкались — спрятались.

Вот бедняк и догадался сразу, как от них избавиться. Как забрались злыдни под печь, он и спрашивает их:

— Может, вам под печью тесно, неудобно сидеть?

А злыдни ему в ответ:

— Нет, не плохо! Хорошо нам! Удобно! Мы всюду можем поместиться!

Достал бедняк свой рожок, понюхал табаку да и говорит:

— А в этот рожок поместитесь?

— Поместимся! — отзываются злыдни.

— А ну посмотрим, как вы поместитесь! — сказал мужик, да и опустил открытый рожок пониже.

— Ну, где вы все?

А голоса уж из рожка слышатся:

— Вот мы все, в твоём рожке!

— А под печкой остался кто?

— Никого нет! Все в рожке! Все!

А мужику только того и надо. Закрыл он покрепче свой рожок, потом пошёл к заброшенной мельнице и засунул рожок под тяжёлый жёрнов:

— Оставайтесь тут навсегда, не нужны вы мне!

Да и вернулся домой. И с того дня сразу стало бедняку

хорошо: что ни задумает — всё ему удаётся, во всём ему удача. Появился у него достаток, перестали его дети голодать. Завёл он волов, свиней. Смотрят на него люди, сами дивятся.

А в том же селе жил другой мужик, богатый — богаче его во всём селе никого не было. И был он такой завистливый, что второго такого и не сыщешь! Очень ему было досадно, если кто другой не нуждался, на поклон к нему не шёл. Проведал он, что бедняк от нужды избавился, ровней ему стал, и так озлобился, что и не расскажешь!

Долго богатый отгадывал да раздумывал, как это разжился мужик-горемыка, но не мог отгадать, не мог додуматься. Пошёл он к бедняку и стал с разными шутками да прибаутками выведывать у него, отчего тот стал в таком достатке жить.

— Да вот работаю рук не покладая, оттого и живу хорошо!

— Ну, а прежде разве меньше работал?

— Не меньше, да злыдни мешали: в избе у меня поселились, все дела портили, во всё лезли. Хорошо, догадался я избавиться от них!

— Как догадался-то? Как же ты избавился-то?

— Да вот заманил их в рожок, закрыл крепко-накрепко и засунул этот рожок со злыднями под жёрнов на заброшенной мельнице.

— Вот оно что!..— говорит богатый.— Ну, прощай, мне домой пора!

Попрощался и ушёл. Да не домой пошёл, а прямо на ту заброшенную мельницу. Пришёл, нашёл жёрнов, под который бедняк свой рожок засунул, приподнял его и достал рожок. Открыл крышку и говорит:

— А ну, злыдни, выходите на волю! Идите к своему хозяину! Он по вас соскучился.

Думал богач, что злыдни так и бросятся назад к бедняку. А злыдни пищат:

— Ну нет! Не пойдём мы к нему! Боимся. Он опять какую-нибудь хитрость придумает. Того и гляди, совсем нас погубит, со свету сживёт!.. Ты нас избавил, ты нас на волю выпустил — к тебе в хату мы и пойдём: ты добрый!

— Э!— закричал богач.— На что вы мне нужны! Не хочу!.. Не возьму вас к себе в хату! Прочь от меня убирайтесь!

Куда там! Все злыдни разом кинулись к богатею-завистнику, обхватили его крепко со всех сторон, уцепились — и не оторвёшь! Скидывал он злыдней, скидывал, да не мог скинуть, не мог освободиться — так и пошёл со злыднями домой.

Вошёл в хату — злыдни соскочили с него и разбежались, спрятались кто куда. Да так спрятались, что и не найдёшь!

И стали злыдни с того дня жить у богатого. И пропало всё его богатство: волы да коровы стали дохнуть, коней украли, пропали овцы и свиньи, хлеб перестал родиться. А потом сгорела у него и хата, и двор сгорел. И стал завистливый богач нищим.

Белорусские народные сказки

ОХ

Жила на свете старенькая старушка, и был у неё один-единственный сын.

В бедности жили они, и пришлось матери отдать своего сына в работники к богатому мужику.

Живёт парень у мужика год, живёт другой, и невмоготу ему стало. Да ведь это не диво — богатый бедного не приласкает.

Приходит парень к матушке и горько так плачется:

— Матушка моя, кормилица, жил я у хозяина один год — ничего, жил другой год — так себе, а третий год — сил нет терпеть, до того плохо.

А мать ему и говорит:

— Не плачь, сынок, найду я тебе место хорошее и работу лёгкую.

И пошла она, а куда идёт — сама не знает. Шла, шла, одну дорогу прошла, другую, третью — и совсем уморилась. Села среди поля на холмике и тяжело так вздохнула:

— Ох, жизнь моя горькая!

А Ох тут как тут.

— Ты что это, старушка, меня зовёшь?

— А ты кто такой?— она спрашивает.

— А я и есть Ох. Говори, что тебе надо,— всё сделаю.

— Мне много не надо,— отвечает старушка,— дал бы ты моему сыну работу лёгкую и место хорошее. Век тебя добром поминать буду.

— Что ж, это можно,— говорит Ох.— Приводи сына, я его к себе возьму.

Пришла старушка домой и говорит:

— Ну, сын мой, идём. Нашла я тебе место хорошее и работу лёгкую.

Вот и пошли они. Шли, шли, наконец дошли до того самого места, где холмик был. Присела на него старушка и говорит:

— Ох, чует моё сердце недоброе.

А Ох уже тут как тут.

— Здравствуй, милая моя старушка! Привела сына?

— Привела. Да ты смотри, его не обижай.

— Что ты, что ты! Я и пальцем его не трону,— говорит Ох.— А надолго ли сына мне отдаёшь?

Старушка и рада бы совсем не отдавать, да поздно. Что сделала, того уж не воротишь.

— Ну, я его на три года беру,— Ох говорит.

И не успела она охнуть — ни сына, ни Оха как не бывало.

Заплакала бедная старушка и побрела к себе домой. Ведь, бывало, одну недельку сына не видит — и то уже хворая делается. А тут — три года!

Вот живёт она одна-одинёшенька в своём домике и год, и два, и три. Наконец настал тот день, когда можно ей идти за сыном.

Собралась старушка и пошла. Весело так идёт!

Прошла одну дорогу, вторую, третью — приходит на то самое место, где простилась с сыном. Села на холмик и говорит:

— Ох! Дождалась я хорошего дня!

А Ох тут как тут.

— Что, старуха, верно, за сыном пришла?

— Да, мой голубчик, твоя правда. За сыном пришла.

— Ну подожди немного,— Ох говорит,— сейчас приведу его к тебе.

И вдруг гонит он к ней двенадцать жеребцов. Жеребцы отборные, рост в рост, хвост в хвост, глаз в глаз и глядят как раз.

— Ну-ка,— говорит,— признавай, который твой сын?

А старушка и говорит:

— Ох, ты мой голубчик! Да разве я тебе такого сына отдавала? Отдавала я тебе молодца, а ты мне даёшь жеребца.

Тут погнал Ох назад всех жеребцов, а ей говорит:

— Коли не узнала своего сына, так и не получишь его. Ступай домой, приходи завтра опять.

Заплакала старушка и пошла домой. Идёт, бедная, и дороги перед собой не видит.

На другой день опять собралась старушка на то самое место.

Прошла одну дорогу, и вторую, и третью, села на тот самый холмик и говорит:

— Ох, горе моё горькое! Не видать мне, верно, моего сыночка!

А Ох тут как тут.

— Здравствуй, бабушка!

— Здравствуй, здравствуй, миленький!

— Что, верно, за сыном пришла?

— За сыном, за сыном, миленький!

— Ну погоди, сейчас я его приведу.

Вот через минуту прилетели двенадцать голубей — клюв в клюв, глаз в глаз, ножка в ножку и воркуют понемножку.

— Гляди, бабушка,— говорит Ох,— узнавай, который твой сын.

А она и говорит:

— Ох, беда ты моя! Зачем мне твои птицы? Я ведь тебе отдавала молодца, а ты мне даёшь голубца.

— Ну, раз не узнала своего сына, так и не получишь его,— говорит Ох и махнул голубям, чтобы назад летели.— А ты,

бабушка, приходи завтра. Ежели в третий раз не признаешь своего сына, останется он у меня на веки вечные.

Было у старухи горе горькое, а теперь ещё горше стало. Идёт она домой и в голос плачет:

— Что же делать мне, как мне сына узнать?

Вот дождалась она завтрашнего дня и опять в путь отправилась.

Прошла одну дорогу, встретился ей старенький старичок.

— Здравствуй, бабушка!— говорит старичок.

— Здравствуй, старичок почтенный!

— Куда идёшь, бабушка?

— А иду я, старичок мой почтенный, сама не знаю куда. Отдала я своего сынка на лёгкий заработок, а теперь ума не приложу, как выручить его. Два раза уж ходила, а без сына вернулась. Первый раз выбежали ко мне жеребцы, второй раз вылетели голубцы, да что мне в них? А сына я так и не видела.

Старичок ей и говорит:

— Да ты и теперь его не увидишь.

— Ах, старичок почтенный,— плачет старушка,— не научишь ли, как его узнать?

— Ладно уж,— отвечает старичок,— научу. Как придёшь на место, выйдут к тебе двенадцать молодцев — волос в волос, голос в голос, глаз в глаз и глядят как раз. Только одиннадцать весело смотреть будут, а двенадцатый в землю потупится, на тебя даже не взглянет. Ты на него и показывай. Это и есть твой сын.

Поблагодарила старушка старичка и пошла дальше.

Пришла на то самое место, где с сыном простилась, села на холмик и залилась горькими слезами.

— Ох,— плачет,— где-то сыночек мой? Увижу ли я его когда-нибудь?

Не успела сказать, а Ох тут как тут.

— Здравствуй, бабушка!

А та слезами заливается, слова молвить не может.

— Что, верно, за сыном пришла?— спрашивает Ох.

Она только головой кивает.

— Ну подожди,— говорит Ох.— Сейчас он к тебе выйдет.

Вот привёл он двенадцать молодцев и говорит:

— Ну, бабушка, выбирай, который твой сын.

Смотрела она, смотрела, а молодцы все на одно лицо — волос в волос, голос в голос, глаз в глаз и глядят как раз. Только одиннадцать молодцев глядят весело, а двенадцатый насупился, нахмурился, в землю уставился.

— А вот он, мой сын,— говорит старушка и на него показывает.

Дивится Ох:

— Да почём же ты знаешь, что это твой сын?

— Как же не знать, голубчик ты мой,— говорит старушка,— ведь кровь-то своя.

— Ну что поделаешь,— говорит Ох,— бери, раз угадала. Твой это сын.

Рада старушка, ну прямо сказать нельзя как!

Пришли они домой.

А в доме хлебной крошки — и то нет. Нечем старушке угостить сына.

— Видно, придётся нам с голоду пропадать,— плачет старушка.

— Погоди, матушка!— говорит сын.— Всё у нас будет, что надобно. Не зря же я три года уму-разуму набирался. Сейчас обернусь я конём, а ты веди меня в город и продавай за хорошую цену. Только, смотри, не забудь уздечку с меня снять. Уздечку никому не отдавай. А то и меня отдашь.

Тут вынул он какое-то зелье, сперва понюхал, потом вокруг себя побрызгал и враз обернулся конём. Да каким конём! Такого ещё на свете не бывало, да никогда и не будет.

Ноги у коня точёные, копыта золочёные, сбруя серебряная, уздечка шёлковая.

Привела его старушка в город на базар, а он копытом как топнет, как заржёт! Весь город всполошился.

Сбежались отовсюду и купцы, и господа, и генералы, и мастеровые — все конём любуются, налюбоваться не могут.

— Что, бабушка, продаёшь лошадь или купила?— спрашивают.

— Да продаю, извольте купить.

Вдруг откуда ни возьмись какой-то бородатый дядька подходит и говорит:

— Продай, бабушка, мне этого коня.

— А купи!

— Что возьмёшь?

— Давай пять тысяч. Только уговор — уздечка чтобы мне осталась.

— Да полно, бабушка,— говорит бородач.— К чему тебе уздечка без коня?

Торговался, торговался и выторговал себе уздечку. Выложил деньги, взял коня под уздцы и повёл.

А старуха домой пошла.

И взяло её по дороге раздумье.

«Что же это я наделала?— сама себе говорит.— Ведь приказывал же мне сын с уздечкой не продавать, а я, дурная, хоть и знала, а уздечку отдала».

Тут и догадалась она:

«Не иначе,— думает,— как этот самый Ох и купил у меня коня, опять сына у меня взял».

И заплакала она горькими слезами.

Вот подходит она к деревне. Видит: возле трактира конь стоит к крыльцу привязанный. И уж так узда на нём подтянута,

что не может он, бедный, на месте стоять. Так и танцует у столба.

А конь увидел старушку и говорит вдруг человеческим голосом:

— Матушка моя милая, подойди ко мне поближе, скинь уздечку, отпусти меня на волю.

Испугалась старушка. Никогда она не слышала, чтобы конь человеческим голосом разговаривал.

— Да ты кто такой?— говорит старушка.— Боюсь я тебя!

А он в ответ:

— Матушка! Ведь я сын твой, ведь это меня ты на базар продавать водила.

Тут признала она его и горько заплакала:

— Виновата я перед тобой, не послушалась твоих слов!..

Потом сняла она с бедняги уздечку и отпустила на волю.

Вдруг выскочил на крыльцо сам Ох. А коня уже и не видать и не слыхать.

Бросился Ох за ним вдогонку. Прикинулся волком, по следу коня идёт. Вот-вот догонит. Да не догнал. Конь охотником обернулся. Схватил охотник дубину и на волка пошёл. Вот-вот изловит. Да не изловил. Волк огнём обернулся, жжёт охотника, со всех сторон окружает, уйти не даёт.

Волк — огнём, а охотник водой прикинулся. Заливает вода огонь, тушит его, к земле прибивает. Да не сбил до конца — огонь щукой обернулся.

Бьёт щука по воде хвостом, хочет разметать, разбрызгать воду. А брызги колючими ершами обернулись, снова в воду упали. Гоняется щука за ершами, а те только смеются: «Как щука ни быстра, а не возьмёшь ерша с хвоста!»

Тут скинулась щука мелким камнем — сколько было у неё чешуек, столько и каменьев стало. Перебили те каменья всех ершей. Всех — да не совсем, один жив остался. А этот один обернулся петухом и давай камешки дробить. Все как есть раздробил. Все — да не совсем, один цел остался. А этот один обернулся ястребом и — на петуха.

Да петух уже не петух — могучий орёл в небе парит.

Как ударил орёл ястреба, тут ему и конец пришёл. На клочки разорвал его орёл, все косточки ему переломал. А потом обернулся парнем и пошёл домой к своей матушке.

И стали они жить-поживать, добра наживать.

Вот и вся сказка, дальше плесть нельзя!

ВИХРЕВЫ ПОДАРКИ

Жили-были дед да баба. Жили они бедно-пребедно, ничего у них не было, была только одна кошёлка ржи. Вот дед и спрашивает как-то бабу:

— Бабка, бабка, что нам делать с этой рожью?

— Иди на мельницу, смели там рожь — хлеба напечём,— говорит баба.

Пошёл дед на мельницу, смолол рожь и понёс муку домой.

Откуда ни возьмись налетел Вихрь и развеял всю дедову муку. Принёс дед домой пустую кошёлку.

— Бабка, бабка, что мы будем делать? Вихрь всю нашу муку развеял!..

— А ты иди, дед, к Вихрю, взыскивай с него!

Пошёл дед искать Вихря.

Шёл-шёл, долго шёл, пришёл в дремучий лес.

Смотрит — стоит хатка. Вошёл дед в хатку. Сидит в той хатке старуха. Спрашивает она:

— Зачем ты, добрый человек, пришёл сюда?

— Да вот Вихря ищу.

— А зачем тебе Вихрь?

— Развеял он мою муку, хочу с него за это взыскать!

— Ну,— говорит старуха,— куда тебе нужно, туда ты и пришёл: это вихрева хатка, а я его мать родная!

Накормила она деда и велела дождаться вихря.

Долго ли, скоро ли — прилетел Вихрь. Спрашивает его мать:

— Зачем ты у этого человека муку развеял? Теперь у него хлеба нет!

Вихрь говорит:

— Не тужи, дед, дам за твою муку хороший подарок!

И даёт ему скатерть.

Дед спрашивает:

— Что это за скатерть? На что она мне?

— А эта скатерть не простая,— говорит Вихрь.— Как скажешь: «Эй, скатёрка, скатёрка, раскатись, развернись, дай попить-поесть, что на свете есть!», она тебе всё и даст.

Пошёл дед домой со скатертью. Отошёл немного и думает: «Дай-ка проверю, не обманул ли меня Вихрь». Да и говорит:

— Эй, скатёрка, скатёрка, раскатись, развернись, дай попить-поесть, что на свете есть!

Скатёрка раскатилась, развернулась — и появились на ней разные кушанья, какие только на свете бывают.

Подивился дед, поел, свернул скатёрку и пошёл домой. И застигла его по дороге ночь. Попросился он в хату ночевать. А жила в этой хате богачка. Разбогатела она обманом да хитростью.

Пустила она старика и стала выспрашивать да выпытывать:

— Откуда, дед, идёшь?

— Да вот ходил к Вихрю за муку взыскивать!

— Что же тебе Вихрь дал?
— А дал он мне скатёрку.
— Какая же это скатёрка?
— Не простая! Как скажешь ей: «Эй, скатёрка, скатёрка, раскатись, развернись, дай попить-поесть, что на свете есть!», она всё и даст.
— Положи, дед, свою скатёрку в сенях: её у нас никто не возьмёт.
Старик послушался и положил скатёрку в сени.
Хозяйка с ним о том о сём разговаривает, а сама подозвала дочку и шепнула:
— Возьми-ка дедову скатёрку, а вместо неё положи нашу!
Дочка так и сделала: свою скатёрку положила, а дедову спрятала.
Наутро дед встал, сунул скатерть за пазуху и отправился домой.
Приходит и говорит:
— Ну, старуха, теперь будем сыты! Садись-ка за стол!
Сели они за стол. Дед вынул из-за пазухи скатерть и приказал:
— Скатёрка, скатёрка, раскатись, развернись, дай попить-поесть, что на свете есть!
А скатёрка и не шевельнулась.
Рассердилась баба и прогнала деда из хаты:
— Иди опять к Вихрю!
Пошёл дед снова в дремучий лес. Шёл-шёл, нашёл Вихреву хатку. Вошёл и стал браниться:
— Бессовестный ты, Вихрь! Обманул ты меня! Ничего твоя скатерть не даёт!
Привёл Вихрь баранчика и говорит:
— Вот тебе, дед, баранчик. Как скажешь: «Баранчик, баранчик, встряхнись, дай злата-серебра», он и даст.
Взял дед баранчика и пошёл домой.
Шёл-шёл и зашёл на ночлег в ту же хату. Пустила его хозяйка и спрашивает:
— Что это у тебя за баранчик?
— А этого баранчика мне Вихрь дал. Как скажу ему: «Баранчик, баранчик, встряхнись, дай злата-серебра», он и даст.
— А ну покажи!
— Дай-ка мне, хозяюшка, рогожку!
Хозяйка принесла рогожку. Дед разостлал рогожку, поставил на неё баранчика и говорит:
— Баранчик, баранчик, встряхнись, дай злата-серебра!
Баранчик встряхнулся, и посыпалось с него злато-серебро.
Хозяйка увидела это и подменила ночью баранчика.
Наутро дед взял хозяйкиного баранчика и пошёл домой. Приходит и говорит старухе:
— Ну, старуха, теперь у нас деньги всегда будут! Принеси-ка рогожку!

Старуха принесла.

Дед поставил баранчика на рогожку и приказал:

— Баранчик, баранчик, встряхнись, дай нам злата-серебра!

А баранчик стоит как стоял.

Прогнала бабка деда из избы:

— Ступай к Вихрю, взыскивай с него за нашу муку!

Пошёл дед опять к Вихревой хатке. Выслушал его Вихрь и дал ему рожок:

— Возьми, дед, этот рожок. Теперь всё твоё добро к тебе вернётся, только скажи: «Из рога всего много!»

Пошёл дед домой и думает: «А ну-ка, испробую я этот рожок!» Да и говорит:

— Из рога всего много!

Выскочили тут из рога молодцы с дубинками и давай бить деда. Хорошо, он догадался крикнуть:

— Все в рог обратно!

Молодцы с дубинками сейчас же в рог скрылись, а дед своей дорогой пошёл.

«Ну,— думает,— спасибо Вихрю! Научил меня уму-разуму. Знаю, что мне теперь делать!»

Дошёл он до хаты, где прежде ночевал, и опять на ночлег просится. Хозяйка поскорее дверь открыла, пустила его и спрашивает:

— Что это у тебя, дед, за рожок такой?

— Этот рожок мне Вихрь подарил. Он что хочешь даст, только вымолви: «Из рога всего много!»

Сказал это дед и вышел из горницы, а рожок на столе оставил. Только он за дверь, а хозяйка схватила рожок и говорит:

— Из рога всего много!

Как только она это сказала, выскочили из рога молодцы и давай её бить дубинками. Били-били, били-били! Закричала она во всю мочь:

— Дед, дед! Помоги!

Пришёл дед в хату, говорит:

— Отдашь мою скатёрку и баранчика?

— Я их не брала!

— А, не брала? Ну так бейте её, молодцы!

— Ой, дед, отдам, только спаси меня!

Тогда дед говорит:

— Все в рог обратно!

Молодцы с дубинками сейчас же в рог скрылись. Отдала хозяйка деду и скатёрку и баранчика. Пошёл дед домой.

Пришёл, принёс своей старухе все Вихревы подарки, и стали они жить да поживать без нужды, без горя!

Узбекские народные сказки

ФАРХАД И ШИРИН

Было не было, но давным-давно, когда звери и птицы умели разговаривать, а розы были заколдованными девушками, жил в далёкой стране бедняк.

Был у бедняка сын Фархад.

Стал бедняк стар, почувствовал он приближение смерти, позвал сына и говорит:

— Нет у нас ни золота, ни серебра, ничего не оставлю тебе в наследство, сын мой, кроме этого кетменя. Будешь трудиться — будешь счастлив. Прощай. Вместе со мной похорони вот этот ларец, не открывай его, а то случится несчастье.

Умер бедняк.

Не выполнил завета отца Фархад — открыл из любопытства ларец. Нашёл он в нём небольшое зеркало.

Заглянул в него Фархад. Видит цветущий луг, а по лугу гуляют красавицы, и среди них одна — прелестная, словно пери[1]. Не мог оторвать от неё взора Фархад и упал без чувств.

Долго пролежал бы Фархад, если бы к нему не зашёл его друг Шапур.

Видит Шапур, что лежит его друг как мёртвый, крепко зажав в руке зеркало.

Взял зеркало Шапур и увидел красавицу с лицом пери, с глазами газели, с волосами, подобными сиянию. Солнце и луна спорили: есть ли такая прекрасная девушка на свете.

Выбежал на улицу Шапур, зачерпнул из арыка прохладной воды и плеснул её на лицо Фархада. Пришёл в себя Фархад, увидел в руках Шапура зеркало и сразу вспомнил о неведомой красавице. И стал Фархад грустнее ночи. Тоскует, ничего не ест.

Долго он предавался грусти или нет, но решили они с Шапуром идти искать прекрасную пери.

Много гор и степей прошли, во многих городах побывали.

И вот однажды они пришли в город Беговат. Кругом высились высокие горы.

Посмотрел Фархад и удивился. Хоть и было лето, деревья стояли жёлтые и листья их осыпались, как глубокой осенью. Поля высохли, и растения поблёкли. У иссохшего канала, изну-

---

[1] *Пери — райская дева*

рённые тяжким трудом, стояли худые люди. Кетменями они долбили скалу.

— Эй, что вы за люди?— крикнул Фархад.— И для чего долбите скалу?

И рассказали люди, что вот уже три года, как они начали пробивать в скале арык, чтобы пустить воду в город и дать жизнь полям и садам, изнемогающим от зноя и горячего ветра гармсиля.

Три года проливают слёзы и пот люди, изнывая от непосильного труда, но несокрушимая, точно железо, скала не поддаётся, и все усилия тщетны.

— Друг мой Шапур,— сказал Фархад,— люди эти умирают от голода и жажды.

И Фархад, засучив рукава, взял в руки отцовский кетмень и ударил в скалу. Много сил было в руках Фархада, но не дрогнула скала, а кетмень разломался на части.

В гневе приказал Фархад принести ему все кирки и кетмени, раздул горн и, переплавив их, выковал вместе с Шапуром один большущий кетмень, который не могли бы поднять и сто человек.

Взял Фархад одной рукой кетмень, взмахнул раз, взмахнул два — получился канал больше того, который копали люди три года. Ещё раз ударил Фархад кетменём, ударил два — и задрожала гора. Скалы рухнули. Обрадовались люди и бросились помогать Фархаду.

Городом Беговат правила в ту пору султанша Гульчехра, и была у неё любимая племянница Ширин.

Посмотрела Ширин с высокой башни и видит — могучий богатырь сокрушает гору. Побежала Ширин к своей Гульчехре и, ластясь так и эдак, упросила поехать посмотреть на богатыря.

— Ведь я дала клятву выйти замуж за того, кто повернёт Сырдарью в Голодную степь,— сказала Ширин.

Так увлёкся Фархад работой, что не заметил, как подъехала султанша Гульчехра с Ширин.

Остановился Фархад утереть пот со лба, глянул на приехавших, а тут ветер открыл покрывало с лица Ширин — и он увидел ту самую пери, которая была в зеркале.

Ахнул только Фархад и упал без чувств на землю.

Удивились все: что с Фархадом? Только верный друг Шапур знал, в чём дело, да не смел сказать.

Пришёл в себя Фархад, смотрит на Ширин, глаз не может оторвать. Застыдилась Ширин, только глянула на Фархада лукаво из-под ресниц, подобных острым стрелам, подняла вдруг коня на дыбы и помчалась прочь.

Споткнулся конь и захромал, подбежал Фархад, подхватил одной рукой коня вместе с Ширин, взвалил себе на плечи и пустился бегом. Добежал до дворца и опустил коня с прекрасной девушкой около ворот.

Ушёл Фархад, ничего не сказав Ширин, и не посмотрел на

неё. Удивилась красавица, и почему-то на сердце у неё стало грустно.

А чем дальше уходил Фархад, тем тяжелей становилось ему: «Разве может полюбить тонкостанная, рождённая в бархате и шелку, меня, простого каменотёса?»

Не вернулся он к арыку, а пошёл на гору, сел на камень, склонив на руки голову.

А в тот самый час султанша Гульчехра готовила пир в честь безвестного строителя. Бросились гонцы искать Фархада. Искали, искали, но так и вернулись к султанше ни с чем. Только последний гонец разыскал его на самой вершине горы.

Привели Фархада во дворец, усадили на почётном месте.

Фархад не знал, что и делать. Так рад он был увидеть Ширин.

Начинался весёлый пир. Звенели дутары. Девушки стройные, как газели, танцевали. Юноши играли в борьбу. Всё было прекрасно: и песни, и яства, и танцы, только не было Ширин. Всё мрачнее и печальнее становился Фархад.

Но вот вышла к гостям Ширин. Сияние озарило лица гостей. Всё веселее звучала музыка, быстрее кружились танцовщицы. Но ни на кого не смотрели Фархад и Ширин. Во время всего пира они ничего не пили, не ели, только глядели друг на друга.

Как вдруг приехали послы из шахства Иран. Молва о красоте Ширин неслась по всему свету и дошла до падишаха той страны — старого плешивого Хосрова. Решил заполучить Хосров юную жемчужину и заслал Гульчехре сватов.

Печаль сменила веселье, замолкли напевы златострунного саза, не слышно было смеха. Знала Гульчехра, что если откажет она Хосрову, будет страшен его гнев, пойдёт он войной на Беговат, разоряя селения и поля на своём пути.

— Эй, женщина,— сказал посол Гульчехре,— мой господин, царь царей Хосров, встал у границ твоего государства с многотысячным войском. Хосров сказал: «Пусть принцесса Ширин будет со мной, а если нет — камня на камне не оставлю от Беговата, а надменная Ширин и ты с верёвками на шее пойдёте за моим конём». Отвечай!

Склонила Гульчехра голову и сказала послам:

— Принцесса Ширин ещё молода, она робка и пуглива, как дикая коза джейран. Ширин любит стрелы, коней и охоту. Ширин не думает о замужестве.

Страшно разгневался Хосров на отказ и с огромным войском двинулся на город султанши Гульчехры.

Чёрной тучей придвинулась к стенам Беговата орда Хосрова.

Забили большие барабаны войны, загудели медные трубы, запылали костры. Побежали горожане на городские стены отбиваться от врага.

— Не место мне здесь, в городе,— сказал себе Фархад,— не подобает мне, мужчине, прятаться от вражеских стрел.

Пошёл Фархад на гору. Выломил своим гигантским кетменём

два утёса, каждый величиной с дом, и давай их подбрасывать и ловить руками.

Удивились вражеские воины, побледнели, затряслись от страха, побежали к Хосрову.

— Великий шах,— сказали они,— там страшный див[1] на горе играет скалами, словно яблоками.

Вышел Хосров из шатра, поглядел из-под ладони, видит — действительно на горе стоит могучий богатырь и швыряет к небу целые утёсы.

— Эгей, человек!— закричал Хосров.— Кто ты такой и что ты делаешь там на горе?

— Я камнеметатель,— отвечает Фархад, а дыхание его даже и не участилось, хоть каждый утёс был весом по сорок пудов.— Уходи, шах Хосров, прочь отсюда со всеми воинами, а не то я начну вот эти игрушки в твой лагерь бросать.

Не испугался Хосров. Приказал сорока отборным воинам в золотых шлемах и с золотыми щитами пойти на гору и привести Фархада живым или мёртвым.

Кинулись сорок воинов на гору. Швырнул в них Фархад скалу, и не осталось от них даже пылинки.

Рассвирепел шах Хосров. Послал ещё сорок отборных воинов, но и их постигла такая же участь.

Хотел Хосров послать тогда на Фархада всё своё многотысячное воинство, но тут склонился к уху шаха хитроумный визирь[2] и проговорил:

— Недостойно великому шаху с могучим войском сражаться с каким-то каменотёсом. Победишь ты Фархада, о шах,— славы тебе не прибавится; победит тебя, да не допустит аллах этого, Фархад — позор ляжет на твою голову.

— Что же ты посоветуешь?— сердясь, спросил Хосров.— Скорее, иначе я позову палача и...

— Зачем же звать палача?— ответил хитроумный визирь.— Где нельзя победить мечом, там можно победить умом. О шах, ты хочешь получить руку красавицы Ширин. Она мечтает о счастье народа и, говорят, дала клятву, что выйдет замуж за того, кто первым проложит через гору канал и пустит воду на изнывающие от засухи земли Голодной степи.

Ещё больше рассердился Хосров на своего визиря:

— Я — великий шах великого государства, а не земледелец, измазанный в глине. Что же, ты хочешь заставить меня взять в руки кетмень и копать землю? Не будет этого.

Хитро улыбнулся визирь и дал Хосрову совет.

Отправил тогда Хосров в Беговат послов. Прибыли они во дворец к Гульчехре.

Не шумели они, не грозили войной. Льстивы и подобострастны были их улыбки. Низко, до самой земли кланялись они.

---

[1] *Див* — великан, наделённый огромной силой.
[2] *Визирь* — придворный советник.

— Наш шах,— сказали они,— хотел только испытать мужество беговатцев. И он передаёт своё уважение и восхищение. Не хочет влюблённый Хосров силой добиваться благосклонности красавицы Ширин. Нет. Слышал Хосров, что прелестная Ширин станет женой того, кто первый повернёт реку Сырдарью в Голодную степь. Так ли это?

Тогда встала Ширин, опустила стыдливо свои прекрасные глаза и сказала одно только слово:

— Да.

Поклонились послы и скромно удалились.

Скоро прибыл во дворец в сопровождении пышной свиты сам шах Хосров.

— О сладчайшая из принцесс, — сказал он,— я берусь выполнить твоё желание. Сегодня же ночью Сырдарья потечёт на сухие земли Голодной степи.

Удивилась Ширин. Больно стало у неё на душе, ибо красота и мужество Фархада глубоко ранили её в самое сердце. Вышла она поспешно со своими прислужницами из зала, где Гульчехра принимала Хосрова, и побежала в свои покои.

Велела Ширин собрать гонцов и приказала бежать им во все стороны, останавливаться у каждой хижины, у каждой юрты, у каждого дома и бить в барабаны, объявляя:

— Люди, кто повернёт сегодня Сырдарью в Голодную степь, тот получит руку принцессы Ширин.

Побежали гонцы во все стороны, разнося эту весть.

Услышал зов глашатаев Фархад, схватил свой кетмень и бросился к каналу. Задрожали, зашатались горы под могучими ударами кетменя, полетели камни, перегораживая течение буйной реки.

Тысячи людей сбежались смотреть на богатыря Фархада, тысячи людей бросились помогать Фархаду в его благородном деле.

А во дворце Гульчехра устроила в честь Хосрова пир. Наступила ночь. В пиршествующий зал проскользнул визирь Хосрова и шепнул что-то на ухо своему повелителю. Тогда поднялся Хосров и, поклонившись Гульчехре, сказал:

— О мудрая Гульчехра, желание твоей племянницы, прелестной Ширин, исполнено. Вода течёт в степь.

Все бросились на крышу дворца.

И Ширин увидела, как вдалеке блестела луна в чистом, прозрачном зеркале воды. О ней так мечтал народ.

Ещё ниже поклонился Хосров:

— О Ширин, выполняй своё обещание.

Почему так больно сжалось сердце Ширин? «Фархад, где ты?»— думала Ширин. В безумной тоске хотела она броситься вниз на камни. Но ведь она дала обещание. Если разобьётся и погибнет, то Хосров будет мстить. От города он не оставит камня на камне, а народ истребит.

Не знала Ширин того, что в степи блестела под лучами луны

не вода, это отражался свет в глянцевых тростниковых циновках, расставленных длинной полосой на земле и в степи по приказу хитроумного визиря.

Начался свадебный пир.

Подобно круглой луне на тёмном небе, блистала неслыханной красотой Ширин среди гостей Хосрова. На губах прекрасной невесты была улыбка, на глазах — слёзы. Сердце красавицы билось и рвалось на волю, туда, куда звала его любовь. «Найти, найти его!»— рыдало сердце.

Вопили карнаи[1], гремели бубны, барабаны. Ломился от яств стол: плов, лагман, кебаб, целиком жаренные бараны, шурпа, вино, орехи, конфеты — всего было в изобилии.

Так стала Ширин женой Хосрова.

Настало утро. Ночной мираж растаял вместе с предрассветной мглой. Ширин и люди увидели, что воды нет.

Бросились люди на обманщика Хосрова, но он только смеялся, окружённый сильными воинами.

Проливала слёзы безутешная, обманутая Ширин.

Всю ночь не покладая рук работал Фархад. Могучим своим кетменём он ломал скалы и бросал в реку, но поток уносил их с собой. Разозлившись, Фархад схватил гору, поднатужился и сдвинул её с места.

Запел Фархад песню о красавице Ширин, о счастье, о любви.

Ещё одно усилие — и река остановит свой бег!

Тогда Фархад спросил:

— Где же Ширин? Пусть придёт взглянуть на труд мой!

Опустив голову, все молчали. Молчал и друг Фархада Шапур. Только ветер уныло прошумел:

— Фархад, Фархад, стала Ширин женой Хосрова. Он обманул её, она не любит его!

Но, потрясённому чёрной вестью, Фархаду послышалось, что ветер говорит: «Любит, любит Хосрова».

Не стал больше Фархад слушать, что говорит ему ветер. Он слышал только, как сердце ему шептало: «Зачем петь тебе, Фархад,— соловей поёт не тебе. Зачем смотреть тебе, Фархад,— глаза прекрасной смотрят не на тебя. Зачем дышать тебе, Фархад,— розы благоухают в другом саду».

В безумном горе бросился Фархад к городу. На стене его стояла Ширин, обливаясь слезами.

Увидел Фархад свою любимую, рванулся к ней, но между ними мчалась бурная Сырдарья. Протянул Фархад к красавице Ширин руки и окаменел от горя.

Рванулась Ширин к Фархаду, проливая потоки слёз, и превратилась в кристально прозрачную речку.

Так и стоит до наших дней близ Беговата на берегу Сырдарьи могучий утёс Фархад, а навстречу ему в глубокой долине струятся тихие слёзы красавицы Ширин.

---

[1] *Карнай, керней* — музыкальный инструмент, похожий на горн.

10—551

МЕДВЕДЬ-БОГАТЫРЬ

Было или не было, в давно прошедшие времена страной Каньон правил один царь. Было у него три дочери, и звали их Мухлиё, Мухаббат и Икбал. Мухлиё исполнилось двадцать два года, Мухаббат — двадцать, и Икбал — восемнадцать. Красотой своей царевны славились во всех семи странах света. Много женихов сваталось к ним. Но царь отказывал бесчисленным сватам, заявляя: «Это мне не ровня. Я выдам дочерей за тех, кто богаче меня, кто славнее меня».

Однажды Мухлиё, Мухаббат и Икбал, гуляя в райских садах и цветниках, с наслаждением слушали пение влюблённого в розу соловья, смотрели на птичек, порхавших с ветки на ветку, на летающих высоко в небе голубей и тихо беседовали о том о сём.

— Смотрите, как хороша природа,— говорила старшая, Мухлиё,— как она нарядно одета. Свободные птицы летают, радуясь всему. Они поднимаются в поднебесье и любуются цветами мира.

Мухаббат ответила Мухлиё:

— Давайте, сестрицы, втроём уйдём отсюда. Давайте откажемся от этой роскоши и отцовского трона. Давайте оставим царский дворец, чтобы не раскаиваться потом, что мы жили как попугаи в золотой клетке.

Икбал поддержала сестёр:

— Сестрички, давайте проснёмся ночью, наденем мужскую одежду, сядем на коней и убежим.

Три сестры-царевны, словно попугаи, запертые в золотую клетку, не видели света, не знали людей, потеряли надежду иметь любимых и давно уже думали: «Лучше бежать, нежели жить такой жизнью». Сегодня наступил час решений.

В полночь Мухлиё, Мухаббат и Икбал вышли тайком через сад и тихо-тихо прокрались в царские конюшни. Все конюхи и сторожа спали мёртвым сном. Три сестры надели на себя одежду джигитов, прицепили сбоку сабли, взяли с собой шлемы, панцири, кольчуги, на головы низко надели меховые шапки, подобрав под них свои длинные до колен косы, заправили брюки в сапоги, лихо вскочили на горячих коней и пустились в дальний путь.

Никто во дворце, ни одна душа не видела даже, как уехали девушки.

На заре, до восхода солнца, девушки проделали порядочный путь и попали в незнакомую местность. Но они, не останавливаясь и понукая коней, всё продолжали ехать. Пусть они едут, а вы послушайте про другое.

Утром царь проснулся и, прогуливаясь по своим райским садам, заглянул на половину дочерей. Видит — они исчезли. В ужасном гневе велел он казнить сорок человек из дворцовой стражи, но и это не помогло. Дочери его словно сквозь землю

провалились. Послал царь письма всем бекам и ханам страны со строжайшим повелением и торжественно обещал: «Того, кто найдёт царевен, засыплю вровень с головой золотыми червонцами и дам полцарства».

Теперь послушайте два слова о девушках.

Три сестры ехали и ехали, много проехали, переправлялись через реки, проезжали степи и пустыни, добрались до высокой горы.

У подножия её дорога разветвлялась в три стороны. На камне, установленном посредине, имелась надпись: «Пойдёшь направо — не вернёшься, пойдёшь прямо — навряд ли дойдёшь, пойдёшь налево — вернёшься».

Прочли девушки надпись на камне и стали советоваться. Младшая, Икбал, сказала первая:

— Поеду-ка я в сторону «Поедешь — не вернёшься». Улыбнётся нам счастье — обязательно встретимся. Но каждая из нас вольна поступить по своему желанию и выйти замуж за первого, кого встретит и полюбит.

Средняя, Мухаббат, согласилась:

— Правильно говорит Икбал, я поеду по дороге «Вряд ли дойдёшь».

Старшая, Мухлиё, сказала:

— Поезжайте, сестрицы, своей дорогой, а я поеду по левой дороге —«Пойдёшь и вернёшься».

Так сёстры и порешили. В последний раз переночевали они вместе в горной пещере и на заре, сердечно попрощавшись, пустились в путь. Старшая, Мухлиё, поехала по дороге «Пойдёшь и вернёшься», средняя, Мухаббат,— по дороге «Навряд ли дойдёшь», а младшая, Икбал,— по дороге «Пойдёшь — не вернёшься».

Икбал ехала дорогой, много ехала, проехала степи и пустыни, немало перенесла горя и лишений, и наконец однажды, когда уже стемнело, она подъехала к лесу, что рос на склоне высокой горы. Нашла Икбал местечко, легла и заснула. Едва рассвело, Икбал проснулась и, оглянувшись по сторонам, увидела высокие горы, густые леса и глубокие озёра. Больше ничего не увидела, даже дорогу, по которой ехала, она не запомнила.

Вдруг заметила она, что какое-то живое существо, пошатываясь и покачиваясь, шло в её сторону. Тут она вспомнила уговор с сёстрами и сказала себе: «Что бы и кто бы ни был, ты первый, кого я встретила, поэтому ты мой, а я твоя».

Только она так сказала, смотрит — а это медведь.

Икбал поклонилась ему и попросилась к нему жить. Медведь повёл Икбал к себе в пещеру, и осталась она у него.

Медведь по ночам выходил на охоту, воровал в соседних кишлаках коров, баранов и всякие вещи и тем промышлял много лет. Он набил драгоценностями пещеру. Когда Икбал узнала, что медведь занимается разбоем и за счёт дехканских

слёз скопил свои богатства, она очень огорчилась, но не посмела ему ничего сказать.

Так шли дни, недели, месяцы, годы. Наступило время и час — и Икбал родила сына. Родившийся ребёнок был получеловеком, полумедведем. Голову и руки он имел человечьи, а ноги и туловище медвежьи.

Быстро рос ребёнок. Медведь-отец каждый вечер запирал снаружи пещеру, привалив к входу жёрнов, уходил. Чтобы сыночку не было скучно, Икбал стала учить его швырять камни, рубить саблей, ездить верхом, бороться.

Сыну Икбал исполнилось четырнадцать лет, когда он спросил мать:

— Есть ли у меня отец?

Икбал ответила:

— Отец у тебя есть. Только он не человек. Ночью он грабит селения, а днём спит в лесу.

Сын рассердился и хотел пойти искать отца, но мать сказала:

— Куда ты пойдёшь? Вход в пещеру закрыт жёрновом. Тебе его с места не сдвинуть.

Но сын подскочил к жёрнову и одним рывком отбросил его на сто шагов.

Вернувшийся из лесу медведь пришёл в ярость и набросился на мальчика. Начали они бороться: мальчик победил медведя в жестокой борьбе, ударил его камнем и убил на месте.

Потом он пошёл искать отца, долго искал его. Долго бродил по лесу. К вечеру он вернулся в пещеру и рассказал Икбал, как на него набросился медведь, как он с ним вступил в борьбу и убил его. Печально объяснила Икбал сыну, что медведь этот и был его отец, и рассказала всю свою жизнь:

— Сын мой, я дочь царя страны Каньон. Я имела двух сестёр — Мухлиё и Мухаббат. Наш отец был деспот и не давал нам воли. Надели мы одежду джигитов, прицепили сабли, сели на лихих коней и покинули дворец. Вскоре я рассталась с сёстрами и поехала по дороге «Пойдёшь — не вернёшься» и попала сюда в пещеру. Твой отец — медведь. Всякого, кто появлялся около пещеры, он убивал. Человек бесследно исчезал, и поэтому эти места называют «Пойдёшь — не вернёшься». Мои сёстры Мухлиё и Мухаббат поехали по дорогам «Пойдёшь и вернёшься» и «Вряд ли вернёшься». С тех пор я их не видела.

Икбал с сыном оставили пещеру и отправились в страну Каньон. Приехав в город, мать и сын остановились в караван-сарае[1] для чужестранцев и рассказали там хозяину, что приехали в гости к царю Каньона. Рассказ этот услышал один пахарь, привязывавший во дворе быков. Он вспомнил, как пропали несколько лет тому назад три дочери царя, и тот обещал

---

[1] *Караван-сарай* — гостиный двор.

в награду засыпать разыскавшего их золотом и отдать ему половину своего царства. Пахарь пошёл во дворец к царю и рассказал всё, что видел. Но царь подумал, что пахарь его обманывает ради награды, и приказал бросить его в зиндан[1]. Тогда визирь встал и поклонился.

— Зачем этому бедняку лгать,— сказал он и пошёл в караван-сарай чужестранцев. Там он узнал, что действительно Икбал с сыном приехала в страну своего отца. Царь на радостях объявил всенародный праздник. С большими почестями привезли царевну во дворец. Вся царская родня, ханы, беки, эмиры, наместники устраивали пиры в честь Икбал, а сыну её дали имя Аикпалван — Медведь-богатырь.

Пусть они пируют и празднуют, а вы послушайте про царя. Был он жаден и скуп. Стало ему жалко давать обещанную награду, и он решил: «Пахарь сказал первый об Икбал, награду следует дать ему, но если я выпущу его из зиндана — это для него дороже всякого золота. Поэтому в награду я его выпущу из подземелья».

Велел царь привести к себе пахаря и сказал ему:

— Впредь не лги в надежде получить награду. Хотел я тебя казнить, но мне жалко тебя. Помолись за меня аллаху. Я освобождаю тебя из подземелья.

Радуясь, что избавился от гибели, пахарь пал ниц, поцеловав царю туфлю, и побежал домой, забыв о золоте и половине царства. А царь, довольный, что из трёх дочерей нашлась хоть одна, возблагодарил за это аллаха и занялся воспитанием Аикпалвана.

Юноша день ото дня рос, хорошел, наливался силой. Часто он выходил из дворца на улицу поиграть со сверстниками. Однажды он увидел, как его товарищи играют в бабки, и попросил мать сделать ему альчики. Тогда ему сделали четыре альчика из чугуна, каждый весом в десять пудов.

Начал Аикпалван играть с друзьями и многих посбивал с ног и поранил. Отцы и матери ребят пожаловались царю.

Царь созвал визирей на совет и объявил:

— Придется Аикпалвана казнить.

Один из визирей стал возражать:

— Эй, царь царей, никто никогда ещё не убивал плоть от своей плоти. Разнесётся слух, что царь Каньона казнил из-за пустяка своего внука,— нехорошо получится. Лучше не проливать кровь парня, а выслать туда, откуда не возвращаются. Там, в тех местах, бесследно пропадают.

Другой визирь встал, поклонился царю и сказал:

— Лучше сделать так: пусть Икбал притворится больной и скажет, что для её исцеления необходимы корешки и листья дерева жизни, которое растёт в стране дивов. Аикпалван отправится искать корень дерева жизни и больше не вернётся. А тог-

---

[1] Зиндан — подземная темница.

да отцы-матери ребят перестанут лить слёзы и вопить о спасении, а царь не услышит больше жалоб.

Пришёлся этот совет царю по сердцу, и он приказал так и сделать. Однажды приходит Аикпалван с улицы и видит — мать лежит в постели. Он спросил её, чем она больна и нельзя ли помочь ей.

Икбал ответила, как приказал царь:

— Мне бы выпить отвара из корней и листьев дерева жизни, что растёт в стране дивов, и тогда я наверняка поправлюсь.

С этого дня Аикпалван начал собираться в путь, чтобы достать корешков и листьев дерева жизни. Он облачился в стальную кольчугу, надел на голову блестящий шлем, а на ноги чугунные сапоги весом в триста пудов, взял в руки щит и лук и отправился в страну дивов.

Повсюду, по всем странам, разнёсся слух, что внук царя страны Каньон идёт походом на страну дивов. Услышав об этом, много богатырей приготовились сразиться с Аикпалваном и искали с ним встречи.

Аикпалван шёл дорогой, шёл полем, много прошёл и вышел наконец в пустыню.

Встретился ему богатырь, который играл двумя жерновами, подкидывая их легко, точно яблоки. Спросил Аикпалван богатыря, зачем он играет жерновами.

Тот ответил:

— Слыхал я, что в стране Каньон объявился богатырь Аикпалван. Говорят, он очень сильный богатырь. Хочу с ним побороться и вот проверяю свою силу. Как бы ни был он силён, сила его не потянет и одного жёрнова.

Усмехнулся Аикпалван:

— Эй, богатырь, иду я из этой самой страны Каньон, я там живу по соседству с Аикпалваном, приходилось мне с ним бороться. То он меня, то я его побеждал. Могу и с тобой побороться. Если ты меня одолеешь, это всё равно что его поборешь.

Вышли они на открытое место и начали бороться.

Аикпалван схватил богатыря, поднял на воздух, ударил о землю — и тот по колени вошёл в неё.

Засмеялся Аикпалван и сказал:

— Тот Аикпалван, о котором ты говоришь,— я сам!

Богатырь, игравший жерновами, пришёл в восторг от Аикпалвана.

Побратались богатыри и пустились дальше в путь вдвоём. Шли они дорогой, шли полем, прошли много и пришли в горное ущелье. Смотрят — какой-то человек встал у них на пути и забавляется: берёт рукой одну гору, переставляет на место другой, а другую ставит на место первой.

Спросил его Аикпалван, для чего он это делает. Тот ответил:

— Слышал я, что в стране Каньон объявился силач —

богатырь Аикпалван. Вот и проверяю силу, чтобы побороться с ним.

Усмехнулся Аикпалван, расправил свои плечи и сказал:

— Тогда борись со мной. Приходилось мне бороться с этим самым Аикпалваном, да и не раз. То он меня одолеет, то я его. Если меня поборешь, значит, поборешь и его.

Стали они бороться. Аикпалван поднял на воздух богатыря, ударил о землю — и тот вошёл в неё по грудь.

Тут Аикпалван открылся ему.

Побратались богатыри, подружились и отправились дальше. Вечером, когда стемнело, дошли они до самого кишлака. Постучались они в первую калитку и попросились на ночлег. Вышел к ним старик и сказал:

— Дети мои, всей душой рад бы пустить вас к себе в дом, но в наших местах днём дивы, а ночью воры не дают никому покоя. Потому днём, работая в поле, мы боимся сказать хоть слово, а как только стемнеет, все мы спешим запереться в домах. Теперь вы всё знаете. Если не боитесь, заходите, переночуйте.

Аикпалван и друзья его богатыри сказали:

— Мы не боимся.

Остановились они у старика на ночлег.

Богатыри три дня жили у старика. Днём все вместе ходили на охоту.

На четвёртый день старик спросил у богатырей:

— Откуда вы идёте и какая у вас цель?

Ответил за всех Аикпалван:

— Идём мы в страну дивов, достать корешков и листьев дерева жизни.

Помрачнел старик и сказал:

— Дорога, куда вы идёте,— трудная и опасная. Да и попасть туда можно только верхом на диве. Даже если сумеете оседлать дивов, надо обязательно запасти на дорогу пищи на сорок дней. Наши места разоряют те самые дивы, к которым вы идёте.

Вдруг раздался слух, что дивы и воры грабят соседние кишлаки.

Утром богатыри все втроём вышли на охоту. Очень они проголодались и устали, когда наконец добрались до большой чинары. В тени её листвы в прохладном месте сложены были из глины и камней удобные возвышения, сделаны очаги. Тут же лежали вверх дном чугунные котлы. Друзья оставили добытую на охоте дичь богатырю, игравшему жерновами, велели ему сварить похлёбку, а сами ушли в горы ещё поохотиться. Только похлёбка сварилась, вдруг в дупле чинары что-то пискнуло, и оттуда вылез карлик ростом с четверть, с бородой в сорок четвертей. Подошёл он к богатырю, одной рукой схватил его за шею, другой опутал волосами бороды ему руки и ноги, съел всю похлёбку, обглодал все косточки и ушёл.

Когда Аикпалван и богатырь, переставляющий горы, вернулись с охоты, смотрят — в котле похлёбки и капли не оста-

лось, а богатырь, играющий жерновами, лежит связанный. Рассказал он товарищам, как всё произошло.

На следующий день Аикпалван оставил варить похлёбку богатыря, переставляющего горы, а сам с богатырём, игравшим жерновами, пошёл на охоту.

Только похлёбка сварилась, как вдруг опять вылез из дупла бородатый карлик, связал богатырю, словно слабому ребёнку, ноги, съел всё, что было в котле, и ушёл.

На третий день наступила очередь Аикпалвана готовить обед. Видит он — из дупла с писком вылезает карлик ростом в четверть, с бородой в сорок четвертей и идёт прямо к нему.

— Ну, джигит,— сказал карлик,— похлёбка готова?

Не растерялся Аикпалван и ответил:

— Да, готова! Пожалуйте к дастархану!

Сказал так и налил похлёбку в миску. Карлик давай уплетать похлёбку, но тут Аикпалван заметил, что он исподтишка выдёргивает волосы из бороды, хочет связать ему руки-ноги. Рассердился Аикпалван и дал карлику оплеуху. Тот перевернулся раз-другой и помер.

А тем временем богатыри возвращались с охоты и вели такой разговор:

— Аикпалван, наверное, лежит связанный, беспомощный. Давай убьём его и освободимся от его силы.

Но когда они подошли к чинаре, то увидели, что похлёбка готова, Аикпалван сидит и посмеивается, а бородатый карлик лежит в стороне убитый.

Наутро богатыри втроём ушли на охоту. В горах они обнаружили глубокую яму, со дна которой раздавалось звонкое петушиное пение. Решили они узнать, в чём дело.

Сплели богатыри из коры и трав длинную верёвку и сначала опустили в яму богатыря, игравшего жерновами. Но, спустившись до половины, он испугался и поднял крик, потребовав, чтобы вытащили его наверх. Вторым полез богатырь, переставлявший горы, но и он испугался и тоже начал кричать. Пришлось вытащить его обратно. Когда пришла очередь Аикпалвана, он сказал:

— Сколько бы я ни кричал, пока я не спущусь на самое дно, меня обратно не вытаскивайте.

Когда Аикпалван достиг дна ямы, он увидел, что попал в подземную страну, залитую солнечным светом. Пошёл он бродить по ней и наконец пришёл к богатому замку, в котором, облокотившись на сундук, сидела красавица из красавиц и горько плакала.

Увидел её Аикпалван и сразу же влюбился. Но скрыл он свои чувства и вежливо спросил красавицу, почему она здесь сидит одна.

Девушка заплакала ещё горше и сказала, что она дочь царя и что её похитил див и принёс сюда, в страну дивов.

Поклонившись красавице, Аикпалван сказал:

— Позволь мне вывести тебя отсюда и спасти от когтей дива.

Девушка печально покачала головой и вздохнула:

— Увы, разве отсюда человек может убежать?

Но Аикпалван и слушать не стал никаких возражений, положил девушку в сундук, отнёс его к выходу и дал знак своим товарищам. Богатыри вытянули сундук и спустили верёвку. Когда Аикпалван начал подниматься по ней, они её перерезали и он упал на дно ямы. Долго он лежал без чувств, а когда очнулся, пошёл бродить по подземной стране. Он видел много разных чудес, но не встретил ни одной живой души.

Однажды, когда он сидел на камне, предаваясь печали, к нему подошёл вдруг старик и окликнул его:

— Эй, джигит, о чём ты печалишься?

Рассказал Аикпалван тогда старику всю свою жизнь и что с ним сделали друзья-богатыри. Старику стало его жалко, и он сказал:

— Если останешься здесь ещё хоть сорок дней, тебя съедят дивы. Сейчас дивы спят и проснутся как раз через сорок дней. Поспеши подняться вон на ту высокую гору и увидишь там высокую чинару. На верхушке её гнездо птицы Семург. Вот уже несколько лет она выводит ежегодно по два птенца, но их съедает дракон. Через двадцать один день как раз дракон явится. Если ты убьёшь его и избавишь от гибели птенцов, быть может, Семург в благодарность покажет тебе, где растёт дерево жизни.

Сказал старик и исчез.

Аикпалван поднялся на гору, нашёл чинару, и когда дракон обвился вокруг дерева, он выпустил в него стрелу из лука и убил его на месте. Птенцы с радостью рассказали матери, когда она вернулась, какое добро сделал им Аикпалван.

Птица Семург сказала:

— Всё, что хочешь, теперь сделаю для тебя.

Тогда Аикпалван попросил:

— Выведи меня из страны дивов и покажи дерево жизни.

Птица Семург посадила Аикпалвана между крыльев и полетела. Долго они летели и наконец опустились на гору. Здесь птица Семург сказала:

— Теперь открой глаза. Мы вышли на поверхность земли. Иди по этой дороге в сторону восхода солнца, и ты увидишь дерево, верхушка которого упирается в небеса. У подножия его ты увидишь людей, которые пашут землю, спроси их — и ты достигнешь цели. Мне больше нечего тебе сказать.

Распрощавшись с птицей, Аикпалван пошёл и скоро действительно увидел пахарей. Он поклонился им и сказал:

— Не уставайте!

Один из пахарей зашикал на него:

— Тсс! Дитя моё, говори тише, здесь очень опасное место. Достаточно одного громко произнесённого слова — и дивы сейчас же явятся и нас всех съедят.

Аикпалван взмолился:

— Отец, я голоден, найди мне что-нибудь поесть, а я попашу за тебя.

Дехканин пошёл за едой, а Аикпалван стал погонять волов:

— Хуш, хуш!

В то же мгновение появились два дива и накинулись на Аикпалвана. Но он изловчился, схватил дивов за уши, впряг их в плуг вместо быков и погнал. Вспахав быстро поле, Аикпалван принялся запахивать пустые земли, склоны холмов и гор.

Дехканин, вернувшись, поразился и обрадовался. Аикпалван продел в ноги дивов кольца, посадил их на цепь, а сам принялся за скромное угощение. Поев, он сказал:

— Теперь свободно пашите и сейте!

Старик от радости не знал, чем угодить богатырю.

Тогда Аикпалван попросил:

— Отец, покажите мне дерево жизни, я возьму корешков его и листьев, поскорее отнесу в страну Каньон и вылечу свою любимую мать.

Дехканин на то сказал:

— Сын мой, это высокое дерево и есть дерево жизни. Под ним всегда отдыхают дивы, поэтому никто не мог пользоваться ни его листьями, ни корешками. Теперь же ты дивов посадил на цепь и вызволил нас из бездны печали и страха. Но знай: дерево это тяжёлое. Унесёшь ли ты его?

Но Аикпалван не стал долго раздумывать. Выдернул он дерево с корнем, как былинку, положил на спину дивам, сверху сел сам и поехал домой.

Проехав некоторое время, он вдруг увидел двух дерущихся людей. Смотрит — а это два богатыря, которые вероломно бросили его в яму. Оказалось, что они, вытянув наверх золотой сундук, вот уже несколько дней из-за него спорят и сражаются не на жизнь, а на смерть. Аикпалван сбросил в яму обоих богатырей, поставил сундук поверх дерева жизни и погнал дивов так, что они помчались быстрее ветра. Проехав много дней и много ночей, Аикпалван прибыл в страну Каньон.

Дерево не помещалось в узких улицах города, и по пути Аикпалван разрушил и смёл с лица земли дома беков, ханов и визирей.

Прежде всего он зашёл в покои матери и поклонился ей, сказав, что привёз дерево жизни. Но тут вдруг в комнату ворвались визири с обнажёнными мечами. Аикпалван не испугался и, хотя много их было, вступил с ними в единоборство. Он сразил всех визирей, а за ними беков, ханов и всё царское войско во главе с самим жестоким царём. Всё богатство царской казны он раздал народу.

По просьбе матери, Аикпалван нашёл своих тёток Мухлиё и Мухаббат. Он привёз их в свою страну и выдал замуж за дехканских сыновей.

Аикпалван на пленных дивах вспахал пустовавшие в степи земли, перевёз туда всё имущество, женился на принцессе, которую привёз в золотом сундуке, и зажил счастливо и спокойно. Народ страны Каньон очень полюбил Аикпалвана.

Казахские народные сказки

ЕР ТОСТИК

Жил в далёкие годы человек по имени Ерназар. Был он богат. Четырьмя видами скота владел он. В кошарах теснились овцы и козы. Верблюды паслись в степи. На выпасах бродили тучные косяки лошадей. И было у Ерназара восемь сыновей.

Но вот случился в степи большой джут[1]. Погнали люди скот в благополучный край, где не было голода. Вместе с ними откочевали и восемь сыновей Ерназара. А сам Ерназар со своей старухой остался дома. Пищей он запасся на всю зиму, надеялся пережить голодное время на родной земле.

Шли месяцы, прошёл год, но сыновья не возвращались и никаких известий о себе не присылали. Кончился запас пищи у Ерназара. Стали голодать старик со старухой. Сильно ослабели они. Едва держались на ногах.

Встала однажды старуха, отодвинула тундик[2]. Ерназар лежал на постели не в силах подняться, открыл глаза и увидел: висит на перекладинах свода юрты вяленый лошадиный тостик[3]. Обрадовался старик, говорит:

— Сюинши[4], старуха! Ох и жирный тостик висит, свари-ка его поскорей!

Сварила старуха тостик. Съели его, насытились, окрепли. Вскоре старуха отяжелела и в положенное время родила мальчика. Назвали его Тостиком.

Не по дням, а по часам рос малыш. Прошёл один месяц, а все его принимают за годовалого. Прошёл год, а Тостику уже дают пятнадцать лет. Такой он был рослый и здоровый — настоящий богатырь. Никто не мог побороть его. И никто не умел так метко стрелять из лука, как стрелял Тостик,— он мог пустить стрелу сквозь отверстия девяти камней, поставленных в ряд.

Пойдёт Тостик на охоту, настреляет диких коз и птиц, принесёт домой много мяса. Сытно стали жить его родители.

---

[1] Джут — падёж скота, вызванный гололедицей.
[2] Тундик — кошма, закрывающая дымоход в куполе юрты.
[3] Тостик — грудинка.
[4] Сюинши — подарок за радостную весть.

Увидел однажды Тостик чижика. Поднял он лук и отшиб птичке крыло. Запрыгал чижик с одним крылом по траве. Бежит Тостик за ним вдогонку. Заскочила птичка в юрту. Тостик — за ней. Видит: сидит старуха и прядёт. Чижик перескочил через пряжу, а Тостик задел и оборвал нитку.

— Ах ты бездельник!— закричала сердито старуха.— Порвал мне пряжу! Чем болтаться попусту, лучше разыскал бы своих непутёвых братьев, бросивших отца.

Ничего не ответил Тостик старухе. Не знал он о том, что у него есть братья. Никогда ему не говорили о них родители.

Вернулся Тостик домой. Бросил убитую дичь у порога. Заметила мать, что сын чем-то озабочен, и спрашивает:

— Что с тобой, сынок? С кем ты поссорился?

Рассказал Тостик о встрече со старухой.

— Разве правда, что у меня есть братья?

— Врёт пустоголовая старуха!— говорит мать.— Нет у тебя никаких братьев.

Поверил сын её словам и успокоился.

Прошло несколько дней. Играл Тостик в асыки с мальчиками и нечаянно ударил сына старухи так, что мальчик упал без чувств. Пуще прежнего обозлилась старуха. Стала проклинать Тостика:

— Чтоб ты сдох недоростком! Пошёл бы лучше да поискал кости пропавших братьев, чем обижать моего единственного сына!

Ещё сильнее призадумался Тостик. Опять спрашивает свою мать о братьях. Не отвечает она.

Попросил тогда Тостик у матери поесть. Отсыпала она пшеницы и велела поджарить. Поджарил сын и говорит:

— Попробуй, мама, готова ли пища?

Взяла мать горсть горячей пшеницы. Тостик схватил её руку и сжал изо всей силы. Взмолилась тут мать:

— Отпусти, сынок!

Тостик не отпускает.

— Расскажи всю правду о братьях, тогда отпущу.

— Хорошо, расскажу.

Освободил Тостик руку матери. Она и говорит:

— Было у тебя восемь братьев. В год последнего джута откочевали они со скотом в благополучный край и не вернулись. Живы ли сейчас и где находятся, мы с отцом не знаем.

Решил Тостик отправиться на розыски братьев. Заготовил он большой запас дичи и мяса для родителей и стал собираться в дальний путь. Подвесил к поясу лук, взял железный посох, а ноги обул в железные сапоги.

Идёт Тостик месяц, идёт год, второй. Железные подошвы сапог стали тоньше монеты, а железный посох — тоньше иглы. Побывал он во многих странах. Прошёл много гор, степей

и пустынь. Но так и не нашёл пропавших братьев.

Заметил он как-то высокий зелёный холм. С трудом поднялся на него. Открылась перед ним цветущая долина. Увидел он многочисленные табуны лошадей, а за табунами — громадный аул.

Направился Тостик к нему. На пути попалась ему одинокая юрта. Вошёл он передохнуть и видит: стоит на очаге большой котёл с варёным мясом. Наелся Тостик досыта и быстро дошёл до аула.

Много здесь было народу. Собрались люди на поминки. «Попробую-ка я поискать среди них своих братьев»,— решил Тостик. Стал он обходить юрты, поставленные для гостей. Никто не обращает внимания на исхудавшего странника в рваной одежде.

Вдруг слышит крик:

— Подавать восьми ерназаровским! Подавать восьми ерназаровским!

С этими словами внесли подавальщики в большую белую юрту блюда с кушаньями.

Насторожился Тостик. Захотел посмотреть на восемь ерназаровских. Устремился он за подавальщиками.

— Куда ты лезешь, оборванец?— закричали они на него.

Не выдержал Тостик такого обращения, толкнул ближнего подавальщика и сбил его с ног.

Все удивились его необыкновенной силе. Спрашивают Тостика:

— Что ты за человек? Кого тебе надо?

Отвечает Тостик:

— Я сын Ерназара и разыскиваю своих восьмерых братьев. Мне надо увидеть «восемь ерназаровских».

Тут выходят братья Тостика и приглашают его в юрту.

Рассказал он им об отце и матери. Обрадовались братья, обняли Тостика и поведали ему о своих несчастьях. На пути в благополучный край отстали они от своих спутников, заблудились и потеряли весь скот. От огромного табуна уцелела одна-единственная рыжая кобыла.

— Табуны лошадей, которые встретились тебе по дороге,— приплод этой кобылы. Теперь мы снова богаты и можем вернуться к отцу.

Погнали девять сыновей Ерназара табуны на родину. Но лошади никак не хотят уходить с привычного места. Убегают и возвращаются назад.

Тогда поймал Тостик рыжую кобылу. Привёл её на холм. Спутал ей ноги и повалил на землю. Жалобно заржала рыжая кобыла. Стали на её ржание сбегаться лошади. Когда собрались все, развязал Тостик кобыле ноги, поднял её и повёл за собой. Весь табун последовал послушно за ним. Так девять братьев благополучно пригнали лошадей на родину к отцу.

Обрадовался Ерназар, увидел сыновей живыми и здоровыми. Устроил он богатый той[1]. Гости выпили целое озеро кумыса и съели гору мяса. Все были довольны угощением.

Решил Ерназар женить всех сыновей, а невест им взять от одной матери. Поехали его сваты по аулам. Никак не могут найти мать, имеющую девять дочерей-невест. Рассердился Ерназар и сам отправился на поиски. Долго разъезжал он по степи, побывал во многих аулах и тоже не нашёл.

Вот едет старик в обратный путь и видит перед собой аул. Подъехал Ерназар к средней юрте. Даёт знать хозяевам о своём желании быть гостем.

Пригласили старика в юрту. Вошёл он и сразу заметил: на кереге[2] висят восемь пар серёжек. Заплакал от досады гость.

Удивилась хозяйка:

— Чего плачешь?

Ответил Ерназар:

— У меня девять сыновей, и я ищу для них девять невест. Но раз девять женихов родились от одного отца, то я хотел бы, чтобы девять невест были рождены одной матерью. По числу серёжек вижу, что у тебя только восемь дочерей. Я плачу, что нет девятой.

— Если так, то ты не горюй,— утешила хозяйка,— есть у нас ещё пара серёг, моей младшей дочери Кенжекей. Я держу их отдельно от остальных, потому что восемь старших дочерей для меня одно и то же, что одна девятая, самая младшая.

Показала старуха Ерназару серьги младшей дочери и повесила их на место.

— Если для тебя восемь дочерей равноценны одной Кенжекей,— говорит Ерназар,— то и для меня один Тостик равноценен восьми сыновьям. Пусть Кенжекей будет невестой моего Тостика.

Высватал Ерназар девять дочерей и возвратился домой. Созвал он сыновей и объявил:

— Надо ехать за невестами!

Собрали братья караван и вместе с отцом тронулись в путь.

Вот едут они через пустынную степь и встречают по дороге Бекторы — дочь пери. Увидела она Тостика, влюбилась сразу и замыслила разлучить его с Кенжекей.

Прибыл Ерназар с сыновьями в аул к невестам. Погостил здесь и отпраздновал сразу девять свадеб. Тридцать дней длились игры и состязания, и ещё сорок дней пировали гости. Наконец собрался Ерназар в обратный путь. Стал он готовить караван в дорогу.

Наделили родители дочерей богатым приданым. Много им

---

[1] *Той* — праздничный пир.
[2] *Кереге* — деревянные решётчатые стенки юрты.

дали скота. Но младшая дочь Кенжекей всё же осталась недовольна. Только отъехал караван от родительского аула, отправила она к отцу посланца с просьбой дать ей коня Шалкуйрыка, заговорённые стальные доспехи-аксырматсаут, и двугорбую верблюдицу Куба-инген.

Рассердился отец на свою дочь. Говорит её посланцу:

— Кенжекей достаточно богатства Ерназара. Зачем она просит у меня Шалкуйрыка? Шалкуйрык — вожак моих коней. Где это видано, чтоб вожаком владела женщина? Куба-инген — вожак моих верблюдов. Отдавать такую верблюдицу женщине — невиданное дело. Аксырматсаут — доспехи, которые передаются по наследству только старшим сыновьям. Можно ли отдавать их младшей дочери? Поезжай к ней и передай мои слова.

Прискакал посланец к Кенжекей и привёз ей ответ отца. Говорит тогда Кенжекей:

— Отправляйся снова к отцу и передай ему: я просила дать Шалкуйрыка, потому что на таком коне подобает ездить только батырам. Мне хотелось, чтобы на нём ездил настоящий батыр — Ер[1] Тостик! Я просила Куба-инген — она одна в силах поднять походную юрту батыра — Ер Тостика. Я просила дать в придачу аксырматсаут, чтобы носил его достойный батыр —Ер Тостик.

На этот раз слова Кенжекей убедили отца. Отослал он дочери Шалкуйрыка, Куба-инген, аксырматсаут. Поручил также передать дочке, чтобы Ерназар не останавливал караван на ночлег в урочище Соркудук. Иначе постигнет Кенжекей большая беда.

Вот идёт караван Ерназара через безводную степь. Кенжекей первая заметила маленькую землянку, стоящую на дороге. Когда приблизились верблюды к землянке, вышла из неё Бекторы, дочь пери.

Приветствовала она караван:

Ой, как прекрасен Ер Тостик, жених возлюбленный твой,
Кенжекей!
Резвый твой конь Шалкуйрык — ветра быстрее в степи,
Кенжекей!
Верблюдица много несёт добра,
Кенжекей!
Солнце блестит на твоей тяжёлой стальной броне,
Кенжекей!
Если не брезгуешь ты бедной землянкой моей,
Кенжекей!
Сделай привал у меня, свежий ты выпей кумыс,
Кенжекей!
Счастье твоё не сбежит, если заглянешь ко мне,
Кенжекей!

---

[1] Ер — герой.

Не понравились Кенжекей слова Бекторы. Отвечает она ей:

Дочь пери Бекторы, ты лучше молчи,
Завистливой речи я знаю цену!
А если прекрасен возлюбленный мой,
То знай, я люблю жениха своего!
И если мой конь быстрее, чем вихрь,—
Я еду сама на своём коне.
И если навьючена Куба-инген—
Свою верблюдицу навьючила я.
И если сверкает стальная броня,
То я не чужую надела броню.
Твоей землянкой не брезгую я,
Привал не устрою, однако, я в ней.
Меня не заманит твой свежий кумыс.
И если предложишь ты мне даже мёд,
Не стану я есть, Бекторы, у тебя!

Прошёл без остановки караван мимо обозлённой Бекторы. Скоро прибыл он в урочище Соркудук.

Говорит Кенжекей Ерназару:

— Не будем делать привал. По всем приметам, место здесь плохое.

Выслушал Ерназар и думает: «Не успели ещё доехать до дому, а младшая сноха уже начинает приказывать мне».

И велел старик устроить в Соркудуке ночёвку.

Поставила Кенжекей свою юрту раньше других снох. Пригласила в гости Ерназара. Поговорила с ним откровенно. Увидел старик, что младшая сноха его — умная женщина. Пожалел он, что не послушал её совета.

Густой туман окутал степь с вечера.

Помнила Кенжекей предостережение своего отца и не спала всю ночь. Но рано утром всё же обнаружила исчезновение Куба-инген. Сказала сноха свёкру о беде. Быстро оседлал старик лошадь, поскакал на поиски верблюдицы. Едет он по степи и видит: стоит саксаул, рядом с ним куст растёт. Повод верблюдицы зацепился за куст. Нагнулась верблюдица и щиплет траву. А под деревом дряхлая старуха сидит.

Просит её Ерназар:

— Бабушка, подай повод!

— Светик мой,— отвечает старуха жалобным голосом,— если я встану, то не смогу сесть, а если сяду, то не смогу встать. Нет у меня сил подать тебе повод.

Наклонился Ерназар с лошади, хотел поднять повод, а старуха и вцепилась ему в этот миг костлявыми пальцами в горло.

Сразу догадался Ерназар — напала на него Старуха — Прожорливая Пасть — Жалмауз-Кемпир. Попытался он вырваться из её рук, да куда там! Пальцы старухи словно тиски. Почувствовал Ерназар — пришла к нему смерть.

Выступили у старика на глазах слёзы. Стал он просить старуху:

— Дожил я до преклонных лет, только что женил своих

сыновей и думал насладиться радостной жизнью деда. Седа моя борода и седы мои волосы. Отпусти меня, матушка!

— Нет,— хрипит старуха и сдавливает ему горло.

Задыхается Ерназар, покидает душа его тело, поднимается к верхней части груди. Продолжает молить старик:

— Девять снох едут со мной. Что хочешь возьми из их богатого приданого, только отпусти меня!

— Нет!— отвечает старуха и ещё крепче сжимает горло.

Почувствовал старик, что душа его поднялась к самой гортани.

— Если мало этого, то пастбища мои полны верблюдов. Всех отдам, только отпусти меня!

— Нет!— отвечает старуха и сильнее сжимает костлявые пальцы.

Душа Ерназара поднимается всё выше и выше.

— Если этого мало, возьми моих снох. Белы они как яйца, бойки как сороки. Всех отдаю тебе. Отпусти меня!

— Нет!

Душа Ерназара уже готова выйти из горла.

— Если этого мало, возьми девятую сноху, Кенжекей, самую красивую и умную. Только отпусти меня, матушка!

— Нет!

Душа Ерназара подбирается к самому носу.

— Если этого мало, есть у меня восемь сыновей — как столбы они крепки. Все они твои. Отпусти меня, матушка!

— Нет!

Душа Ерназара уже ноздрей достигла, готова выскочить наружу. Увидел он смерть перед самыми глазами. Взмолился он:

— Если и этого мало, отдам я тебе самое дорогое, что есть у меня: крылья мои в пути, силу мою в одиночестве — любимого сына моего Ер Тостика. Возьми его, только отпусти меня!

Тут Жалмауз-Кемпир сразу ослабила пальцы:

— Как же ты отдашь мне Ер Тостика?

Отвечает Ерназар:

— У меня в кармане оселок. Ер Тостик затачивает на нём свои стрелы. Он ему очень нужен. Я оставлю его тебе в залог. Он приедет за оселком сюда.

Отпустила Жалмауз-Кемпир старика. Вернулся Ерназар к каравану. Ведёт за собой в поводу Куба-инген, словно и не случилось ничего. Не подозревал только старик, что Кенжекей, незаметно подкравшись к саксаулу, слышала его разговор с Жалмауз-Кемпир.

Прошло несколько дней. Заметил Ер Тостик — ночью Кенжекей закрывает на запор дверь юрты. Не понравилось это ему. Вошёл он в юрту силой и лёг в постель.

Кенжекей вынула стальной кинжал, приставила к своей груди остриём, а рукояткой к груди Ер Тостика и шепчет:

— Лежи спокойно, иначе мы погибли оба.

— Почему погибли?

— Отец твой отдал тебя старухе Жалмауз-Кемпир. Ты теперь не мой. Сначала освободись от Жалмауз, а потом приходи и будешь моим мужем.

Усомнился Ер Тостик в словах Кенжекей:

— Зачем же отцу было отдавать меня старухе Жалмауз?

Отвечает Кенжекей:

— Если не веришь, попроси у отца свой оселок.

Наутро говорит Тостик отцу:

— Я хочу съездить поохотиться. Дай мне оселок наточить стрелы.

Смутился Ерназар, сделал вид, что ищет оселок, а потом отвечает:

— Должно быть, я потерял его в Соркудуке, когда искал Куба-инген. Оселок остался возле саксаула. Там я отпускал коня попастись, а сам прилёг отдохнуть. Видать, тогда оселок и выпал.

Решил Ер Тостик отправиться на поиски своего оселка.

Посоветовал ему Ерназар ехать на двух конях — пегом резвом, как о шести ногах, и рыжем резвом, как о семи ногах. Так и поступил Ер Тостик. Увидела Кенжекей, как муж сел на «шестиногого» коня, а «семиногого» взял в повод, и запела она:

Вот вижу твой путь я опасный, Ер Тостик:
Безводные степи лежат пред тобою.
Пройти через степи нельзя и кулану—
Тебе на коне их придётся проехать.
Пустыня песками твой путь преградила,
Пустыней лететь и орлу невозможно,
А должен проехать её на коне ты!
Заменят ли кони в пути тебе крылья?
«Шестиногого» пегого к тебе привели,
От смирной кобылы тот конь — не товарищ.
Когда перетрутся копыта о камень,
Когда обожжёт его пламенем солнца,
Не выдержит конь и шесть дней перехода!
«Семиногого» рыжего к тебе привели,
От старой кобылы — совсем не годится!
Когда перетрутся копыта о камень,
Когда обожжёт его пламенем солнца,
Не выдержит даже семь дней перехода!
У отца не взяла я себе иноходцев,
А выбрала лошадь, чтоб ездить батыру!
Возьми, Ер Тостик, Шалкуйрыка в дорогу.
Крылом твоим будет, опорой и другом!

По душе пришлось Ер Тостику предложение Кенжекей. Послал он джигитов найти в табуне Шалкуйрыка. Только джигиты никак не могут поймать коня. Никого не подпускает к себе близко Шалкуйрык. Кто спереди подойдёт — того он укусит, кто сзади — того лягнёт. Пошёл Ер Тостик к Шалкуйрыку сам. Протянул руку с уздечкой. Почуял конь настоящего хозяина и покорно склонил перед ним голову.

Оседлал Ер Тостик Шалкуйрыка, а Кенжекей загадала про себя примету:

«Куба-инген принесёт верблюжонка либо в тот день, когда умрёт Ер Тостик, либо в тот день, когда он возвратится домой».

Опоясалась она платком и ещё загадала:

«Развяжется либо в тот день, когда умрёт Ер Тостик, либо — когда он приедет назад».

Поняла Куба-инген думы Кенжекей. И дала ей клятву обязательно принести верблюжонка в день возвращения или смерти Ер Тостика.

Когда отъехал Ер Тостик подальше от каравана, заговорил Шалкуйрык человеческим голосом:

— Теперь у нас с тобой одна душа, Ер Тостик. Запомни, что я скажу. Возле твоего оселка нас поджидает Жалмауз-Кемпир. Она попытается тебя поймать, когда ты станешь поднимать оселок. Отвлеки внимание старухи, а я сделаюсь ниже полыни. Ты на ходу сможешь поднять и увезти оселок.

Увидел Ер Тостик ветхую старуху. Закричал ей громким голосом:

— Бабушка! Девушки за твоей спиной — все твои дочки, что ли?

Оглянулась старуха. Шалкуйрык сделался ниже полыни, схватил Ер Тостик на полном скаку оселок — и был таков.

Догадалась старуха, кто её перехитрил. Захрипела она страшным голосом. Зашипела по-змеиному. Засверкала глазами. Кинулась догонять Ер Тостика.

Быстрей стрелы летит Шалкуйрык. Но и Жалмауз-Кемпир не отстаёт. Гонится за ним по пятам. Такая тут началась скачка, что горы стали рассыпаться, как кучи песка. Зацепил Шалкуйрык на полном скаку копытом чёрный камень величиной с юрту. Пополам треснула земля под конём. И провалился он под землю вместе с Ер Тостиком. Долго летели они вниз. Наконец остановились.

Встал Шалкуйрык на четыре ноги и заговорил человеческим голосом:

— Мы в подземном царстве змеиного хана Бапы. Здесь поблизости должен быть его дворец. Оставь меня, когда увидишь его. Войди во дворец один. Вход охраняют две чёрные змеи. Они будут шипеть и бросаться на тебя, но ты не пугайся. Это рабы хана Бапы. Когда пройдёшь через дверь и войдёшь в комнату, подползут к тебе две серые змеи. Они заберутся за пазуху и вылезут из голенищ. Эти змеи — дочь и сын Бапы-хана. Ты их тоже не страшись. Когда ты сядешь на пол, к тебе с шипением подвинутся две громадные жёлтые змеи. Это сам Бапы-хан и его жена. Держись с ними смело, иначе они не почувствуют к тебе уважения и мы не сможем найти дорогу назад, на поверхность земли.

Всё так и вышло, как предсказал Шалкуйрык.

Когда жёлтые змеи превратились в людей — в мужчину

и женщину,— увидел Ер Тостик перед собой хана Бапы и его любимую жену.

— Добро пожаловать, Ер Тостик!— приветствовал гостя хан.— Жители подземного царства уважают смелых людей, живущих на земле. Они не обидят тебя!

И серые змеи тоже приняли человеческий облик. Увидел Ер Тостик стройного юношу и красивую девушку. Дети хана Бапы радостно приветствовали Ер Тостика.

А две чёрные змеи превратились в чёрных рабов. С низкими поклонами подошли они к гостю, готовые служить ему.

Долго прожил Ер Тостик в подземном царстве. За это время он узнал, что Бапы-хан сильно враждует с Темир-ханом. Несколько раз Бапы-хан сватал у него дочь за своего сына, но Темир-хан всегда отказывал.

Сказал Бапы-хан Ер Тостику:

— Если ты привезёшь ко мне дочку Темир-хана, я отдам тебе в жёны свою дочь.

И отправился Ер Тостик сватать дочь Темир-хана. Ехать предстояло семь месяцев. Едет Ер Тостик через пустынную степь и видит человека с ножом, притаившегося за деревом.

«Какое зло замышляет этот человек?»— подумал Ер Тостик и начал наблюдать за ним.

Тут две сороки сели на ветку. Человек с ножом изловчился — вмиг срезал и переставил птицам хвосты. Даже не почувствовали сороки, какую проделку с ними совершил удивительный ловкач.

Спрашивает Ер Тостик:

— Кто ты такой?

— Я хочу быть товарищем Ер Тостика. Я слышал, что он спустился в подземное царство, и жду его на дороге.

— А каким искусством ты владеешь, чтобы быть товарищем Ер Тостика?

— Моё искусство ты видел. Нет птиц более чутких, чем сороки. Но и они не заметили, как я им переставил хвосты. Я — Вор-богатырь.

— А я — Ер Тостик, которого ты поджидаешь.

Отправились они в дальнейший путь вместе — Ер Тостик и Вор-богатырь.

Повстречался Ер Тостику ещё один человек. К каждой ноге у него было привязано по большому камню, но бегал он так быстро, что догонял сайгаков, ловил их, а затем спутывал им ноги.

Спрашивает Ер Тостик:

— Кто ты такой?

— Я хочу быть товарищем Ер Тостика. Я слышал, что он спустился в подземное царство, и жду встречи с ним.

— А каким искусством ты владеешь, чтобы быть товарищем Ер Тостика?

— Когда мне нужно догнать сайгака, я привязываю камни к ногам, а если надо догнать птицу — отвязываю их. Я — богатырь Ветроног.

— А я — Ер Тостик, которого ты ждёшь.

Двинулись они дальше втроём. Ер Тостик, Вор и Ветроног.

Повстречался им ещё один человек. Он лежал, прикладывая к земле то правое ухо, то левое.

Спрашивает Ер Тостик:

— Кто ты такой?

— Я хочу быть товарищем Ер Тостика. Я слышал, что он спустился в подземное царство, и жду его на дороге.

— Каким искусством ты владеешь, чтобы быть товарищем Ер Тостика?

— Я здесь слышу, о чём говорят люди на другом конце пустыни. Меня зовут богатырь Чуткое Ухо.

— А я — Ер Тостик, которого ты ждёшь.

Отправились они дальше вчетвером: Ер Тостик, Вор, Ветроног и Чуткое Ухо.

Шли они, шли и видят: стоит высокая гора. Вдруг на их глазах она начала расти. Подошли они ближе и увидели человека. Передвигает он горы с места на место. Легко поднимает и ставит одну на другую.

Спрашивает Ер Тостик:

— Кто ты такой?

— Я хочу быть товарищем Ер Тостика. Я узнал, что он спустился в подземное царство, и жду его на дороге.

— А каким искусством ты владеешь, чтобы быть товарищем Ер Тостика?

— Я обладаю великой силой и не знаю, куда мне её деть. Со скуки я перекатываю горы с места на место. Меня зовут богатырь Горокат.

— А я — Ер Тостик, которого ты ждёшь.

Отправились они дальше впятером: Ер Тостик, Вор, Ветроног, Чуткое Ухо и Горокат.

Подходят к большому озеру. Смотрит на него Ер Тостик и ничего понять не может. Вода в озере то исчезнет сразу, то вновь появится. И вдруг заметил Ер Тостик сидящего в камышах человека. Наберёт он в рот воды — озеро высохнет до дна. Потом выпустит её обратно — и озеро вновь наполнится до самых берегов.

Спрашивает Ер Тостик:

— Кто ты такой?

— Я хочу быть товарищем Ер Тостика. Я слышал, что он спустился в подземное царство, и жду его на дороге.

— А каким искусством ты владеешь, чтобы быть товарищем Ер Тостика?

— Я могу проглотить любое озеро. Я — богатырь Озероглотатель.

— А я — Ер Тостик, которого ты ждёшь!

Двинулись они дальше вшестером: Ер Тостик, Вор, Ветроног, Чуткое Ухо, Горокат и Озероглотатель.

Вечером подходят они к высокому холму. Сидит на нём человек и разглядывает луну.

Спрашивает Ер Тостик:

— Кто ты такой? Что ты здесь делаешь?

— Я хочу быть товарищем Ер Тостика. Я видел, как он спустился в подземное царство, как он вошёл во дворец змеиного хана Бапы, как выехал в страну Темир-хана и как по дороге набрал себе пятерых товарищей. Я — богатырь Всевидящий Глаз.

— Будь моим товарищем!— отвечает Ер Тостик.

Отправились они дальше всемером: Ер Тостик, Вор, Ветроног, Чуткое Ухо, Горокат, Озероглотатель и Всевидящий Глаз.

Только на седьмой месяц добрались они до страны Темир-хана и увидели пустынную местность. Здешние люди услышали, что к ним едет Ер Тостик, и откочевали неизвестно куда.

Припал богатырь Чуткое Ухо к земле — и услышал далёкий разговор. Говорит он Ер Тостику:

— Народ откочевал в урочище, называемое «Недоступное человеку».

Богатырь Всевидящий Глаз поднёс ладонь к бровям и увидел, что беглецы расположились за широким утёсом, находящимся за шестью горами и семью озёрами.

Тут богатырь Горокат смахнул с дороги горы, а богатырь Озероглотатель проглотил воду из семи озёр.

И очутился Ер Тостик с шестью богатырями в ауле Темир-хана.

У Темир-хана гостил в это время хан Тупица — Кеще-хан. Приехал он сватать ханскую дочь. Узнал Темир-хан, что Ер Тостик прибыл от хана Бапы с теми же намерениями, и объявил:

— Чьи сваты окажутся искуснее и хитрее, те и увезут из моего аула дочь.

И велел он заколоть для пира всех баранов, верблюдов и лошадей, пригнанных в подарок Кеще-ханом, а также свой скот.

Начался пир, и собрался народ посмотреть на искусство обоих сватов.

Отвели Ер Тостику праздничную белую юрту. Начали подавать угощение. Но сколько ни принесут джигиты кумыса и мяса, никак не могут насытить сватов Бапы-хана. Богатырь Озероглотатель один выпил весь кумыс и съел все кушанья, приготовленные для пира.

Несколько стад по приказу Темир-хана ушло на угощение. Но всё мясо в один миг исчезало в бездонной утробе Озероглотателя.

Посоветовал Кеще-хан Темир-хану:

— Надо в кушанье положить яду, чтобы эти обжоры не съели твоего последнего барана.

Услышал это богатырь Чуткое Ухо и сообщил Ер Тостику. А тот послал Вора-богатыря на кухню. Вынул Вор-богатырь яд и переложил его в блюдо, предназначенное для Кеще-хана и его свиты.

Только проглотили они по одному кусочку мяса, как сразу же умерли.

Так одержал Ер Тостик победу над Кеще-ханом.

Кончился пир. Устроил Темир-хан байгу[1]. Приказал вывести на неё лучших скакунов. Ер Тостик тоже стал готовить к состязаниям Шалкуйрыка.

Тут заговорил его конь человеческим голосом:

— Если коней запустят на далёкое расстояние, то бег мой будет, как всегда, быстрым. Но если я буду скакать даже три дня, то вряд ли сумею остановиться. Поэтому, когда я стану приближаться, ты натяни передо мной тройную верёвку, скрученную из конопли, волоса и шёлка. Если порвётся она целиком — меня ты больше не увидишь. Я так промчусь, что не смогу остановиться. Если верёвка уцелеет, я разобьюсь насмерть. Но если она порвётся до половины, я хотя и упаду, но всё же останусь жив. Не теряй надежды, Ер Тостик, на добрый исход!

Задумал Темир-хан уморить единственного коня Ер Тостика. Нарочно назначает скачки на дальнее расстояние. Самые быстрые скакуны в состоянии пробежать его не меньше чем за неделю.

Умчались кони, а гости стали смотреть борьбу.

Легко победил богатырь Горокат всех силачей подземного царства. Никто больше не захотел выйти с ним на единоборство. Стал показывать Горокат народу свою силу — поднимет ближнюю гору как маленький камешек и на место поставит.

Так проходит неделя в играх и развлечениях. Наступает срок возвращения скакунов. Идёт народ встречать их. Говорит богатырь Чуткое Ухо Ер Тостику:

— Я слышу топот копыт — приближаются кони.

Богатырь Всевидящий Глаз добавляет:

— Я вижу облако пыли: это мчится наш Шалкуйрык!

Натянул тогда Ер Тостик тройную верёвку. Быстрее вихря мчится Шалкуйрык. Добежал да верёвки и упал. Увидел Ер Тостик: конопляная и волосяная верёвки порвались, а шёлковая уцелела.

Обращается он тогда к своему коню:

---

[1] *Байга* — скачки.

В Соркудуке отец мой сделал привал,
Большое несчастье он мне причинил.
Злой Жалмауз, чтобы душу спасти,
Отец оселок мой оставил в залог.
Вот я оседлал самых лучших коней,
Отправился свой оселок выручать.
Сказала жена мне моя Кенжекей:
— Безводные степи лежат пред тобой,
Их даже не в силах кулан пересечь.
Пустыня за ними ещё тяжелей —
Её пролететь не под силу орлу!
«Шестиногий» конь не годится тебе —
От смирной кобылы родился на свет.
«Семиногий» конь не годится тебе —
От старой кобылы родился на свет.
Чтоб не обидеть мою Кенжекей,
Тебя оседлал я тогда, Шалкуйрык.
Я помощь твою не забыл, Шалкуйрык!
Крылом моим быстрым ты был, Шалкуйрык!
Советы давал мне в беде, Шалкуйрык!
Имел три души, но осталась одна.
Вставай, Шалкуйрык! Оживи, Шалкуйрык!
Мой верный товарищ, прошу я тебя!

Услышал Шалкуйрык слова своего хозяина, очнулся и вскочил на ноги. Вышел он победителем в состязании. Остальные кони прискакали через несколько дней.

Следующее состязание в беге Темир-хан устраивает для пеших джигитов. Отбирает он лучших своих бегунов с Медной Ведьмой — старухой Мыстан-Кемпир — во главе. А Ер Тостик выставляет богатыря Ветронога.

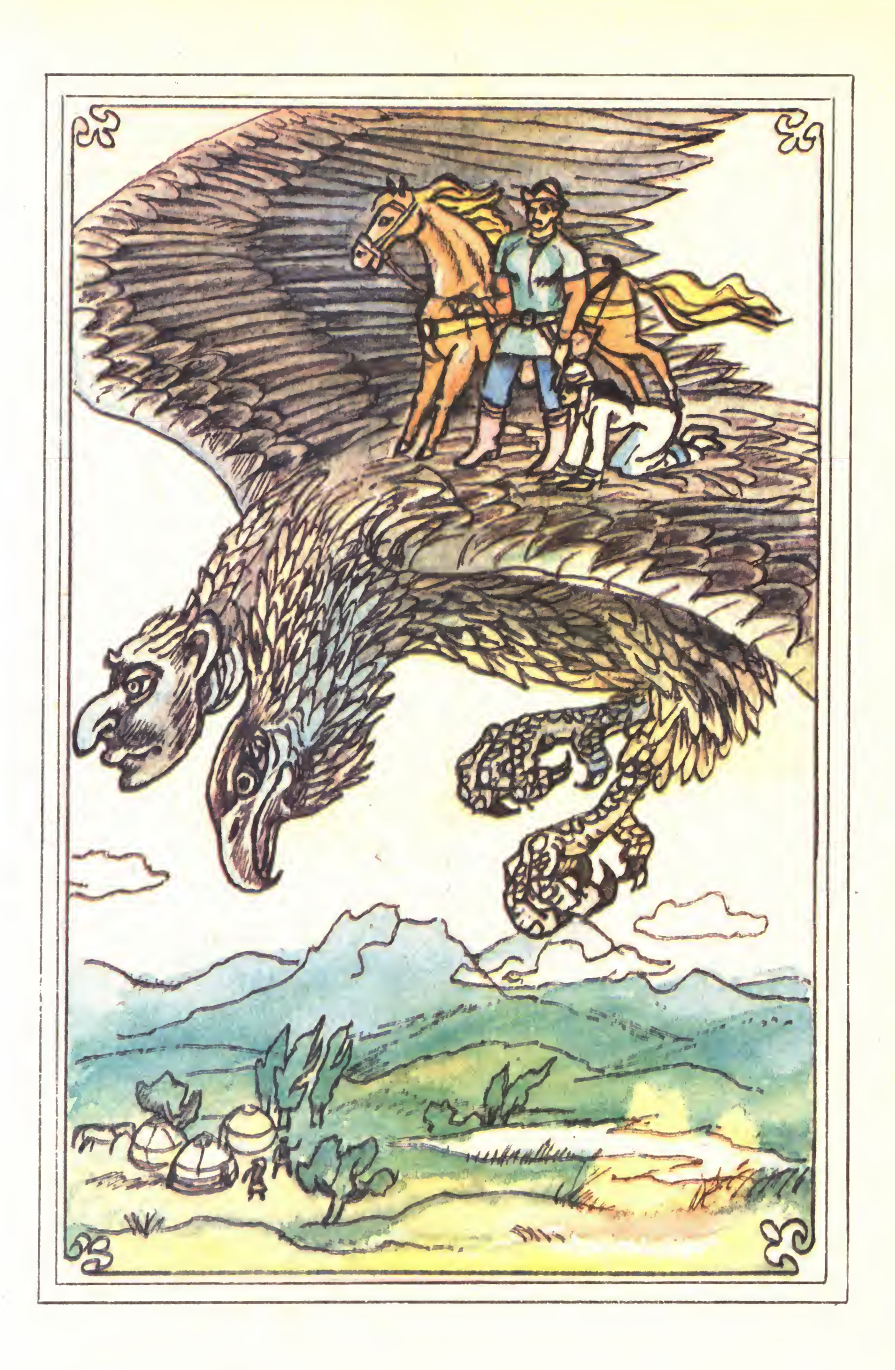
Целый день спешили бегуны, обгоняя друг друга. Наступил вечер. Решили они переночевать, а с утра продолжить состязание.

Мыстан-Кемпир говорит Ветроногу:

— Ты устал, голубчик. Спи крепко и ни о чём не беспокойся. Я сама разбужу тебя, когда будет нужно.

Понадеялся Ветроног на Мыстан-Кемпир и крепко уснул. А когда проснулся, солнце стояло уже над самой головой. Бегуны давно ушли и уже прошли больше половины пути. Догадался Ветроног, что старуха его обманула. Схватил он горсть песку и помчался догонять своих соперников. Бежал он так быстро, что по пути даже птиц обгонял. Настиг Ветроног бегунов, видит — впереди всех бежит Мыстан-Кемпир. Бросил он в лицо старухе песок. Начала старуха протирать глаза да ругаться и отстала. Прибежал Ветроног первым и принёс победу Ер Тостику.

Очень не хочется Темир-хану отдавать свою дочь за сына

змеиного хана Бапы. Придумал он новую хитрость. Просит достать со дна озера потонувший котёл в сорок саженей величиной.

Велит Ер Тостик Озероглотателю осушить озеро. Но сколько ни старается богатырь, ничего не получается. Третья часть воды всё время остаётся в озере.

Видит Шалкуйрык неудачу Озероглотателя. Предлагает он Ер Тостику:

— Я достану котёл. Когда я нырну в воду, следи, какого цвета поднимется пена. Если белая — значит, всё у меня благополучно, котёл я поднял. А если пена будет красная — значит, не поднял, случилась беда и я остался навсегда под водой.

С этими словами нырнул Шалкуйрык на дно озера.

Смотрит Ер Тостик на воду, какая пена появится на поверхности. Показалась белая пена. Обрадовался он: всё идёт хорошо. Но тут скоро появилась красная пена. Опечалился Ер Тостик и запел:

В Соркудуке отец мой сделал привал,
Большое несчастье он мне причинил.
Злой Жалмауз, чтобы душу спасти,
Отец оселок мой оставил в залог.
Тогда оседлал я тебя, Шалкуйрык,
Поехали мы оселок выручать.
Хороший совет мне дала Кенжекей,
Крылом моим был ты и другом в пути.
С тобой обвели, Шалкуйрык, Жалмауз:
Когда подскакал ты к старухе той злой,
Стал ниже полыни, чуть выше травы,
Схватил оселок я под носом у ней!
Ты помнишь, как мы уходили вдвоём
И как Жалмауз мчалась вслед по пятам?
Шаталась гора, и шёл каменный град,
Осколки кругом разлетались как вихрь.
Ты камень громадный хвостом зацепил,
И треснула сразу под нами земля,
Открыв нам змеиное царство Бапы.
Я помощь твою не забыл, Шалкуйрык!
Крылом моим быстрым ты был, Шалкуйрык!
Опорой ты был для меня, Шалкуйрык!
Советы давал мне в беде, Шалкуйрык!
Имел три души, но осталась одна,
Всплыви на поверхность воды, Шалкуйрык!
Мой верный товарищ, прошу я тебя!

Услышал Шалкуйрык призыв Ер Тостика, поднялся из глубин, всплыл наверх. К хвосту его был привязан громадный котёл. Вытащил он его на берег, встряхнул мокрой гривой и стал рассказывать Ер Тостику:

— Очень глубокое озеро! С трудом я добрался до дна. Ты увидел на поверхности воды белую пену, когда я нашёл котёл. Схватил я его зубами, но никак не могу вытащить.

Тут ты увидел красную пену. Пришлось подождать, пока отрастёт мой хвост. Когда он стал достаточно длинным, я обвязал им котёл и поднялся из воды.

Отдал Ер Тостик котёл Темир-хану. Но тот уже придумал новую хитрость. Решил он сжечь Ер Тостика вместе с шестью богатырями.

Велел Темир-хан построить дворец из толстого железа. Обманом завлёк в него Ер Тостика с товарищами. Как только вошли они, дверь за ними захлопнули и закрыли на семь замков. Обложили дворец со всех сторон дровами и зажгли огромный костёр.

Но богатырь Горокат ударил дверь ногой, и распахнулась она настежь. У богатыря Озероглотателя находилась за щекой вода целого озера. Выпустил он её на дрова и загасил огонь.

Ничего больше не мог придумать Темир-хан. Понял он, что перехитрить Ер Тостика невозможно.

Привёл Темир-хан свою дочь и сказал:

— Вот тебе невеста для ханского сына. Ты победил сватов Кеще-хана и меня.

И тогда отправился Ер Тостик в обратный путь вместе с шестью богатырями, сослужившими ему верную службу. По дороге богатыри один за другим отстали от Ер Тостика в тех самых местах, где он раньше их встретил.

Каждый богатырь, прощаясь, говорил:

— Дальше для меня дороги нет!

Привёз Ер Тостик невесту для ханского сына. Доволен остался Бапы-хан. Отдаёт он в жёны свою дочь Ер Тостику и говорит:

— Проси у меня чего хочешь. Всё тебе дам.

— Ничего мне не надо,— отвечает Ер Тостик,— я хочу одного — выйти из подземного царства и вернуться на родину.

— Твоё желание будет исполнено.

Дал Бапы-хан Ер Тостику много проводников и сам указал путь.

Отправился Ер Тостик на поверхность земли. Ехать ему предстояло шесть месяцев. Дорога шла через непроходимые мёртвые пустыни. Даже орлы здесь опасались летать. Все проводники погибли в пути. Умерла и дочь Бапы-хана. В живых осталась только её рабыня Кункей.

Миновали они пустыню. Едут степью и подъезжают к роднику. Возле него росло дерево. Прилегли Ер Тостик и Кункей отдохнуть. Никак уснуть не могут. На верхней ветке жалобно запищали птенцы. Поднялся Ер Тостик и видит: по стволу ползёт к ним огромная змея. Поднял Ер Тостик лук, прицелился и выстрелил ей в голову. Упала змея замертво, и птенцы сразу успокоились.

Лёг спать Ер Тостик. Проснулся он от сильного ветра и ливня, который вдруг разразился среди ясного дня. Это

прилетела двуглавая орлица-великан, Алып-Каракус, и села на дерево. Одна голова у неё была птичья, а другая — человечья. А раскрытое орлиное крыло покрывало такое пространство земли, какое всадник мог проехать только за месяц.

Набросилась Алып-Каракус на Ер Тостика. Но тут запищали птенцы и что-то сказали орлице.

И заговорила человечья голова орлицы:

— Зачем ты пришёл в мои владения, Ер Тостик? Сюда не ступала ещё нога человека. Или ты задумал охотится на моих птенцов?

Отвечает Ер Тостик:

— Я житель земли, заблудился. В твои владения попал случайно. Птенцам твоим я никакого зла не причинил, а даже спас их от огромной змеи. Она мёртвая лежит перед тобой. Если не веришь мне, спроси своих птенцов.

Подтвердили птенцы слова Ер Тостика.

Алып-Каракус припала к ногам Ер Тостика и стала благодарить его.

Оказывается, каждый год она приносила птенцов, а когда улетала за пищей в далёкий край, змея, которую убил Ер Тостик, сжирала птенцов.

Оттого-то и плакала птица каждый раз, когда возвращалась к гнезду, и слёзы ее проливались дождём.

Спрашивает Алып-Каракус:

— Скажи, Ер Тостик, чего ты желаешь? Всё для тебя сделаю.

Поведал Ер Тостик обо всём, что случилось с ним в подземном царстве, и говорит:

— Одного я хочу — вернуться на поверхность родной земли.

Обещает Алып-Каракус:

— Хорошо!

Ер Тостик, Шалкуйрык и Кункей забрались на крыло орлицы. Не успели они оглянуться, как очутились на земле.

Вырвала Алып-Каракус из своего крыла маленькое перо. Сказала Ер Тостику на прощание:

— Возьми это пёрышко. Оно обладает волшебной силой. Когда случится беда, потри его белым камнем, и я выручу тебя.

Взмахнула орлица крыльями и улетела. Обогрелся Ер Тостик под горячими лучами солнца и погрузился в тяжёлый сон. Не ожидал он на земле никакой беды. А беда Ер Тостика ждала большая.

Пока он находился в подземном царстве, Бекторы задушила старуху Жалмауз. Отомстила она старухе за то, что та проворонила Ер Тостика. У Жалмауз-Кемпир был сын, звали его Шоинкулак — Чугунное Ухо.

Вот говорит ему Бекторы:

— Ер Тостик не будет долго оставаться под землёй. Проследи, когда он выйдет, излови и живым приведи ко мне. Но если упустишь, как упустила его твоя мать,— не жди от меня пощады.

Дни и ночи караулил Шоинкулак возвращения на землю Ер Тостика. Нашёл он его спящим. Связал по рукам и ногам и притащил к Бекторы.

Велела Бекторы бросить Ер Тостика в глубокий колодец, Кункей отдать в жёны Шоинкулаку, а Шалкуйрыка держать в путах.

Много лет просидел Ер Тостик на дне колодца. Родила за эти годы Кункей сына Шоинкулаку. Только для Шалкуйрыка никак не могли найти подходящих пут. Всё время конь рвал их на части.

Однажды оседлал Шоинкулак Шалкуйрыка и поехал на охоту. На обратном пути спутал он ноги коня ремнём длиной в сорок саженей. Ремень оказался сыромятным, и узел скоро ослаб. Развязался один конец, и вырвался Шалкуйрык на свободу. Помчался он к колодцу, где томился Ер Тостик. Начал рыть землю копытами и сбросил ремень в колодец. Увидел Ер Тостик привязаный к нему белый камень. Достал он пёрышко, потёр его. Тут мигом прилетела двуглавая орлица Алып-Каракус. Вытащила она Ер Тостика из колодца, развязала ему руки и ноги и говорит:

— Тебя я освободила, но осилить Шоинкулака никак не могу. Душа его не при нём находится. Ты избавишься от него лишь тогда, когда найдёшь место, куда он прячет свою душу. Постарайся найти её. Тогда ты будешь свободен.

Улетела орлица, а Ер Тостик вскочил на Шалкуйрыка и поскакал в аул к Шоинкулаку. Тут его с плачем встретила Кункей. Рассказала она Ер Тостику, как мучает её злой муж.

— Освободи меня от него, иначе я умру!— просит Кункей.

— Хорошо!— обещает Ер Тостик.

Узнал он, что Шоинкулак сильно любит своего сына и научил Кункей, как выведать тайну.

Ер Тостик выкопал яму под колыбелью ребёнка и спрятался в ней.

Поздно вечером приехал Шоинкулак. Весь день он искал убежавшего Шалкуйрыка и очень устал. Накормила Кункей мужа и уложила в постель. Сама же стала качать колыбель сына и незаметно ущипнула его. Заплакал ребёнок.

Говорит Шоинкулак:

— Убаюкай его!

Стала Кункей баюкать, а сама ещё сильнее ущипнула ребёнка. Заплакал сын громче.

Спрашивает отец:

— Почему он плачет?

Отвечает Кункей:

— Ребёнок говорит: «Должно быть, я сын не Шоинкулака,

а Ер Тостика. Если бы Шоинкулак был родной отец, он мою душу спрятал бы вместе со своей. А он до сих пор скрывает, где находится его душа. Ер Тостик мне давно бы рассказал!»

Поверил Шоинкулак словам Кункей и говорит:

— Пусть не болтает сынок глупостей. Отец его не Ер Тостик, а я. Если же сын хочет знать, где моя душа, я ему скажу.

Велел Шоинкулак Кункей выйти из юрты, а сам подошёл к колыбели и шепчет на ухо сыну:

— Свою душу я при себе не храню. Она далеко отсюда. Возле Осокового родника Борыкты-Булак, где пасутся дикие косули. Среди них есть Чёрная косуля. В животе она носит девять чёрных сундучков. В самом маленьком девять цыплят. Это моя душа! А если, сынок, твоей душе тесно в твоём маленьком теле, она может соединиться с моей. Но об этом никто не должен знать. Иначе мы погибнем.

Погладил Шоинкулак сына по голове, лёг в постель и сразу заснул. А Ер Тостик выбрался потихоньку из ямы и поехал к Борыкты-Булаку. Схоронился он возле водопоя и стал поджидать.

Ровно в полдень прибежали сорок диких косуль. Постояли они вблизи родника, понюхали воздух и умчались.

Немного погодя появилось новое стадо. Посмотрели косули по сторонам, посовещались между собой и тоже скрылись.

А день стоял жаркий. Жажда сильно мучила животных. Всё время стремились косули к воде, да не решались подойти.

Говорит одна косуля:

— Возле воды я чую чужой запах.

Другая подтверждает:

— Он похож на запах человека.

А третья добавляет:

— Должно быть, это враг Шоинкулака.

Услышала Чёрная косуля последние слова и мигом умчалась.

Тогда Ер Тостик стал успокаивать косуль. Сидит в камышах и поёт:

Приветствую вас, косули, у чистой, прохладной воды!
Не вижу я Чёрной средь вас, хранитель души, где же ты?
Свободное время найдя, тебя повидать я пришёл.
Хранитель души, подойди, явился проведать тебя!
Прозрачна вода в роднике — напейся прозрачной воды!
Ер Тостика я победил, жену молодую отнял.
Почуяла запах его? Ко мне от него он пристал.
Не бойся, скорей подойди, нам надо поговорить!
Я душу сынка своего доверить желаю тебе,
Зову я тебя, подойди — чужого здесь нет никого!

Но не верят косули Ер Тостику. Стоят в отдалении. Между собой переговариваются. Каждое мгновение готовы умчаться.

Рассердился Ер Тостик:

А если у Чёрной косули доверья к словам моим нет,
Обиды я ей не прощу! Будь проклято имя моё,
Имя Шоинкулака, коли угрозы не выполню я!
Пусть гончая лишь прибежит собака ко мне моя.
Заставлю я Чёрной косуле все ноги её ободрать!
Ручьём чтобы кровь пролилась у Чёрной косули трусливой!

Посовещались косули и пошли потихоньку к роднику. Но к самой воде не подходят. Притаился Ер Тостик в камышах. Даже дышать перестал. Приблизились косули к воде. Осмотрелись по сторонам. Опустили осторожно головы. А Чёрная косуля, самая пугливая, после всех подошла. Тоже голову наклонила. Начала пить.

Утолили косули жажду. Стали уходить одна за другой.

А Чёрная косуля никак напиться не может. Пьёт и пьёт. Надулся у неё живот от воды. Почти земли стал касаться.

Тут прицелился Ер Тостик из лука, пустил стрелу и распорол косуле в живот. Девять чёрных сундуков выпали на землю. Схватил Ер Тостик самый маленький, открыл его и видит: девять цыплят копошатся.

Восьми он сразу же головы свернул, а девятого оставил в живых: хотел посмотреть на Шоинкулака ещё живого. Оставил ему девятую часть души.

Сунул Ер Тостик чёрный сундучок с цыплёнком себе за пазуху, вскочил на Шалкуйрыка и поскакал в аул Шоинкулака.

Встречает его Кункей возле юрты. Спрашивает Ер Тостик:

— Как Шоинкулак?

— Плох! Едва жив!

Вошёл Ер Тостик в юрту и видит в ней умирающего Шоинкулака. Ресницы у него едва шевелятся, и сам чуть дышит.

Усмехается Ер Тостик:

— Эй, богатырь! Чего лежишь?

Тут Шоинкулак как кинется на него! Завязалась борьба. Ер Тостик рассчитывал быстро одолеть противника. В нём ведь только девятая часть души осталась. Но чувствует он, что к Шоинкулаку прежняя сила возвращается. Упал Ер Тостик на землю. Показалось ему, что гора свалилась на него, а тело словно кто стальной сетью стянул.

Задыхается Ер Тостик от усталости. Пóтом обливается. Стал он тут умолять Кункей:

Из подземного царства змей-хана Бапы
Проводила одна нас на землю Кункей,

Чтобы рабство найти здесь и тягостный плен
В доме мужа Шоинкулака своего.
Реки слёз пролила от него ты, Кункей!
Вся надежда моя на тебя лишь сейчас.
Силы слабнут мои, смерть готовит злодей.
Ты приблизься ко мне, не пугайся, Кункей!
Есть за пазухой здесь у меня сундучок,
Ты возьми поскорей и замочек открой.
В нём цыплёнок сидит — ему шею сверни,
Умоляю тебя — мне в беде помоги!

Быстро вытащила Кункей из-за пазухи Ер Тостика чёрный сундучок. Открыла крышку. В нём восемь цыплят сидят и пищат.

Закричал Ер Тостик в ужасе:

— Рви им головы скорей!

Как только оторвала Кункей голову последнему, восьмому цыплёнку, так Шоинкулак и дух испустил.

Понял тут Ер Тостик, почему к Шоинкулаку сила вернулась. Пока шла борьба, цыплёнок вывел ещё семь цыплят. Хорошо ещё, что не восемь! А то с целой душой был бы непобедим Шоинкулак!

Прилёг усталый Ер Тостик отдохнуть в юрте Кункей. Вдруг слышит он из колыбели голос сына Шоинкулака:

— Не радуйся, Ер Тостик! Я отомщу тебе за смерть отца!

Тогда Ер Тостик связал мальчишке руки и ноги и вместе с колыбелью бросил в воду.

Уничтожил Ер Тостик своих врагов, сел на Шалкуйрыка и отправился домой на родину. А здесь отец и братья давно уже забыли о нём. Решили, что погубила его Жалмауз-Кемпир.

Только одна Кенжекей не теряла надежды на возвращение Ер Тостика. Терпеливо ждала она, когда Куба-инген принесёт верблюжонка.

В тот день, как загадала Кенжекей, Ер Тостик или домой вернётся, или узнает она о его смерти.

Однажды утром не нашла Кенжекей Куба-инген на обычном месте и отправилась на розыски верблюдицы. Ищет она Куба-инген, а сама поёт:

В путь дальний когда отправлялся Ер Тостик,
Ты клятву дала мне, Куба-инген,
Иль в день возвращенья, иль в день его смерти
Принести верблюжонка.
Куда же сегодня исчезла так рано,
Моя Куба-инген?
Что сердце верблюжье тебе подсказало?
Муж умер сегодня? Домой ли вернётся?
Горюю давно я, не зная покоя.
Утешь мою душу, дай знать поскорее
Мне, Куба-инген!

В это время развязался платок на поясе Кенжекей и запутался в ногах. Насторожилась Кенжекей:

С поясницы моей развязался платок,
Развязался платок не случайно.
Об Ер Тостике новость услышать должна —
Завязала платок я с загадкой!

Тут наткнулась Кенжекей на Куба-инген и увидела возле неё маленького верблюжонка. И тут же показался старик на белой хромой лошади. Платок у Кенжекей совсем свалился с ног.

«Должно быть, старик везёт мне известие о смерти Ер Тостика»,— подумала Кенжекей и заплакала.

Но белая лошадь громко заржала. Сразу узнала Кенжекей голос Шалкуйрыка. А Ер Тостик узнал Кенжекей, хотя она тоже была седая и старая.

Обнялись они и сразу помолодели от радостной встречи.

Превратился Ер Тостик в молодого жениха, Кенжекей — в невесту, а Шалкуйрыку снова стало пять лет.

Прожили они долгую, счастливую жизнь и достигли свершения всех своих желаний.

СЕМЬ ЧУДОДЕЕВ

Давно миновал тот век, когда жил на белом свете некий хан, богатейший среди смертных. Хан не имел сына, и его единственным утешением была дочь Каншаим, чьи глаза сияли ярче солнца, а чарующая красота была такова, что каждый, кто взглянет на неё, лишался навеки рассудка.

В один из дней Каншаим вместе со своей свитой отправилась купаться на реку. Купание подходило к концу, когда с неба спустилась большая чёрная птица Каракус, подхватила юную ханшу и улетела. Подруги её были потрясены случившимся.

Несколько дней народ не отваживался сообщить хану о несчастье. Наконец нашёлся один белобородый старец, который и донёс до слуха бедного отца печальную весть. Услышал хан о постигшем его горе и упал без чувств.

Пришёл он в себя, созвал знахарей, кудесников, мулл и хаджей — служителей аллаха, которые совершили паломничество в святые места. Но никто из них ничего не мог сказать об участи девушки и о том, как её спасти. Только главный визирь хана Назар посоветовал:

— За океаном живёт один рыбак по имени Салим. У него есть семеро сыновей, каждый из которых обладает чудесным искусством. Если кто-то и может вернуть вам дочь, то только они. Постройте железный корабль, дайте мне пятьсот воинов и пошлите за чудодеями.

Хан немедленно приготовил всё, что требуется для похода, и снарядил визиря в плавание. Назар отплыл и через месяц благополучно пересёк океан. Явился он к старику Салиму. Старый Салим встревожился, когда увидел Назара с воинами.

Тогда визирь поведал рыбаку о цели своего приезда и передал ему скреплённое золотой печатью письмо хана, в котором тот просил о помощи. Успокоился старый Салим, вызвал своих сыновей и сказал им:

— Гостей к нам привели слухи о вашем искусстве. Они пробыли в пути целый месяц. Отказывать прибывшим издалека не подобает, отправляйтесь с ними. Если вы сможете спасти дочь хана, он отдаст её вместе с царством в придачу. Пришло время показать своё искусство, не таите его. Пусть сопутствует вам удача!

Семь искусных сыновей Салима последовали за главным визирем Назаром, который доставил их к своему хану. Увидел перед собой семерых чудодеев хан, воспрянул духом — надеется вновь обрести потерянную дочь.

Дал путникам отдохнуть с дороги и по истечении нескольких дней привёз в то место, где была похищена птицей его дочь.

Каракус оказалась как раз поблизости. Увидела она людей, схватила свою жертву и вместе с девушкой в когтях поднялась в небо и скрылась с глаз.

Старший из сыновей Салима умел летать. Он увлёк за собой братьев, взмыл в небо следом за Каракус и пустился в погоню.

Семь дней и семь ночей мчались они за летящей тенью и на восьмой увидели наконец птицу: она опустилась на берег реки, а рядом с собой усадила девушку. Но тут испугалась Каракус своих преследователей, подхватила добычу и снова ринулась в небо.

Состязаться в полёте с могучей птицей было бесполезно, и преследователи забеспокоились: «Не видать нам девушки». Но старший велел второму брату: «Покажи своё искусство!»

Второй сын Салима был непревзойдённым стрелком. Он послал вдогонку Каракус меткую стрелу, и она перебила птице оба крыла. Выпустила Каракус добычу свою из когтей, и упала Каншаим в воду.

Тут пришёл на помощь третий из братьев — искусный пловец. Он нырнул в воду и вытащил девушку на берег. Чудодеи быстро привели её в чувство.

Но новая опасность угрожала братьям: на берегу той реки

обитал страшный дракон. Раскрыл он пасть и чуть не засосал всех вместе с воздухом.

Четвёртый чудодей обладал волшебным даром в мгновение ока строить каменные крепости. Для этого ему стоило только ударить камнем о камень. Он тут же призвал дар свой на помощь, и путников окружили высокие каменные стены.

Дракон свернулся кольцом вокруг крепости и стал выжидать. Он не покидал своего места несколько дней, но пленники не подавали никаких признаков жизни. Тогда дракон стал сдавливать крепостные стены. Всё ближе и ближе сходятся каменные громады, грозят обрушить стены и погрести под обломками пленников.

Настал черёд показать своё искусство пятому, а умел он за какой-то миг отрыть подземный ход. Стоило потереть ему чудотворный драгоценный камень — как под землёй появилась широкая, удобная дорога. Дракон всё сдавливал стены каменной крепости, а братья давно уже выбрались по подземному ходу на свободу.

Вылезли на поверхность земли и поняли, что заблудились. Тут пришёл на помощь шестой чудодей: произнёс он заклинание, провёл ладонью по глазам и увидел дорогу к родным местам за одиннадцать дней пути.

Много времени не знали еды братья, долгая дорога их утомила, устали они, обессилели. Пригодилось умение седьмого — превосходного повара. Он всегда носил с собой необыкновенное блюдо, которое по желанию хозяина наполнялось вкусными яствами. Спас чудодей своих спутников от голодной смерти.

Наконец вернулись братья в аул хана живыми и невредимыми. Они доставили в целости и сохранности его дочь — красавицу Каншаим. Хан устроил на радостях большой той с играми, состязаниями и конными скачками.

Решил он отблагодарить искусников за спасение единственной дочери и сказал:

— Дочь моя станет женой одному из вас.

Самый старший из братьев встал и говорит:

— Ваша дочь должна достаться тому, кто сделал больше для её спасения. Пусть каждый расскажет о своём искусстве.

Хан согласился с его словами. Первому дали слово старшему. Он сказал:

— Я сделал больше всех для того, чтобы спасти дочь хана. Семь дней и семь ночей я летел следом за птицей. Потому девушка должна принадлежать мне.

— Когда твоё искусство иссякло, а Каракус снова унесла девушку в небо, я пустил свою стрелу. Не будь меня — Каншаим не удалось бы спасти. Только моя меткость вернула ей жизнь. Девушка должна принадлежать мне,— возразил ему другой.

— Чего стоило бы ваше искусство, если бы не было меня?

Каншаим погибла бы в волнах. Девушка должна принадлежать мне,— воскликнул пловец.

— Не будь меня — вы все очутились бы в пасти дракона. Это я выстроил каменную крепость и спас вас от неминуемой гибели. Девушка должна принадлежать мне,— сказал четвёртый.

Пятый доказывал:

— Только моё искусство помогло нам выбраться из крепости. Я построил подземный ход, иначе бы все остались погребёнными под каменными стенами. Девушка должна принадлежать мне.

Когда дали слово шестому, он сказал:

— Не разведай я дорогу, вы бы по сей день скитались в чужих краях. Девушка должна принадлежать мне.

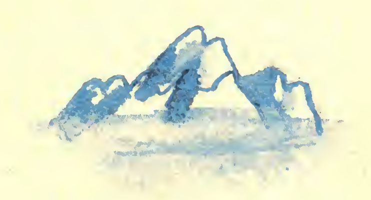
Наконец встал седьмой брат:

— Разве не моё искусство избавило всех от голодной смерти? Девушка должна принадлежать мне.

Каждый превозносил своё мастерство и просил хана быть справедливым. Хан в затруднении обратился к знатокам. Тогда поднялся один старец и говорит:

— Все семеро равны в своём искусстве, но девушку следует отдать за пловца, ибо он первым держал её в объятиях. Остальных жените на дочерях шести ханов и назначьте визирями в шести ханствах.

Хан выдал свою дочь за пловца. Для его братьев он высватал дочерей у шести ханов и поставил управлять их шестью государствами. Так семеро искусных братьев-чудодеев достигли желанной цели.

Грузинские народные сказки

РОГАТЫЙ ЦАРЬ

У одного царя на голове росли рога. Но никто про это не знал и не ведал, потому что никто никогда не видел царя без короны.

Он и послов принимал в короне, и гулять ходил в короне, и обедал в короне. Даже когда спать ложился, и то не снимал с головы корону.

Сперва люди удивлялись этому, а потом привыкли.

— Ну что ж!— говорят.— На то он и царь, пусть себе в короне ходит. Корона не папаха, не сносится.

И, наверно, никто никогда не узнал бы о царской тайне, если бы царь был лысый.

Да на его беду, волосы у него были густые, кудрявые и так быстро росли, что не проходило и трёх дней, как надо было их стричь.

Каждые три дня царские слуги приводили во дворец цирюльника.

Сперва цирюльник подстригал кудри царю, а потом царский палач отрубал голову цирюльнику. Ведь все знают, что цирюльники — народ болтливый. Как же иначе заставить их молчать?

Скоро до того дошло, что некому уже было подстригать царские кудри. Только на самой окраине города уцелел один бедный цирюльник, которому в жизни своей не доводилось стричь не то что царей, а даже царских конюхов. И вот настал его черёд. Бедняга знал, что живым ему домой не вернуться, распрощался с роднёй, благословил жену и детей и пошёл во дворец.

Там дали ему серебряные ножницы, золотой гребень и повели в царские покои.

Вот закрылись за ним тяжёлые двери, и остались царь и цирюльник одни.

— Помилуй, господи, мою душу,— прошептал цирюльник и, низко поклонившись, подошёл к царю.

Тут царь снял корону.

Цирюльник щёлкнул ножницами, махнул гребнем — да так и замер. Над самым лбом царя из густых кудрявых волос торчали рога. Прямые, острые козлиные рога.

От страха у цирюльника задрожали руки и ноги, а язык прилип к гортани.

Мысленно он призвал на помощь всех святых мучеников и трясущимися руками принялся стричь царские кудри. Сначала у правого рога подстриг, потом — у левого.

Стрижёт и молчит.

А царю очень нравится, что цирюльник ничего про его рога не говорит, точно не видит их.

Кончил цирюльник работу, положил ножницы и ждёт, когда его на казнь поведут. А царь снова надел корону на свою рогатую голову и говорит:

— Слушай, человек! Вот тебе десять золотых. Это за работу. А в придачу к ним я дарую тебе жизнь. Это за то, что ты умеешь держать язык за зубами. Но помни, если ты только проболтаешься о моей голове — твоя голова расстанется с телом. Это так же верно, как то, что я царь, а ты цирюльник.

Не чуя под собой ног, побежал цирюльник домой.

Дома окружили его родные и соседи, знакомые и незнакомые. Радуются, удивляются, расспрашивают, как это он от смерти ушёл, да что во дворце видел, да каков собою царь.

Молчит цирюльник, слово проронить боится. День молчит, два молчит. На третий день стал он пухнуть. Сил нет, как хочется рассказать про царские рога, а нельзя. Лёг на постель, повернулся лицом к стене и стонет.

— Что с тобой?— спрашивает жена.

— Что у тебя болит?— спрашивают дети.

А он только отмахивается.

И, что ни час, раздувает его всё больше и больше. Вот запретные слова уже к самому горлу подкатили, дышать не дают.

«Пропал я!— думает цирюльник.— Сейчас скажу!»

Вскочил он с постели и пустился бежать куда глаза глядят подальше от людей. Бежал, бежал, и вдруг видит болото. А в болоте растёт тростник.

Поглядел цирюльник направо-налево, вперёд-назад — нет ли кого поблизости,— потом выбрал одну тростинку, приложил к ней губы и сказал шёпотом:

— У нашего царя на лбу растут рога!

Сказал — и сразу ему легче стало. От сердца отлегло, и горло отпустило.

Отдышался цирюльник и весело зашагал домой.

Тем бы всё и кончилось, и никто бы никогда не узнал царской тайны, да на горе цирюльнику шёл через это самое болото путник.

Скучно путнику одному в дороге. Срезал он себе тростинку, сделал из неё дудочку — и только дунул в неё, как запела дудочка громким голосом:

— У нашего царя на лбу растут рога!

Удивился путник. Снова дунул в дудку.

Снова запела дудка:

— У нашего царя на лбу растут рога!

Понравилось это путнику. Идёт он по дороге и дудит что есть мочи:

— У нашего царя на лбу растут рога!..

— У нашего царя на лбу растут рога!..

Так и дошёл он с этой песней до самой столицы.

А в столице как раз базарный день был. Весь народ на улице толпится. Никто дома не сидит.

Ходит путник по базару и дудит в свою дудку:

— У нашего царя на лбу растут рога!

— У нашего царя на лбу растут рога!

Кто верит — кто не верит, кто смеётся — кто удивляется, кто громко — кто шёпотом, а все одно говорят:

— Слыхали? У нашего царя на лбу растут рога!

Часу не прошло, а уж весь город знал царскую тайну.

Наконец дошла молва и до самого царя. Рассердился царь, ногами затопал, кричит на весь дворец:

— Привести сюда цирюльника!

Привели царские слуги цирюльника.

— Голову ему долой!— кричит царь.— Это он меня на посмешище всему народу выставил!

Упал цирюльник на колени перед царём и заплакал:

— Не виноват я перед тобой, милостивый царь! Клянусь моей бедной головой, не виноват! Я нынче даже на базаре не был.

— А кто же виноват, если не ты?

— Не знаю, милостивый царь. Только жена мне говорила, что слышала от соседки, будто ходит по базару какой-то путник, дудит он в тростниковую дудочку и про тебя небылицы распускает.

Приказал царь разыскать путника, который играет на дудке.

Разыскали его, привели во дворец.

Спрашивает его царь:

— Как осмелился ты небылицы про меня плести, перед моими подданными меня высмеивать? Ты за это жизнью поплатишься!

А путник поклонился царю и говорит:

— Жизнь моя в твоих руках. Хочешь — казни, хочешь — милуй. А только разреши сперва спросить тебя, милостивый царь, всякому ли слову, исходящему из твоих царских уст, следует верить?

Удивился царь.

— А как же иначе,— говорит.— Ты что же, забыл, что я царь? А слово царское непогрешимо.

— Тогда поднеси к своим царским устам эту тростниковую дудочку,— сказал путник,— и оживи её своим дыханием.

Взял царь дудочку, поднёс ко рту и дунул.

А она как загудит на весь дворец:

— У нашего царя на лбу растут рога!

— Вот теперь ты сам своими собственными устами

произнёс эти слова,— сказал путник.— Как же я могу не верить тебе? Ведь ты царь. Твоё слово свято и непогрешимо. Почему же ты обвиняешь меня во лжи?

Ещё больше рассердился царь, затопал ногами, затряс головой, и свалилась у него с головы корона.

Тут все и увидели царские рога.

Ну уж после этого царю ничего не оставалось, как помиловать путника и цирюльника и с миром отпустить их домой.

Пусть и вас минует беда и несчастье.

ПОЛТОРЫГОРСТИ

Может, было — может, не было, только жили на свете два человека. Захотели они лобио[1] сварить, а соли не нашлось. Тогда один и говорит другому:

— Ты же видишь, соли у нас нет. Сходи в город и купи полторы горсти.

— Полторы горсти?— говорит второй.— Как такое запомнить?

— А ты всю дорогу только одно и тверди: «Полторы горсти, полторы горсти...»— вот и запомнишь.

Отправился человек в город за солью. Идёт, видит — на вспаханном поле крестьянин пшеницу сеет, зерно в землю бросает, приговаривает:

— Одно — тысячей обернись, одно — тысячей обернись...

А человек идёт мимо и знай себе твердит:

— Полторы горсти, полторы горсти!

Разозлился крестьянин, схватил и крепко побил его.

— За что бьёшь? Что я тебе плохого сделал?— закричал человек.

— Потому тебя побил,— ответил крестьянин,— что я прошу чтоб из одного зерна тысяча уродилась, а ты «полторы горсти» говоришь.

— А как я должен был сказать?

— Сказал бы: «Одно — тысячей обернись»— я бы тебе благодарен был,— ответил крестьянин.

Пошёл человек дальше. Видит — село. А в том селе похороны. Идёт он мимо и кричит:

— Одно — тысячей обернись, одно — тысячей обернись!

Рассердились родственники покойного, схватили его и поколотили.

— За что бьёте, бессердечные вы люди? Что я не так сказал вам?— спросил человек.

— Ты кричишь: «Одно — тысячей обернись!», а тебе бы подойти, снять шапку и сказать: «Пусть это несчастье первым

---

[1] *Лобио* — грузинское национальное блюдо.

и последним будет в вашей семье»— мы бы с уважением к тебе отнеслись и с тем бы и расстались.

Пошёл дальше Полторыгорсти, видит — люди свадьбу играют. Остановился, снял с себя шапку да и говорит:

— Пусть в вашей семье это несчастье первым и последним будет.

Схватили гости Полторыгорсти да так ему бока намяли — едва живой остался.

— Что я вам худого сделал? Меня так научили, как же мне ещё говорить?

— Снял бы шапку, подошёл и крикнул: «Да здравствует свадьба! Да здравствует свадьба!»— отвечают ему.

Снова своим путём пошёл Полторыгорсти. Идёт, за бок держится, думает: что же ему говорить, если ещё кто встретится?

Видит, охотник крадётся с ружьём к голубям.

Полторыгорсти тут же шапку с себя сорвал и с криком: «Да здравствует! Да здравствует!»— кинулся к охотнику.

Голуби испугались и улетели.

Вскочил разъярённый охотник и бросился на Полторыгорсти. Бил его, бил, чуть дух из несчастного не вышиб.

Спрашивает тот:

— Где ж справедливость, за что ты меня бил?

Охотник говорит ему:

— Голоса не подавал бы, пригнулся, притаился и так прополз. Голуби не заметили бы тебя, и ничего бы не случилось.

Идёт дальше Полторыгорсти, видит — впереди плетень. Призадумался. Потом пригнулся и пополз вдоль плетня крадучись.

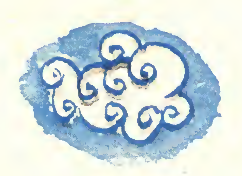
А тут как раз трое кошелёк с деньгами потеряли, ищут. Видят — человек крадётся. Схватили его за полу, выволокли.

— Вот ты где, негодник! Наши деньги нашёл, утаить хочешь?

Так избили несчастного простака, что он про соль забыл, ноги еле домой приволок.

Азербайджанские народные сказки

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ ЗАРНИЯР

О ком я вам расскажу? О купце по имени Мамед. Жил он в городе Мисаре, ездил по чужим странам и торговал разными товарами.

Однажды задумал он отправиться в далёкую страну. Накупил множество всяких товаров, нанял слуг, распростился с семьёй и тронулся со своим караваном в путь.

Побывал он в одном месте, побывал в другом и заехал наконец в какой-то неводомый город. Здесь Мамед решил передохнуть после долгих странствий и остановился со своими слугами в караван-сарае — заезжем дворе.

Сидит Мамед, ест, пьёт. Подошёл к нему какой-то человек и говорит:

— Эй, купец! Видно, ты прибыл из дальних мест, если не знаешь здешних обычаев.

— А какие же здешние обычаи?— спрашивает Мамед.

— А вот какие: всякий прибывший в этот город купец должен отнести шаху достойный подарок. За это шах приглашает купца вечером к себе в гости и играет с ним в нарды.

Что делать купцу? Хочешь не хочешь, надо идти. Выбрал он из своих товаров самые драгоценные ткани, разложил их на золотом подносе и отправился к шаху.

Принял шах дары и стал расспрашивать купца: из какого он города родом, какие товары продаёт, где побывал... Рассказал ему Мамед обо всём. Шах выслушал и говорит:

— Приходи ко мне вечером — поиграем в нарды!

Вечером пришёл Мамед к шаху. Смотрит — шах его дожидается, а перед ним нарды лежат.

— Эй, купец!— говорит шах.— Слушай мои условия. Есть у меня учёная кошка. С вечера до утра она может держать на своём хвосте семь светильников. Если моя кошка продержит их, пока мы не кончим игру, всё твоё богатство, все твои товары будут моими, а самого тебя я прикажу связать и бросить в темницу. Если кошка сойдёт с места — вся моя казна перейдёт к тебе, а со мной делай что хочешь!

Что тут делать купцу? Бежать нельзя, спорить невозможно. Пришлось принять ему условия шаха.

Сидит он, ругает себя, что заехал в этот город.

«Недолго здесь и совсем пропасть!» — думает.

А шах стал звать свою учёную кошку.

Пришла кошка, закрутила свой хвост и уселась перед шахом.

— Несите светильники! — приказал шах.

По его приказу слуги принесли семь светильников и поставили кошке на хвост.

Взял шах нарды, начал игру.

Купец передвигает кости, сам всё на кошку поглядывает. А кошка словно окаменела — сидит не двинется, не пошелохнётся.

Так день прошёл и ночь прошла, и ещё два дня и две ночи. Играет Мамед с шахом в нарды, а кошка сидит как сидела.

Не выдержал наконец Мамед и говорит:

— Не в силах я больше играть! Признаю себя побеждённым!

Шаху только этого и надо. Кликнул он своих слуг и приказывает им:

— Все товары этого купца и всё его золото несите ко мне, а ему самому свяжите руки покрепче и бросьте в темницу!

Схватили слуги Мамеда и сделали всё, что шах им приказал.

Сидит Мамед в темнице, клянёт себя, что не проехал мимо этого города, ругает и шаха, и его учёную кошку...

Теперь мы оставим Мамеда и расскажем о его жене Зарнияр.

Сидит она дома, ждёт мужа, а его всё нет и нет.

«Уж не беда ли с ним случилась?» — думает.

Долго она так жила в тревоге. Наконец прибежал к ней слуга Мамеда, весь оборванный, грязный, и говорит:

— Эй, хозяйка! Захватил какой-то шах нашего хозяина, и все его товары, и всё его золото. Один я убежал, еле спасся. Что теперь делать будем?

Расспросила Зарнияр слугу, что и как было.

После этого приказала она наловить множество мышей и наполнить ими большой сундук. Затем взяла она с собой много серебра и золота, переоделась в мужское платье, подобрала волосы под папаху и отправилась выручать мужа.

Ехала она со своим караваном, нигде не останавливалась и не задерживалась и наконец прибыла в тот город, где томился в темнице её муж.

Одним своим слугам она приказала дожидаться в караван-сарае, а другим велела сопровождать её к шаху.

Взяла она большой золотой чеканный поднос, разложила на нём драгоценные подарки и отправилась во дворец. А слуги её несли за ней сундук с мышами.

Когда подошли они ко дворцу, Зарнияр сказала слугам:

— В то время как я буду играть с шахом в нарды, вы по одной выпускайте мышей через дверь в комнату!

Остались слуги с сундуком у двери, а Зарнияр пошла к шаху. Вошла она и говорит:

— Да живёт вечно правитель вселенной! Вот я, по обычаю вашей страны, принёс тебе драгоценный подарок!

Шах принял Зарнияр с большим почётом, угостил лучшими яствами и пригласил сыграть с ним в нарды.

— Какие будут твои условия, властитель вселенной?— спрашивает Зарнияр.

Шах говорит:

— Будем играть до тех пор, пока не сдвинется с места моя учёная кошка!

— А если твоя учёная кошка сдвинется?— спрашивает Зарнияр.

— Тогда я себя признаю побеждённым. Что хочешь, то со мной и делай!

— Хорошо,— говорит Зарнияр,— пусть будет по-твоему!

Кликнул шах свою учёную кошку. Пришла кошка, уселась важно на ковре перед шахом. Тут вошли слуги, внесли семь светильников и поставили ей на хвост.

Стал шах играть с Зарнияр в нарды. Играет, а сам посмеивается и ждёт, когда этот молодой купец себя побеждённым признает.

В это время слуги Зарнияр открыли сундук и впустили в комнату мышонка.

Увидела кошка мышонка, загорелись у неё глаза. Хотела было она тронуться с места, да шах так грозно взглянул на неё, что кошка мигом успокоилась и словно застыла.

Немного спустя слуги Зарнияр впустили в комнату ещё несколько мышей. Стали мыши бегать по комнате, стали прыгать возле стен. Тут уж учёная кошка не в силах была больше терпеть. Мяукнула она, вскочила, уронила все семь светильников и давай гоняться за мышами!

Сколько шах ни кричал на свою учёную кошку, она и слушать его не хочет.

Тут Зарнияр кликнула своих слуг. Вбежали они в комнату, связали шаха крепко-накрепко и давай стегать ремнями! До тех пор стегали, пока он пощады не запросил.

— Всех своих пленников выпущу,— кричит,— и всё, что у них отнял, отдам им, только меня пощадите!

Слуги Зарнияр бьют шаха, шах во весь голос кричит, все люди это слышат, а на помощь к нему никто не идёт: всем давно уже надоело терпеть его жестокость да жадность.

Приказала Зарнияр вывести из темницы своего мужа и всех других, кто там был, а шаха в темницу бросить.

После того вернулись они в свой город Мисар и стали там жить, есть и пить. И вы все ешьте, пейте и живите!

С неба упало три яблока: одно — мне, другое — тому, кто сказку рассказывал, третье — тому, кто сказку слушал!

БАХТИЯР

Жил когда-то старик по имени Бахтияр. Был он очень беден.

Вот однажды встал он рано утром и говорит жене:

— Старуха, положи в дорожную сумку просяного хлеба и творогу, я в путь собираюсь.

Жена говорит:

— Ещё что придумал! Сиди дома. Куда тебе, такому старому, странствовать? Только подмётки даром стопчешь.

Старик говорит:

— Старуха, ты в мужские дела не суйся. Я видел хороший сон и пойду искать его.

— Эй, старик,— жена говорит,— ты, верно, на старости лет совсем из ума выжил. Где это видано, чтобы люди за снами ходили?

— Эй, старуха,— отвечает старик,— сказал тебе: не твоего ума это дело. Приготовь, что я тебе велел, и не трать даром слов.

Нечего делать, приготовила ему старуха еды на дорогу, вскинул старик сумку за плечи и пустился в путь.

Шёл он, шёл, день да ночь — сутки прочь, а сколько суток — и не сосчитаешь.

Наконец вышел в степь. Видит, в степи пастух пасёт большое стадо. Тут же при нём и собака сторожевая, и осёл вьючный, и шалаш со всем кочевым хозяйством.

Подошёл старик к пастуху, поклонился.

— Да умножится твоё стадо,— говорит.— В наших краях сказывают: «Проголодался — иди к пастуху». Не накормишь ли ты меня, сын мой? Уж не знаю, сколько дней я в дороге, совсем чёрствым стал мой хлеб.

Видно, не зря идёт про пастухов добрая молва. Засучил пастух рукава, подоил несколько овец и подал Бахтияру полную миску молока.

Бахтияр накрошил туда хлеба, укрепил, как говорят, свой пояс и собрался дальше в путь.

А пастух спрашивает его:

— Скажи, добрый человек, откуда ты пришёл и куда путь держишь? Может, дорога твоя длинна, так я тебе сыру приготовлю, масла собью.

— Сын мой,— говорит Бахтияр,— я из таких-то краёв, из такой-то деревни. А куда дорога моя ведёт, и длинная она или короткая — я и сам не знаю. В жизни своей мало я видел хорошего, а вот не так давно случилось мне увидеть хороший сон, и теперь я иду искать его.

Удивился пастух таким словам.

— Разве сон можно найти?— говорит.— Человек каждую ночь тысячу снов видит. Где уж за ними ходить!

— Сын мой,— отвечает Бахтияр,— можно тысячу снов увидеть и никогда потом даже и не вспомнить о них. А тот сон,

который я видел, такой, что за ним и на край света пойдёшь. Жизнь не жаль потратить, чтобы этот сон найти.

— Послушай, а не продашь ли ты мне свой сон?— спрашивает пастух.— Я тебе хорошо за него заплачу.

Задумался старик, помолчал, а потом говорит:

— Ну что ж, пожалуй, продам. Ты человек хороший, к тому же молодой. Может, ты скорее моего этот сон найдёшь.

Рассказал он пастуху свой сон, а взамен получил всё стадо да ещё собаку с ослом в придачу, да ещё шалаш со всем кочевым хозяйством. Заодно поменялись они и своими именами: пастух стал зваться именем старика — Бахтияром, а Бахтияр стал зваться именем пастуха — Мелик-Мамедом.

И пошли они в разные стороны.

Пастух вскинул сумку за плечи и пошёл куда глаза глядят, куда ноги ведут. Да будет лёгким его путь!

А старик Мелик-Мамед со своим стадом побрёл потихоньку домой.

Вот добрался он до своей деревни, подошёл к своему дому. Увидела его жена и давай охать да причитать:

— Ой-ой, старик! Чьё это стадо ты гонишь? И не стыдно тебе! Все соседи теперь будут пальцем на тебя показывать. «Смотрите,— скажут,— Бахтияр в таком почтенном возрасте в пастухи нанялся».

— Не кричи, жена,— говорит старик,— ни к кому я в пастухи не нанимался. Стадо это моё собственное. А получил я его в обмен на свой сон. И ещё знай и помни, что зовут меня не Бахтияр. Моё имя — Мелик-Мамед.

Тут уж старуха совсем рот разинула.

«Верно,— думает,— я обозналась, кого-то другого приняла за своего мужа».

И говорит старику:

— Извини, братец, что я с тобой так разговаривала. Очень ты на моего мужа Бахтияра похож, вот я тебя и приняла за него.

Старик и раньше знал, что жена у него глуповата. Ну а теперь, видно, последний ум старуха потеряла.

— Эй, жена,— говорит старик,— ты совсем одурела. Разве я не муж твой? Говорю тебе: я променял свой сон, а вместе со сном променял и своё имя. Я — это я. Только раньше был я бедняком Бахтияром, а теперь стал богачом Мелик-Мамедом!

Наконец сообразила жена что к чему и принялась считать овец. А старик стоит рядом и приговаривает:

— Видишь, старуха, не зря я всё-таки за сном ходил. Правда, сна я своего не нашёл, зато богатство нашёл.

Оставим же их в довольствии и благополучии, а сами пойдём за Бахтияром.

Шёл Бахтияр не торопясь по горам и долам и наконец дошёл до стен какого-то города. День уже клонился к вечеру, и ворота городские были крепко заперты. Сколько ни стучал

Бахтияр, сколько ни просил, не пустила его стража в город. Нечего делать, пришлось Бахтияру спать под открытым небом. Ну да пастуху это дело привычное. Свернулся он калачиком, колени к подбородку поджал, голову в плечи вобрал и заснул крепким сном.

Среди ночи услышал Бахтияр, будто зовёт его кто-то:

— Бахтияр! Бахтияр! Проснись, Бахтияр!

Вскочил он на ноги, смотрит налево, смотрит вперёд, смотрит вверх и видит — стоит кто-то на городской стене и громким шёпотом говорит:

— Бахтияр! Чего же ты медлишь? Скоро утро! Бери скорее хурджун[1]. Сейчас я к тебе выйду.

Удивился Бахтияр.

«Кто же это,— думает,— может знать меня в чужом городе?»

Да раз уж взял чужое имя, надо и судьбу чужую брать.

Подошёл он поближе к стене, подхватил тяжёлый хурджун, стоит ждёт, что дальше будет.

Вдруг открылись городские ворота, и кто-то, по самые брови укутанный в плащ, вывел двух коней.

— Привязывай скорее хурджун к седлу,— сказал незнакомец.— Во дворце могут спохватиться, нас поймают и убьют. Сколько раз пришлось мне звать тебя, пока ты проснулся. Садись же на коня! Скачем!

Тут уж Бахтияр совсем перестал понимать, на каком он свете находится. От кого это он должен бежать? И что это за человек? И откуда знает его имя?

Но разговаривать было не время, и, доверившись судьбе, Бахтияр вскочил на коня и поскакал за своим путником.

До самого утра скакали они без отдыха. И когда совсем рассвело, увидел Бахтияр, что скачет рядом с ним такая красавица, что ни есть, ни пить не захочешь — только бы любоваться ею.

А красавица взглянула на Бахтияра и тоже от удивления ахнула.

— Юноша,— спросила красавица,— кто ты такой и как твоё имя?

— Ханум[2],— ответил Бахтияр,— разве ты забыла, кто я? Ведь ночью ты сама позвала меня, а сейчас не помнишь моего имени.

— Значит, твоё имя тоже Бахтияр?

— Ханум, кто же ещё носит это имя? Разве ты не меня звала?

— Нет, я не тебя звала,— сказала красавица.— Знай и помни, юноша, я — дочь царя этой страны, и зовут меня Зарнияр-ханум. У векила[3] моего отца есть сын Бахтияр. Мы полюбили

---

[1] *Хурджун* — перемётная сума.

[2] *Ханум* — госпожа.

[3] *Векил* — советник при дворе.

друг друга. Но отец не хотел выдавать меня замуж за Бахтияра, сына векила. Он хотел выдать меня за сына визиря. А я не хотела идти за сына визиря. Вот мы и сговорились с Бахтияром, сыном векила, что этой ночью, когда во дворце все заснут, мы убежим. Но, верно, он побоялся, или, может быть, с ним случилось что-нибудь недоброе. А тебя судьба привела на то самое место, где я ждала его, и ты носишь то самое имя, которым я звала его. И вот, приняв тебя за него, я убежала с тобой из родительского дома. Значит, такова уж моя судьба... Но мы не должны терять ни минуты, пока не минуем владений моего отца!..

И, сказав так, она стегнула своего коня. Бахтияр стегнул своего, и они снова поскакали так, что ветер засвистел им навстречу.

Тихо скачущего пусть накажет небо!

Солнце уже скрылось за горами, когда они подъехали к столице другого государства.

На золото, что было в хурджуне, купили они дом с садом, цветником и фонтаном.

Бахтияр сменил своё пастушеское платье на богатый наряд и стал таким красивым, что сам царь не узнал бы в нём овечьего пастуха.

Казий[1] обвенчал красавицу Зарнияр с Бахтияром, и зажили они в своём новом доме весело и хорошо.

Ещё не исполнился сон, купленный Бахтияром, а уже был он богат и счастлив, словно во сне.

Только счастье что птица: сейчас тут, с тобой, а не успеешь оглянуться — и нет его, пропало.

Так и с Бахтияром.

Захотелось ему как-то, чтобы побрил его не простой брадобрей, а сам царский цирюльник. Пришёл к нему цирюльник. Но случилось, что по ошибке толкнул он не ту дверь и увидел красавицу Зарнияр-ханум. Увидел её, да так и зашатался, чуть не упал, ослеплённый красотой.

Кое-как побрил он Бахтияру голову и побежал прямо к царю.

— Царь,— закричал он на весь дворец,— да провалится твой трон! Да обагрится кровью твоё седло! Где твои глаза? Что ты сидишь здесь?

— Ну, что ещё случилось?— спрашивает царь.

Тут цирюльник стал рассказывать о красавице, жене чужестранца. Так рассказал, так расписал, что царь, даже не видя Зарнияр, влюбился, жить без неё не хочет.

Позвал своего визиря и говорит:

— Визирь, посоветуй, как быть, что делать? Я должен увидеть её.

— Да здравствует властелин мира!— говорит визирь.— Что может быть проще? Позови Бахтияра и скажи: «Завтра в

[1] *Казий* — священнослужитель, судья.

полдень жди меня в гости». А сам приди часом раньше. Войдёшь в дом нежданный и увидишь его жену.

Понравился царю совет визиря. Сейчас же велел он послать за Бахтияром, и, когда пришёл Бахтияр, царь сказал ему такие слова:

— Привет тебе, чужестранец! Пусть никто не обидит тебя. Слыхал я, что ты добрый человек, и я хочу оказать тебе великую милость. Завтра в полдень жди меня, буду твоим гостем.

Невесёлый вернулся Бахтияр домой — не пьёт, не ест, слова не молвит.

— Бахтияр,— говорит ему жена,— да буду я твоей жертвой, скажи, что с тобой? Мне жизнь не в жизнь, когда ты такой скучный. Или я надоела тебе? Что же я буду тогда делать? Пропаду на чужбине.

— О прекрасная Зарнияр-ханум,— отвечает ей Бахтияр,— раз уж не сумел я скрыть своей печали, узнай и ты, какая беда грозит нам. Царь хочет оказать нам милость, хочет быть моим гостем. А зачем мне его милость? Мне и без неё хорошо живётся. И зачем царю ходить ко мне в гости? Разве не довольно у него льстецов при дворе?

Услышала Зарнияр-ханум слова мужа, и защемило у неё сердце. Сразу поняла она, что царь задумал разлучить её с Бахтияром.

Но ничем не выдала она своих мыслей и весело сказала:

— Бахтияр, да буду я твоей жертвой! Отчего же всё-таки ты такой скучный? Разве это беда, что царь придёт к нам в гости? Все ещё больше станут уважать тебя, когда узнают, что сам царь приходит к тебе, чтобы провести с тобой время в доброй беседе. Ступай же скорей на базар, купи рис, фрукты и фазанов. Царя надо угостить по-царски. А печаль о завтрашнем дне оставь до завтра.

Так они и сделали. На другой день с раннего утра принялись они варить и жарить, мыть и убирать, чтобы достойно встретить гостей.

Хозяева ждут гостей к полудню, торопятся ко времени обед приготовить.

А царь торопится раньше времени в гости попасть, нежданным в дом войти.

И как сказал умный визирь, так и случилось: пришёл царь за час до полудня, толкнул, не постучавшись, дверь и увидел красавицу Зарнияр-ханум.

Оглянулась Зарнияр-ханум на царя, но ни слова не проронила, только чуть брови сдвинула. И в тот же миг точно острая стрела вылетела из её глаз и вонзилась в грудь царя.

Поражённый в самое сердце, упал царь без чувств.

Бросился к нему визирь, трясёт его, шепчет на ухо:

— Великий царь! Опомнись! Что с тобой?

Наконец поднял он царя и кое-как привёл его в чувство.

А тут и обед подали. Через силу попробовал царь того, другого и распрощался с хозяином. Идёт, одной рукой за сердце держится, другой рукой на визиря опирается.

Дома лёг царь в постель и говорит:

— Визирь! Дай совет, как быть? Эта красавица должна быть моей женой, иначе сердце моё разорвётся.

Визирь в ответ:

— Великий царь! Так просто нельзя у этого человека жену отнять. Что народ скажет? Ты ведь справедливый царь. Надо сперва от Бахтияра избавиться. Только просто так, без причины, казнить его тоже нельзя — народ обидится. Ты ведь милостивый царь. Поэтому совет мой таков: позови Бахтияра и прикажи ему принести тебе райских яблок. А где он найдёт райские яблоки? Нигде. Вот тогда ты отрубишь ему голову, а жену его возьмёшь себе.

Понравился царю совет визиря, и приказал он тотчас позвать к себе Бахтияра.

Пришёл Бахтияр.

— Послушай, друг,— сказал ему царь.— Видишь, заболел я. Лекари велели мне съесть яблоко с райского дерева. Будь же так добр, достань мне райских яблочек.

Бахтияр в ответ:

— Да здравствует царь! Я бы и рад послужить тебе, да откуда же мне, чужестранцу, знать, где в этой стране растут райские яблоки? Ты прикажи лучше своим людям — они скорее раздобудут тебе целебные плоды.

Рассердился царь.

— Много не болтай!— кричит.— Даю тебе сорок дней сроку. Не принесёшь райских яблок — велю голову тебе отрубить.

Печальный пришёл Бахтияр домой.

— Что случилось с тобой, Бахтияр?— спрашивает его жена.— Почему ты опять такой скучный?

— Пусть змея ужалит нашего царя,— в гневе сказал Бахтияр.— Хочет он, чтобы достал ему я райских яблок. Видно, задумал он извести меня, сжить со свету.

— Не печалься,— сказала Зарнияр-ханум.— Я помогу тебе. Вот возьми мой перстень и иди прямо на юг. Три дня и три ночи будешь идти и придёшь в царство дивов. Набросятся на тебя дивы, а ты не пугайся. Покажи им этот перстень — и не посмеют они даже пальцем тебя тронуть, всё исполнят, что только ни пожелаешь. Ведь перстень этот не простой, на нём печать самого царя дивов!

С этими словами сняла она перстень со своей руки и дала Бахтияру. И отправился Бахтияр в дальний путь за райскими яблоками.

Три дня и три ночи шёл, а на утро четвёртого дня пришёл он в страну дивов. И только ступил на их землю, как все дивы набросились на него, схватили его, чуть на части не разорвали. Едва-едва успел Бахтияр вытащить из кармана перстень.

Увидели дивы этот перстень и в страхе упали ниц перед Бахтияром.

— Приказывай,— говорят дивы.— Мы — твои слуги, ты — наш господин.

— Приказываю,— говорит Бахтияр,— достать мне райских яблок.

— Хорошо,— говорит один див,— только для этого надо нам отправиться в страну прекрасных пери. Садись ко мне на спину. Я перенесу тебя к ним.

Уселся Бахтияр на плечи к диву, и полетели они за облака. Три дня и три ночи летели по небу, а потом сели на землю на берегу быстрой реки около столетней чинары.

— Спрячься вот за этой чинарой и жди,— сказал див.— Скоро сюда прилетят прекрасные пери, дочери здешнего царя. Прилетят они в голубиной одежде, а потом обернутся девушками и будут купаться в этой реке. Тут уж ты не теряй времени: спрячь одежду одной из них и до тех пор не отдавай, пока не пообещают они исполнить всё, о чём ты ни попросишь. А когда получишь яблоки, перекинь кольцо с пальца на палец, и я снова явлюсь к тебе.

Сказал так див и пропал из виду. А Бахтияр притаился возле чинары, ждёт прекрасных пери.

Недолго ждал он, видит: летят к реке три сестры — три голубки. Сели они на берегу и повели между собой разговор.

Одна голубка говорит:

— Сёстры, раздевайтесь, будем купаться!

Другая говорит:

— Сёстры, я видела плохой сон, не надо сегодня купаться.

Третья говорит:

— О сестра, ведь мы прилетели сюда издалека. Неужто улетим, не искупавшись?

Наконец уговорили старшие младшую, обернулись девушками, скинули одежду и вошли в воду.

Тут выбежал Бахтияр из-за дерева, схватил платье — то, что лежало поближе,— и снова спрятался за чинарой.

А сёстры искупались, поплавали и вышли на берег.

Старшая оделась — голубкой обернулась, средняя оделась — голубкой обернулась, а младшая — та, что плохой сон видела,— не может своей одежды найти. Искали, искали сёстры её платье — нет его, точно и не было.

Тогда сказала старшая сестра громким голосом — так, чтобы и в южной стороне было слышно, и в северной, и в восточной, и в западной:

— Эй, откликнись тот, кто унёс одежду нашей сестры! Заклинаем тебя тем, во что ты веришь, выйди и верни то, что взял. Клянёмся тебе короной царя Соломона: всё, что захочешь, отдадим тебе, всё, что пожелаешь, исполним.

Услышал Бахтияр эти слова и вышел из-за чинары.

— Если так,— говорит,— принесите мне райских яблок, тогда отдам я платье вашей сестры.

Сказал — и в тот же миг взвилась одна голубка в поднебесье. Часа не прошло, а уж вернулась она и принесла в клюве ветку с райскими яблоками.

Взял Бахтияр яблоки, а голубкам отдал одежду их сестры. Потом перекинул кольцо с пальца на палец, и мигом явился перед ним див.

— Ну, садись ко мне на плечи,— говорит див,— да держись покрепче.

И снова полетели они под самыми облаками.

Летели, летели и спустились на землю в том самом месте, откуда поднялись.

Тут распрощался Бахтияр с дивом и пошёл дальше один.

Три дня и три ночи шёл он и наконец увидел стены своего города.

Не заходя домой, отправился Бахтияр прямо к царю.

— Будь счастлив, царь!— говорит.— Я принёс тебе райских яблок.

Царь смотрит на Бахтияра и глазам своим не верит.

— Ой, ой, вот радость-то какая!— говорит царь.— Бахтияр пришёл! Яблоки райские мне принёс! Вот уж спасибо тебе, друг! Вот уж спасибо!

Это на языке у него такие слова, а в мыслях — другое.

«Да обрушится кровля на его голову,— думает царь.— Да разверзнется земля под его ногами! Принёс ведь яблоки, пропади он пропадом!»

Только думай не думай, а делать нечего — пришлось царю наградить Бахтияра и с миром отпустить домой.

А дома ждала Бахтияра красавица-жена, ждал богатый пир.

Оставим же его за весёлой трапезой вместе с прекрасной Зарнияр-ханум и расскажем о царе.

Весь день ходил царь сам не свой. Наконец позвал он к себе визиря.

— Визирь,— говорит,— дай мне совет. Что делать? Как быть? Куда бы его послать, чтобы он больше не вернулся?

— Да здравствует царь!— отвечает визирь.— Есть такое место, откуда он не может вернуться. Вели ему принести розу из сада Гюлистана Ирама. А разве он достанет розу Гюлистана Ирама? Не достанет. Ни один смертный дороги туда не находил.

— Ну спасибо тебе, хорошо ты посоветовал,— сказал царь.

Кое-как дождался он утра и послал за Бахтияром.

— Бахтияр,— говорит,— во всём моём царстве нет второго такого молодца, как ты. Кто, кроме тебя, достал бы мне райские яблоки? Никто. Будь и на этот раз мне другом, не откажи, принеси мне розу из сада Гюлистана Ирама. Даю тебе сорок дней сроку. А не принесёшь — велю тебе голову отрубить.

Молча выслушал Бахтияр царя, и даже слова не сказал. Поклонился и пошёл домой.

Сразу увидела прекрасная Зарнияр-ханум, что невесёлый вернулся Бахтияр от царя.

— Бахтияр,— говорит она ему,— почему ты такой грустный? Разве ты не знаешь, что когда тебе невесело, и мне скучно?

— Как же мне быть весёлым,— говорит Бахтияр,— когда всей жизни осталось мне сорок дней? Царь велел мне принести розу из сада Гюлистана Ирама. А как мне достать эту розу? И где он, этот сад? И есть ли он где-нибудь?

— И это вся твоя беда?— рассмеялась Зарнияр-ханум.

— А разве это не беда?— удивился Бахтияр.

— Ну так слушай меня хорошенько, Бахтияр,— сказала Зарнияр-ханум.— Знаю я заветный лох — волшебный стих, а кто знает его, тому открыта дорога в сад Гюлистана Ирама. Я расскажу тебе этот стих. Ты закроешь глаза и прочтёшь его. Откроешь глаза — и в саду Гюлистана Ирама будешь. Там увидишь ты девушек. Какая из них лучше, какая хуже — никто не скажет. Но одна среди них, как солнце среди звёзд, всех своей красотой затмевает. Зовут ее Гюли-гах-гах-ханум, потому что, когда улыбается она, с губ её падают розы. Ты возьми одну розу и скорей закрой глаза. Потом снова прочти заветный лох, и опять домой вернёшься. Но помни, на красавицу не заглядывайся, не то беда случится.

Тут прошептала она ему на ухо заветные слова, и снова отправился Бахтияр в путь.

Пройдя городские ворота, остановился он, закрыл покрепче глаза и, словно молитву, прочёл волшебный стих. И только сказал последнее слово — подхватила его какая-то сила, подняла и понесла по воздуху. От удивления Бахтияр даже глаза открыл. Открыл — и в тот же миг ноги его коснулись земли.

Огляделся Бахтияр по сторонам и сам себе не поверил. В жизни не видел он такой красоты.

Повсюду розы цветут, соловьи свистят, фонтаны журчат. И среди цветов и фонтанов танцуют и поют сорок прелестных девушек.

Видно, бог создал их в чудный день, в чудный час.

Но одна среди них своей красотой всех затмевает. Солнцу поутру скажешь: не поднимайся — она поднялась, луне в полночь скажешь: не выходи — она вышла,— такая это красавица.

Взглянул на неё Бахтияр и с трудом глаза отвёл. Но не удержался, ещё раз взглянул, да так и не смог больше оторвать от неё глаз. Обо всём на свете забыл он: и о розе забыл, и о царе забыл, и откуда пришёл, и зачем пришёл.

Оставим же его теперь в саду Гюлистана Ирама и расскажем о Зарнияр-ханум.

День ждала Зарнияр-ханум мужа, два дня ждала, десять дней ждала, двадцать дней ждала. Вот уже тридцать девять дней прошло, сороковой наступил, а Бахтияра всё нет.

«Видно, околдовала его Гюли-гах-гах-ханум,— думает Зарнияр,— и не уйти ему теперь самому из сада Гюлистана Ирама».

Закрыла она тут глаза и прочла заветный лох — волшебный стих. Прочла — и в тот же миг очутилась в саду Гюлистана Ирама.

Смотрит — так и есть: Гюли-гах-гах-ханум с девушками хоровод водит, а Бахтияр тут же стоит, глаз от неё отвести не может.

Весело в саду, смеются девушки, смеётся Гюли-гах-гах-ханум, и розы с её губ так дождём и сыплются — всю землю точно душистым ковром покрыли.

— Иди к нам в хоровод,— зовут девушки Зарнияр-ханум.

— До хоровода ли мне,— отвечает она девушкам, а сама обернулась голубкой, Бахтияра превратила в палочку и полетела с ним из сада Гюлистана Ирама. И розу взять не забыла, вместе с палочкой в клюве несёт.

А когда прилетели они домой, голубка красавицей Зарнияр обернулась, а палочка — Бахтияром.

Едва переступил Бахтияр порог своего дома, как сразу вернулась к нему память. Стыдно тогда стало, что пришёл он с пустыми руками.

«Может, ещё успею я до захода солнца розу принести»,— подумал Бахтияр.

Бросился он из дому и уже глаза закрыл, уже первые слова волшебного стиха произнёс, но тут же подбежала к нему Зарнияр-ханум, взяла его за руки и говорит:

— Бахтияр! Что задумал ты? Вернись домой! Посмотри, что ждёт тебя дома!

Вернулся Бахтияр в дом. Взглянул — что за диво!— роза из сада Гюлистана Ирама лежит на столе.

— Не теряй времени, Бахтияр,— говорит ему жена.— Бери эту розу и ступай скорей к царю. Уже сороковой день на исходе.

Бахтияр так и сделал — схватил розу и побежал во дворец.

Царь даже рот раскрыл от удивления.

— Ай-ай-ай!— говорит.— Бахтияр жив-здоров, ко мне пришёл, мне розу принёс! Вот счастье, вот удача!

Обнимает царь Бахтияра, а сам думает: «Вот горе, вот беда! Как же мне от него избавиться?»

И не успел Бахтияр дворец покинуть, снова зовёт царь своего визиря.

— Визирь,— плачет царь,— что же делать? Как быть? Его хоть в преисподнюю пошли, хоть под седьмой слой земли загони — он всё равно живой возвратится. Визирь, дай совет! Иначе разорвётся у меня печень!

Не знает визирь, что и делать. Час думал, два часа думал — и вдруг ударил себя по лбу.

— Придумал!— говорит.— Придумал, великий царь! Прикажи Бахтияру, чтобы сходил он на тот свет, проведал твоих родителей. Это дело верное — кто на тот свет отправится, тому

на этот свет уж не вернуться.

Очень понравился царю совет визиря. Тотчас послал он за Бахтияром, и, когда пришёл тот, сказал ему царь:

— Бахтияр, друг, нужна твоя помощь. Давно не видел я своих батюшку с матушкой, с самой их смерти не видел, и очень по ним соскучился. Прошу тебя, друг, сходи на тот свет, проведай, как они живут, здоровы ли, веселы ли! И от меня привет передай.

— Царь, будь справедлив!— взмолился Бахтияр.— Ты невозможного требуешь!

А царь в ответ:

— Слышать ничего не хочу. Даю тебе сорок дней сроку. Если сам на тот свет дороги не найдёшь, мой палач поможет тебе. Так и запомни.

Пришёл Бахтияр домой, а Зарнияр-ханум смотрит на него и глазам своим не верит: будто и он это, и не он.

— Эй, Бахтияр,— говорит Зарнияр-ханум,— что это ты словно мертвец какой, только хоронить тебя некому?

— Я и вправду уже мертвец,— говорит Бахтияр,— хоть и не умер ещё. Царь приказал мне отправиться на тот свет, родителей его проведать, весточку от них принести. Как же выполнить мне такое приказание? На тот свет не найти живому дороги, а мёртвому на этот свет не вернуться.

— Ну, твоей беде помочь можно,— сказала Зарнияр-ханум.— Пойди скажи царю, пусть прикажет сложить на площади побольше дров да облить их хорошенько маслом. Потом взберись на самый верх дровяной горы и вели зажигать костёр. Запылает масло, поднимется кверху густой чёрный дым и скроет тебя от глаз людей. А я тем временем обернусь голубкой, тебя превращу в палочку и вынесу из огня целым и невредимым. А что дальше будет, о том не горюй,— увидишь, как я с царём расправлюсь.

У Бахтияра от радости все косточки заплясали.

Пошёл он тотчас к царю и говорит:

— Да здравствует царь! Прикажи, милостивый царь, сложить на площади сорок вьюков дров и вылить на них сто бочек масла. А я заберусь на самый верх, и, когда подожгут дрова, огонь меня прямо на небо поднимет, до самого того света донесёт. Только смотри не пожалей дров, чтобы сильным пламя было.

— Да что ты, друг! Разве я пожалею?!— говорит царь.— Ведь для себя стараюсь.

И сейчас же приказал выложить на площади не сорок, а сто вьюков дров.

«Пусть,— думает,— даже кости его сгорят, чтобы и следа от него не осталось».

Вот сложили царские слуги посреди площади целую гору дров.

Взобрался на неё Бахтияр и кричит вниз:

— Эй, вы! Зажигайте скорее! Пора мне на тот свет отправляться!

— Да будет лёгким твой путь!— сказал царь и собственными руками поджёг дрова.

Рядом с царём визирь и цирюльник стоят, масло в огонь подливают.

— Наших родителей тоже навестить не забудь!— кричат Бахтияру.— Наш сыновний привет им передай!

А пламя уже со всех сторон костёр охватило. Запылали, затрещали, задымились дрова, искры и дым столбом взвились в небо и закрыли Бахтияра от людских глаз.

Тут, не теряя времени, Зарнияр-ханум обернулась голубкой, Бахтияра превратила в палочку и целым и невредимым вынесла его из огня.

А царь с визирем и цирюльником всю ночь напролёт не спали — то масла в огонь подбавят, то полено подкинут.

Оставим же их стоящими у костра, а сами пойдём в дом Бахтияра.

До рассвета пировал Бахтияр со своей прекрасной женой. И все тридцать девять дней — день за днём — провели они в веселье и удовольствиях. А когда занялся сороковой день, сказала Зарнияр-ханум такие слова:

— Пусть здравствует царь! Его милостью мы неплохо повеселились. Теперь пришло время и его повеселить. Царь хотел получить весточку от отца. Что ж! Пусть достигнет он желанного.

Взяла она тут свиток и написала на нём вот что:

«Да почернеет твоё лицо, наш сын! Да ослепнут твои глаза! Ты послал Бахтияра навестить нас, а сам прийти поленился. Горе сыну, забывшему своего отца, горе отпрыску, забывшему свой род. Пока не поздно, отклони проклятие от своей головы, приди к нам, чтобы могли мы порадоваться, глядя на тебя».

И внизу, точно подпись, вывела имена всех предков царя до седьмого колена.

Потом написала такое же послание визирю.

И цирюльника не забыла, ему тоже приглашение на тот свет приготовила.

Все три свитка положила она в сумку Бахтияра и, пока ещё не взошло солнце, повела его на городскую площадь. Там усадила его посреди пепелища, велела закрыть глаза и рот и засыпала его с ног до головы золой.

А дальше вот что было.

Утром, чуть только проснулся царь, позвал он своего визиря и цирюльника, и пошли они на городскую площадь. Там взялись они за лопаты и стали перекапывать золу, что осталась от пожарища,— по сторонам её разбрасывают, по ветру развеивают. Пусть народ видит, что нет больше на земле Бахтияра, пропал он, не вернулся с того света.

Половину золы уже переворошили, и вдруг зашевелилась куча, задвигалась, сама собой осыпаться стала. И из самой

середины выскочил Бахтияр. Голова серая, руки серые, весь серый. Отплёвывается, отряхивается, а потом поклонился царю и говорит:

— Да здравствует царь! Ну и торопился же я! Боялся к сроку опоздать, твою милость прогневить. Спасибо тебе, что навстречу мне пошёл, дорогу порасчистил. А приказ твой я выполнил. Батюшку и матушку твоих повидал, твой привет им передал. Они хоть и не живы, а здоровы. Дом их в райском саду стоит, выйдешь на крыльцо — с одной стороны молочное озеро, с другой — медовая река. Всем они довольны, только вот на тебя в обиде,— да простятся мне эти слова, да не обрушится твой гнев на мою голову.

— А моих родителей видел?— спрашивает визирь.

— Как же, видел,— говорит Бахтияр.— И твоих, и цирюльниковых. Они и там отцу царёву служат так же, как вы здесь служите своему царю. Да вот они вам и написали.— И вытащил из сумки три свитка.

Прочёл царь — до самых ушей покраснел.

Прочёл визирь — до корней волос краской залился.

Прочёл цирюльник — даже лысина у него загорелась.

Прочли все трое, и друг на друга смотреть стыдятся.

Наконец говорит царь:

— Бахтияр, если мне на тот свет идти, сколько дров понадобится?

— И я тоже не прочь родителей проведать,— говорит визирь.

— Да уж и меня с собой возьмите,— говорит цирюльник.

— Ну, на вас всех много дров надо, не менее пятисот вьюков,— говорит Бахтияр.

Тут велел царь сложить на площади пятьсот вьюков дров. Потом забрался со всем своим семейством, визирем и цирюльником на самый верх дровяной горы и приказал поджигать дрова сразу с четырёх сторон.

Небывалый огонь поднялся к небу и унёс царя со всем семейством, с визирем и цирюльником на тот свет.

А народ выбрал Бахтияра своим царём, и стал он царствовать, да так хорошо и справедливо, что все кругом только и говорили: «И куда мы раньше смотрели! Давно бы надо было так!»

Вот и царём стал Бахтияр. И жена у него среди красавиц первая красавица, и дворец у него самый богатый. Всего он достиг, о чём даже не мечтал. Всё, что и во сне не снилось, наяву сбывалось. А сон не сбылся. И не знает Бахтияр, где искать его, как найти. Ведь стадо овец отдал он за этот сон да в придачу ещё своё имя!

Только недаром говорят: где ищешь — там не найдёшь, где не ждёшь — там встретишь.

Как-то вечером вернулся Бахтияр из судилища, вошёл в покои своей жены и видит, что спит Зарнияр-ханум крепким сном. Не стал Бахтияр её будить, завернулся в свою царскую мантию, как прежде заворачивался в пастушеский плащ, и лёг на полу.

Ноги к подбородку поджал, голову в плечи вобрал и заснул крепким сном.

В полночь Зарнияр-ханум проснулась и видит, спит в её покоях какой-то чужой человек. Подняла она своих служанок, смотрят все на него, не знают, что делать,— то ли за стражей бежать, то ли самим пришельца убить.

И вдруг Зарнияр-ханум говорит:

— Где же вы были, мои глаза! Это ведь сам Бахтияр! Я знаю, он раньше был пастухом. Он привык так спать. Ступайте к себе, а я посижу около него, сон его постерегу.

Ушли служанки, Зарнияр-ханум села возле Бахтияра, сидит стережёт его сон.

Среди ночи проснулся Бахтияр, посмотрел на Зарнияр-ханум и, словно от яркого света, зажмурился. Потом снова открыл глаза, снова посмотрел на неё, и вдруг как начнёт смеяться!

Не понимает прекрасная Зарнияр-ханум, что это с её мужем сделалось, отчего он так развеселился.

— Бахтияр,— спрашивает,— что с тобой? Почему, глядя на меня, ты не можешь удержаться от смеха?

А Бахтияр в ответ:

— Не над тобой я смеюсь. А смеюсь я от радости, потому что исполнился наконец мой сон, который я купил у одного старика. Это не простой был сон. Приснилось ему, что среди ночи взошло солнце и светит над его головой. Люди говорят, что не бывает так, а вот случилось, потому что ты, Зарнияр-ханум, моё солнце. И знай ещё, что зовут меня не Бахтияр. Имя это я купил вместе с этим сном. А настоящее моё имя — Мелик-Мемед.

Вот и всё

Бахтияр сон нашёл — сказке конец пришёл.

С неба упало три яблока: одно — мне, другое — тебе, третье — тому, кто сказку рассказал.

Литовские народные сказки

МОРОЗ И МОРОЗЕЦ

Жил-был на свете старый седой Мороз. И был у него молодой сын.

Ну и любил же он похвастаться, этот молодой Морозец! Только, бывало, и твердит: «Отец уже стар, плохо своё дело делает. А вот я — молодой да сильный. Я как возьмусь, так сразу всё кругом заморожу».

Вот раз видит Морозец: едет в город толстый пан в меховой шубе.

«Ну,— думает Морозец,— покажу я на этом пане всю свою силу. Старику-то, моему отцу, его ни за что не пронять, а я разом прохвачу».

Всю дорогу бежал он за паном, насквозь его пробрал, с головы до ног.

И на обратном пути от него не отставал, до самого дома проводил.

Как приехал пан домой, так и помер.

Расхвастался Морозец перед отцом:

— Где тебе, старому, такого толстого пана, да ещё в такой толстой шубе, заморозить! А вот я так сразу донял!

— Молодец!— говорит старый Мороз.— Шуточное ли дело — этакого пана, да ещё в шубе, одолел! А ну-ка заморозь теперь вон того мужика! Видишь? В лесу дрова рубит.

Посмотрел на мужика Морозец, и смешно ему стало: шубёнка на мужике дырявая, и шапка не лучше, и сам он тощий — одна кожа да кости.

— Ну, это разве работа?— говорит Морозец.— Мне на него только раз дунуть — он и готов.

Налетел Морозец на мужика, да как начал его пробирать то с одного бока, то с другого, то в лицо дохнёт, то за шиворот заберётся, изо всех сил старается.

А мужику хоть бы что, только сильней топором машет, да пот со лба вытирает.

— Ух,— говорит,— жарко!

Устал наконец Морозец.

«Ладно,— думает,— я тебя всё равно перехитрю. Ещё узнаешь меня!»

И забрался мужику в рукавицы — мужик-то до того разжёгся, что снял их и на дрова кинул.

Вот нарубил мужик дров, увязал их, шапку поглубже нахлобучил и взялся за свои рукавицы. Смотрит, а они насквозь промёрзли, не гнутся даже, точно ледяные. Что тут делать? Взял он топор и давай обухом рукавицы колотить да разминать. Так Морозцу бока намял, что тот насилу до дому доплёлся.

А старый Мороз как увидел сына, засмеялся и говорит:

— Вот тебе, простаку, наука! Силы-то в тебе много, а ума ещё на набрался.

ДРОВОСЕКОВА КРАЮШКА

Жил один бедный человек. Беднее его во всей деревне не было.

Пошёл он как-то в лес на целый день рубить дрова. Жена дала ему маленькую краюшку хлеба — больше-то она ему ничего не могла дать.

— Невелика,— говорит,— эта краюшка, ну да ничего: досыта не наешься, зато и с голоду не умрёшь!

Пришёл дровосек в лес, выбрал подходящее местечко. Краюшку хлеба положил на пень и принялся рубить дрова. Рубит — только топор поблёскивает, да щепки во все стороны летят.

Выглянул из ямы чертёнок. Смотрит — человек дрова рубит, а на пне краюшка хлеба лежит. Он — хвать!— и утащил эту краюшку. Прибежал и стал перед другими чертями хвастаться: «Вот какое дело я сделал!»

Рассердились на него черти, стали кричать, стали прочь гнать:

— Бессовестный ты! Ишь что выдумал: отнял у бедного человека последний хлеб, да ещё и хвастается! Убирайся прочь и до тех пор к нам не возвращайся, пока не отработаешь дровосеку за его краюшку! Пошёл!

Чертёнку нечего делать — приплёлся он к дровосеку.

Стал просить:

— Прими меня, добрый человек, в работники! Я тебе помогу работать. Что прикажешь — всё сделаю!

Подумал-подумал дровосек и говорит:

— Какую же тебе, такому заморышу, работу дам? Не нужен ты мне! Со своей работой я и сам управлюсь.

Тогда чертёнок сказал ему:

— Погоди, добрый человек! Не гони меня. Хочу я свою вину перед тобой загладить. Самую трудную работу мне поручи — всё выполню!

Подумал-подумал дровосек и говорит:

— Есть у здешнего богатого пана в лесу топкие, ненужные болотца. Сможешь ли ты эти болотца осушить?

— Смогу!

— Ну, тогда я попрошу пана, чтобы он мне разрешил эти болотца распахать да рожью засеять. Может, он и позволит...

— Да вырастет ли на этих болотцах рожь? Подумай-ка ты!— говорит чертёнок.

— Если мы их хорошенько осушим, очистим да распашем, хорошая рожь вырастет.

— Ну ладно!— говорит чертёнок.— Иди к пану, проси те топкие болотца! Если пан позволит — живо их осушим!

Пошёл дровосек к пану, стал просить:

— Позволь мне, пан, осушить в твоём лесу болотца и распахать их под пашню. Хочу там рожь посеять.

Удивился пан. Как это мужик болото в пашню превратит? Ничего у него не получится, только зря силы потеряет.

— Ладно,— говорит,— работай, я не запрещаю.

Поблагодарил дровосек пана, пошёл домой. А чертёнок сидит, ждёт не дождётся его.

— Ну,— спрашивает,— какие новости принёс?

Дровосек говорит:

— Позволил пан. Да сможем ли мы там что-нибудь сделать? Не верится мне что-то...

— Не беспокойся,— отвечает чертёнок,— сделаем! Всё будет хорошо!

Прошли они в тот лес, нашли болотца. Принялся тут чертёнок за работу — целые деревья с корнями вырывает, в сторону бросает. Всё выкорчевал, очистил, воду отвёл. Сам и пашню распахал. Посеяли они там много ржи, и выросла рожь на славу — густая, колосистая — такой в этих местах никогда и не видывали.

Проведал об этом пан. Приехал в лес, осмотрел рожь и говорит:

— Земля эта моя, значит, и рожь моя!

И не разрешил дровосеку жать рожь. Послал на пашню своих работников. Сжали работники дровосеку рожь, свезли на панский двор и сложили в большой сарай. Доволен пан, что без всяких хлопот столько ржи собрал.

А дровосек и чертёнок загоревали, опечалились: очень им было обидно, что зря они трудились, на жадного пана работали.

— Погоди,— говорит чертёнок дровосеку,— придумал я одну штуку! Пойду я сейчас к пану, попрошу, чтобы он позволил хоть один сноп нашей ржи взять.

— Хорошо,— отвечает дровосек,— ступай, может быть, и выпросишь.

Побежал чертёнок к пану, стал просить:

— Ой, пан! Мы так мучились, так трудились, пока расчистили болото и засеяли его рожью! А ты теперь отнял её у нас. Позволь нам хоть один сноп взять!

Взглянул пан на маленького тощего чертёнка, засмеялся и молвил:

— Что ж, я не жадный: бери, сколько сам можешь за один раз унести!

Побежал чертёнок к дровосеку и говорит:

— Покупай скорее конопли, да побольше: я совью из той конопли верёвку и пойду к пану за рожью. Он разрешил взять столько, сколько я на себе смогу унести!

Купил дровосек конопли, и свили они длинную-предлинную верёвку. Взял чертёнок ту верёвку и побежал к пану. Прибежал, растянул верёвку возле сарая, сложил на неё всю рожь, сколько её в сарае было, и понёс дровосеку.

Пан увидел это — прямо онемел, не знает, что и говорить, что и делать.

Опомнился он и закричал:

— Эй, слуги! Откройте скорее хлев, выпустите наших бодучих быков: пусть они забодают этого негодника!

Открыли слуги хлев, выпустили быков. А быки эти были такие злые, такие сильные, что никто к ним и подойти близко не смел. Замычали, заревели быки, опустили свои острые рога и побежали за чертёнком.

Смотрит пан, радуется.

«Ну,— думает,— сейчас они его забодают на месте!»

Да не тут-то было: только быки подбежали к чертёнку, он повернулся, схватил их, положил на свою охапку ржи и понёс дровосеку. Пан как увидел это — от злости замертво упал.

А чертёнок пришёл к дровосеку и говорит:

— Принимай, хозяин! И рожь, и быки — всё наше.

Стал дровосек благодарить чертёнка, а чертёнок говорит:

— Не благодари ты меня, пожалуйста! Не за что меня благодарить. Ты лучше скажи мне: заработал ли я ту краюшку хлеба, которую утащил у тебя, когда ты в лесу дрова рубил?

— Вот чудак ты!— говорит дровосек.— Стоит ли вспоминать о такой маленькой краюшке! Ты за эту краюшку мне столько всякого добра дал, что я и принять не смею!

— Не беспокойся,— отвечает чертёнок,— не так-то много я тебе принёс! Если ты доволен, то мне больше ничего и не надо — я могу снова к своим вернуться.

— Возвращайся,— говорит дровосек.— Я очень доволен!

— Ну и я доволен: теперь наши меня не выгонят, не скажут, что я бедного человека обидел!

Сказал так чертёнок и убежал.

Молдавские народные сказки

КАК БРАТЬЯ ОТЦОВСКИЙ КЛАД НАШЛИ

Жил когда-то на свете один человек. У него было три сына. Был тот человек старательный и трудолюбивый, никогда без дела не сидел. Работал он с раннего утра до позднего вечера не зная устали. Везде поспевал.

Сыновья у него были рослые, красивые, сильные, а работать не любили.

Отец и в поле, и в саду, и дома трудился, а сыновья сидели под деревьями в тени и болтали или ходили на Днестр рыбу ловить.

— Что же вы не работаете никогда? Почему отцу никогда не помогаете?— спрашивали их соседи.

— А зачем нам работать?— отвечали сыновья.— О нас отец заботится, он везде сам справляется!

Так они жили год за годом.

Сыновья выросли, а отец постарел, ослабел и не мог уже работать как прежде. Запустел у них сад около дома, заросло поле сорной травой.

Видят это сыновья, а работать не хотят.

— Что же вы, сынки, без дела сидите?— спрашивает их отец.— Пока я был молод, я работал, а теперь ваша пора пришла.

— Успеем ещё поработать,— отвечают сыновья.

Горько стало старику, что сыновья у него такие лентяи. Заболел он от горя и слёг в постель.

Тут уж семья совсем в бедность пришла. Сад весь зарос, одичал, выросли в нём крапива да бурьян, так что из-за них даже дома не было видно.

Однажды созвал старик своих сыновей и сказал им:

— Ну, сынки, пришёл мой смертный час. Как вы теперь без меня жить будете? Трудиться вы не любите и не умеете.

Сжались у сыновей сердца, заплакали они.

— Скажи нам, отец, что-нибудь напоследок, посоветуй что-нибудь!— попросил старший сын.

— Хорошо!— сказал отец.— Открою я вам одну тайну. Все вы знаете, что я и покойная ваша мать работали не покладая рук. За долгие годы скопили мы для вас богатство — горшок с золотом. Закопал я этот горшок возле дома, только не помню, в каком месте. Ищите мой клад, и тогда будете вы жить не зная нужды.

Простился отец с сыновьями и умер.

Похоронили сыновья старика, погоревали. Потом старший брат сказал:

— Что ж, братья, дошли мы до большой бедности, не на что даже хлеба купить. Помните, что отец перед смертью говорил? Давайте искать горшок с золотом!

Взяли братья заступы и стали копать возле самого дома небольшие ямки. Покопали они, покопали, а горшок с золотом найти не смогли.

Тогда средний брат говорит:

— Братья! Если мы так будем копать, то никогда не найдём отцовского клада. Давайте раскопаем всю землю вокруг нашего дома!

Братья согласились. Снова взялись за свои заступы, вскопали всю землю, а горшка с золотом так и не нашли.

— Эх,— говорит младший брат,— давайте вскопаем землю ещё раз, да поглубже! Может, отец закопал горшок с золотом глубоко?

Согласились братья. Очень уж хотелось им разыскать отцовский клад.

Снова принялись все за работу.

Копал-копал старший брат — вдруг наткнулся лопатой на что-то большое и твёрдое. Забилось у него сердце, кликнул он своих братьев:

— Идите скорей ко мне: я отцовский клад нашёл!

Прибежали средний и младший братья, стали помогать старшему.

Трудились, трудились и выкопали из земли не горшок с золотом, а тяжёлый камень.

Обидно им стало, они и говорят:

— Что же нам с этим камнем делать? Не оставлять же здесь! Отнесём его подальше да бросим в овраг.

Так они и сделали. Убрали камень и опять принялись землю раскапывать. Перекопали ещё раз свою землю. Земля стала пышная и мягкая. А горшка с золотом так и не нашли.

— Что же,— говорит старший брат,— раскопали мы землю — не пустовать же ей! Давайте посадим на этой земле виноград.

— Верно!— говорят братья.— Хоть не даром пропадут наши труды.

Посадили они виноградные лозы и стали ухаживать за ними.

Немного времени прошло — разросся у них большой да хороший виноградник. Созрели сочные, сладкие гроздья.

Собрали братья богатый урожай. Оставили себе сколько нужно, а остальное продали — много денег получили.

Тогда сказал старший брат:

— Недаром мы раскопали всю нашу землю: нашли мы в ней драгоценный клад, о котором нам перед смертью отец говорил.

КАК ФЭТ-ФРУМОС СОЛНЦЕ ОСВОБОДИЛ

Давно ли это было или недавно, о том молчит сказка. Но, верно, очень давно. Великое горе царило тогда на земле. Не всходило поутру солнце, не грело, не светило. Тьма кромешная стояла кругом.

Однако прадеды и деды рассказывали, что когда-то тёмная ночь сменялась ясным днём, небо становилось голубым, солнце сияло над землёй. Но потом драконы украли солнце и неведомо куда спрятали.

В ту тяжёлую пору на опушке леса жил бедняк с женой. Ничего-то у них не было. Подчас в доме ни крошки хлеба не сыщешь. А ведь бедняк работящим был человеком.

Однажды пришёл он домой и сказал:

— Сговорились такие же бедняки, как мы с тобой, идти солнце из неволи вызволять. Пойду и я с ними.

Как ни плакала жена, он собрался и ушёл. Да так и не вернулся. Словно в воду канул.

Осталась бы женщина одна-одинёшенька, да вскоре родился у неё сын. Не налюбуется мать на него.

Дали ему имя Ион, а она иначе как Ионикэ — сынок-красавец его не называла. По-нашему, по-молдавски, это звучит так же ласково: Ионикэ Фэт-Фрумос.

Удивительный был паренёк Ионикэ. Трёх лет ему ещё не было, а он уж принялся матери во всём помогать. Но жили они всё в той же нужде.

И вот спрашивает как-то Ионикэ Фэт-Фрумос у матери:

— Скажи мне, что делал отец? Может, мне тем же делом заняться?

Горько заплакала бедная женщина. Боялась она говорить правду.

Но Фэт-Фрумос снова и снова спрашивал об отце. И наконец она ему рассказала всё. И случилось то, чего мать так боялась. Запали Ионикэ Фэт-Фрумосу в душу слова её — про ясное солнце, что в давние времена свет и тепло дарило земле.

Работает Фэт-Фрумос — о солнце думает. Спит — солнце ему во сне видится.

Сама собой сложилась у него песня. Куда ни пойдёт, что ни делает — эту песню поёт:

Украли солнце драконы —
Свет затемнился белый.
Сокрушит драконьи законы
Только сильный и смелый.
Только герой беззаветный
Выпустит солнце в небо.
Вдоволь всем будет света,
Счастья, тепла и хлеба.

Вот подрасту немного —
Сил и ума прибавится.
И тогда наконец в дорогу
Я за солнцем смогу отправиться.

Однажды собирал Ионикэ в лесу хворост да пел свою песню. В ту пору проезжал по дороге царь той страны по прозванью Чёрный. Услыхал он песню и задумался: «Всё у меня есть, чего душе угодно. Одного только солнца нет. Завладеть бы им — весь мир бы покорил!»

Велел царь остановить карету и привести к нему певца.

Нашли слуги Фэт-Фрумоса, привели. Царь спрашивает:

— Это ты пел? Кто тебя такой песне научил?

— Сам я сложил эту песню. Что задумал, про то и пою.

Не видит царь, с кем говорит, а по голосу слышит, что перед ним мальчик, и лет ему этак с пятнадцать.

— Как тебя зовут?— спрашивает царь.

— Зовут Ионикэ, прозывают Фэт-Фрумос.

— Ну вот что, Ионикэ,— говорит царь Чёрный,— коли ты и вправду задумал солнце освободить, помогу я тебе. Возьму во дворец, чтобы ты побыстрее сил набрался. Помогу и в дорогу собраться. Пойдёшь ко мне?

— Я пошёл бы,— отвечает Ионикэ,— да жалко мать одну оставлять.

— За чем дело стало?— говорит царь.— Возьмём и её во дворец.

Увёз царь Фэт-Фрумоса. А мать не пошла во дворец. Велела слугам передать поклон сыну да сказать, что ждать его она будет в родной хижине.

Пожил Ионикэ Фэт-Фрумос во дворце сколько-то времени. Заиграла в нём сила. Ребром ладони ударит по скале — надвое скалу расколет. Сожмёт булыжник — песок из кулака сыплется.

Решил Ионикэ Фэт-Фрумос, что пора в путь собираться.

Царь Чёрный ему говорит:

— Подбери по руке саблю и булаву да коня выбери себе по нраву.

Взял Ионикэ саблю поострее, булаву потяжелее и отправился на конюшню. Стоят кони сытые, холёные. Только на какого коня Фэт-Фрумос руку не положит — конь с ног валится.

— Ну, эти мне в пути не товарищи!— рассердился Ионикэ.

Тут в самом углу конюшни заржал конёк, забил копытами. Захудалый такой, ростом невелик, грива свалялась.

— А это и вовсе жалкая кляча,— сказал Ионикэ и хлопнул конька по спине.

Но конёк и не шелохнулся. Тянет морду к Фэт-Фрумосу, будто сказать хочет: «Надень на меня узду. Буду тебе верным слугой».

Фэт-Фрумос и надел узду. Встряхнулся огневой скакун, лучшего и не сыщешь. Оседлал его Фэт-Фрумос, вскочил в седло.

Пустился конь рысью. Из-под копыт искры летят, путь освещают. Гудит земля, в дальних горах эхо отзывается.

Долго ли, коротко ли ехал Ионикэ Фэт-Фрумос, а притомился под ним конь, и сам всадник устал. У моста через реку спешился Ионикэ, пустил коня пастись, а сам прилёг отдохнуть.

Только успел задремать, слышит — скачет кто-то на той стороне реки. Вот подъехал к мосту. Стукнул конь копытами о мост, захрапел и назад попятился. Ударил его всадник плетью, заругался:

— Ах ты кляча, съешь тебя пёс! Чего испугался?! Хвалился, что только богатыря Фэт-Фрумоса боишься!

Вскочил тут Ионикэ, крикнул:

— Недаром твой конь испугался. Я Фэт-Фрумос и есть.

Засмеялся всадник так, что волны по реке заходили.

— Больно ты смел! Да знаешь ли ты, что я Сумрак-дракон — тот, кто солнце с неба украл и в темницу запер. Уходи!

— Не уйду. Давай бороться,— отвечает Фэт-Фрумос.

Слез Сумрак с коня. Стали они бороться. Приподнял дракон Фэт-Фрумоса, размахнулся — Ионикэ по щиколотку в земле увяз. Но потом Ионикэ дракона по колени в землю вогнал. Разгорячились бойцы. Ухватил дракон Фэт-Фрумоса покрепче, над головой поднял, закрутил и бросил. Фэт-Фрумос в землю по пояс вошёл. Разъярился он, перебросил дракона через плечо с такой силой, что вбил его в землю по шею. Выхватил Фэт-Фрумос острую саблю и срубил ему голову.

Вскочил тут Фэт-Фрумос на коня, поехал дальше.

Ехал, ехал, и опять перерезала ему дорогу река. Остановился Ионикэ у моста, подумал: «Отдохну. Кто знает, что впереди ждёт?» Пустил он коня на волю, сел у обочины, песню свою запел:

Украли солнце драконы —
Свет затемнился белый.
Сокрушит драконьи законы
Только сильный и смелый...

Допел песню, слышит — цок, цок!— стучат конские копыта по ту сторону реки. Доскакал конь до места, захрапел, попятился.

Бранится всадник:

— Ах ты волчья приманка, воронье угощенье! Чего пятишься?! Ты твердил, что только Фэт-Фрумоса испугался бы!

— Фэт-Фрумоса он и испугался!— закричал Ионикэ.— Ты кто такой?

— Я — Вечер-дракон, не тебе, букашке, ровня. Дохну я разок — всё живое на земле глаза смыкает. Давай бороться, или вон с дороги!

Стали они бороться. Долго бились они — не на жизнь, а на смерть. А всё-таки одолел Фэт-Фрумос. Вогнал дракона по шею в землю и срубил ему голову.

Напился Ионикэ воды из речки, поехал дальше. Ехал и долиной, и лесом. Остановился у третьей реки, у третьего моста.

Только спешился Ионикэ Фэт-Фрумос — а уж кто-то к мосту подъезжает. Конь под тем всадником захрапел, не идёт на мост.

Тут верный конь Фэт-Фрумоса тихонько сказал хозяину:

— Те битвы — не битвы. Впереди настоящий бой. Сам Полночь-дракон на тебя идёт. Только не бойся — победа твоя будет. Бейся смело.

Правду сказал конь — страшный бой разгорелся. С первого удара Полночь-дракон Фэт-Фрумоса по грудь в землю вогнал. Схватил Фэт-Фрумос дракона, вколотил его в землю по самую шею. Только взмахнул саблей, чтобы голову ему срубить, а тот уже землю раскидал, выскочил из ямы, на Фэт-Фрумоса ещё злее кинулся. Долго они бились, а одолеть друг друга не могут. Совсем обессилели. Повалились оба на землю, еле дух переводят.

Вдруг слышат — сильные крылья воздух со свистом рассекают. Коршун кружит над ними. Конца боя ждёт.

— Коршун, коршун!— закричал Полночь-дракон.— Окропи меня водой, верни мне силы. Убью я Фэт-Фрумоса, будет тебе богатая добыча.

— Братец коршун!— закричал Фэт-Фрумос.— Окропи меня водой. Я солнце в небо хочу вернуть. Сам будешь греться в его лучах!

Пал коршун на тёмную реку, зачерпнул крылом воду, окропил Фэт-Фрумоса. Второй раз к воде спустился, напоил богатыря из клюва.

С новыми силами вскочил Ионикэ на ноги и рассёк дракона пополам. Закричал он коршуну:

— Спасибо тебе, братец коршун, за помощь! Подскажи, куда за солнцем ехать, ты ведь по всему царству летаешь! Где оно спрятано?

— Поезжай вперёд, никуда не сворачивай. За лесом замок драконов. Может, там, в подземелье, солнце спрятано... Только ты больно душой прост. С хитростью силой не сладишь.

Тут отозвался конь Фэт-Фрумоса:

— Хитрости у меня хватит!

— Коли так, в добрый путь! Удачи вам!— крикнул коршун.

Вскоре Фэт-Фрумос доехал до такого густого леса, что ни пройти, ни проехать через него было невозможно. Остановился конь, сказал:

— Дальше только муха проберётся. Вырви волосок из моей гривы, повяжи вместо пояса — станешь мухой. Проберись в замок да послушай, что там говорить будут драконши, разведай, где солнце. А чтобы стать снова человеком — ударься о землю. Я буду у замка.

Послушался Фэт-Фрумос коня и мухой пробрался через лес к замку. Облетел вокруг — щёлки не сыщешь, всё затворено. Бросился в трубу и через дымоход пробрался в замок.

Видит — сидят за столом мать драконов и жёны Сумрака,

Вечера и Полуночи. Помнит Фэт-Фрумос наказ коня, притаился, слушает.

— Где-то мои сыны,— говорит мать драконов,— тревожно мне что-то. Прежде я всегда слышала, как копыта их коней цокают. А теперь тихо всё. Не беда ли их настигла?!

— Что ты, матушка!— отвечают невестки.— Кого им бояться?!

— Фэт-Фрумоса,— говорит мать драконов.— Ему на роду написано солнце из неволи вызволить.

— Будь проклят этот Фэт-Фрумос!— говорит жена Сумрака-дракона.— Если он и вызволит солнце, недолго на него полюбуется. Поедет домой, обернусь я на его пути колодцем. Выпьет воды — тотчас умрёт.

— А я,— подхватила жена Вечера,— стану на его пути яблоней. Лишь надкусит он яблочко — тут и смерть ему.

— Ну а я,— сказала жена Полуночи,— сделаюсь виноградной лозой. Съест виноградинку Фэт-Фрумос — мёртвый упадёт.

— Ох, невестушки, не к добру вы расхвастались. Сходите лучше в подземелье, поглядите, цело ли солнце.

Пошли драконши в подземелье, и муха за ними полетела. Стоит в подземелье кованый сундук, из щёлочки яркий лучик пробивается. Не стали они и крышки приподнимать. Говорят:

— Тут солнце! Куда оно денется! Матушке всё страхи чудятся.

Сказали так-то и пошли прочь. Только они ушли, ударилась муха об пол — и вот уже Фэт-Фрумос поднимает крышку сундука.

Вырвалось солнце, прожгло дубовые подземелья, поднялось прямо в небо. Весь мир щедрыми лучами осветило.

Запели птицы по всей земле. Люди, словно братья, друг друга обнимают, поют, смеются. Никогда такого счастья не было на земле!

Только царь Чёрный обозлился. Хотелось ему одному солнцем завладеть. Для того и поил и кормил Фэт-Фрумоса. Залез царь на крышу своего дворца, хотел солнце схватить, да свалился. Тут ему и пришёл конец. Да о нём-то никто и горевать не стал.

А Фэт-Фрумос вслед за солнцем бросился из подземелья, сел на своего верного коня и пустился в обратный путь.

Солнце печёт — и радостно, и жарко с непривычки. Пить хочется, сил нет. Видит — у дороги стоит колодец, вода в нём прозрачная, что горный хрусталь. Хотел напиться Фэт-Фрумос, да вспомнил про слова жены Сумрака. Ударил по срубу саблей — и заструилась из колодца чёрная змеиная кровь.

Поехал дальше Фэт-Фрумос. А пить всё больше хочется. Глядь — стоит у дороги яблоня. Яблоки на ней такие румяные, что так и просятся в рот. Ударил Ионикэ острым лезвием по яблоне — и легла на дорогу вторая драконша.

Едет Ионикэ Фэт-Фрумос, ждёт виноградную лозу с отравленными ягодами. Как повстречалась — рубанул сплеча. Теперь

только мать драконов осталась. А сзади мчится по небу чёрная туча, молнии из неё блещут, гром гремит. Мать драконов его догоняет. Пасть разинула — одна челюсть в небо упирается, другая землю задевает, пламя изо рта пышет.

Тронул коня Фэт-Фрумос, свернул конь и вмиг внёс хозяина в кузницу, что стояла при дороге. Захлопнул Ионикэ двери, засовы задвинул. А мать драконов уже у кузницы лютует. То по крыше бьёт, то рвёт двери. Но крепко стоит кузница. Пустилась тогда мать драконов на хитрость. Заговорила сладким голосом:

— Ионикэ, славный Фэт-Фрумос! Дай на тебя поглядеть хоть в щёлку.

— Сейчас я тебе покажусь,— говорит Фэт-Фрумос.

А сам раздул горн, накалил докрасна булаву со стальными шипами и пробил в стене дыру. Мать драконов тотчас голову всунула в кузницу, пасть разинула, но Ионикэ отскочил в сторону. Вместо себя раскалённую булаву подставил. Как проглотила её мать драконов, так из неё и дух вон.

Растворил Фэт-Фрумос двери кузницы. Исчезла туча. Солнце сияет.

Поехал Ионикэ Фэт-Фрумос по родной земле. Люди его встречают, радуются, поют, спасибо ему говорят. Вот наконец и село, где он жил, и родная хижина. Выбежала старая мать, обняла своего Ионикэ, заплакала. И были это последние её слёзы, потому что с того дня ничего, кроме радости, не довелось ей знать.

Латышские народные сказки

ВОЛК И ПАСТУХИ

Стерегли пастухи овец у лесной опушки. Повадился к ним волк: сегодня овцу уволок, назавтра — тоже.

«Надо проучить бесстыжего!» — решили пастухи.

А дело шло к осени. Стали у волка по ночам ноги зябнуть.

Нарубили пастухи осиновых дров, печь затопили. Печь затопили, зовут волка:

— Волк-волчище, иди погрейся, в баньке попарься!

— А дрова-то какие? — спрашивает волк.

— Да осиновые, — откликаются пастухи.

— Нет, не пойду! — говорит волк. — От осиновых дров тепла нету!

Натопили пастухи баню берёзовыми поленьями и зовут:

— Волк-волчище, иди в баньке попарься!

— А дрова-то какие? — спрашивает волк.

— Да берёзовые, — откликаются пастухи.

— Нет, не пойду! — говорит волк. — От берёзовых — дым едкий!

Натопили пастухи баню еловыми поленьями и зовут:

— Волк-волчище, иди в баньке попарься!

— А дрова-то какие? — спрашивает волк.

— Да еловые, — откликаются пастухи.

— Нет, не пойду! — говорит волк. — От еловых — дух тяжёлый!

Натопили пастухи баню яблоневыми поленьями и зовут:

— Волк-волчище, иди в баньке попарься!

— А дрова-то какие? — спрашивает волк.

— Да яблоневые, — откликаются пастухи.

— Иду, иду! — говорит волк. — От яблоневых — дым сладкий и дух лёгкий!

Так напарили пастухи волка, что он чуть жив остался.

— Ну, как, — спрашивают, — будешь у нас овец таскать?

— У-у! Даже дорогу-у к этой опу-ушке забу-уду!

Отперли пастухи дверь. Выскочил волк наружу — только его и видели.

КАК ДИКИЕ ГУСИ КРЕСТЬЯНИНА УНЕСЛИ

Посадил крестьянин горох у озера. Повадились дикие гуси сладкий горох на утренней зорьке клевать.

Как горю помочь?

Думал, думал хозяин. И так плохо, и эдак нехорошо! Из ружья палить — одного гуся убьёшь, а других вспугнёшь. Палкою колотить — можно гуся упустить.

«Смешаю-ка я в горшке мёд с вином и поставлю на бережке»,— надумал хозяин.

Сказано — сделано. Только взошло над озером солнце, как стая диких гусей прилетела, крыльями прошелестела. Поклевали они гороху, взялись за угощение. Так наелись и напились, что подняться с земли не могли.

Крестьянину только этого и надо: взял он верёвку, связал гусей за лапы, а конец верёвки затянул вокруг пояса. Хотел было гусей за верёвку тащить домой, да гусак заголосил спросонок. И так громко, что остальные очнулись. Загоготали они со страху, поднялись с земли и унесли с собою крестьянина в небеса.

Вот летят они над озером. Страшно крестьянину — как бы в воду не упасть, в волнах не пропасть!

Летят над лесом. Опять страшно — как бы на суку не повиснуть!

Летят над долом. Мягкий мох-шептун внизу расстилается.

«Вот где и упасть не худо!»— обрадовался крестьянин и обрезал верёвку у пояса.

Услыхали гуси, как он грохнулся оземь, и решили, что охотник поблизости стрелять начал. Загоготали они ещё громче, крыльями ещё чаще замахали.

А крестьянин камнем упал в мох и ушёл в него по самые плечи — ни шелохнуться, ни наружу вылезти!

Сидит он во мху день, сидит другой.

На третье утро прилетела сорока, покружила над ним, пострекотала. Ухватила крестьянина клювом за волосы. А с места не стронула — только клок волос выдрала.

На счастье, бежал мимо волк. Крестьянин уцепился за волчий хвост и тут же изо мха вышел.

К вечеру насилу добрёл крестьянин до дому. То-то было радости жене с ребятишками.

А дикие гуси с тех пор цепочкой летают — будто верёвкой связаны, друг за другом по небу тянутся.

Киргизские народные сказки

МУДРАЯ ДЕВУШКА

Жил некогда хан по имени Сарыбай. Был он стар, и уже приближалась к нему смерть. Никогда он не имел детей, и это было для него великим горем.

Перед смертью собрал хан народ и объявил:

— Я долго прожил. Много видел, много пил и ел. А теперь осталось мне только умереть. Если я кому-нибудь из вас должен, то требуйте от меня, пока не поздно. Моя последняя воля — выберите себе умного, справедливого хана.

Тут народ зашумел:

— Ты самый старый человек, сам и выбери для нас хана.

Сарыбай подумал, потом ответил:

— Есть у меня с давних пор белый сокол. Когда я умру, три дня он не будет открывать глаз, не взмахнёт крыльями, ничего не будет кушать. На четвёртый день накормите его и выпустите на волю. На кого он сядет, тот пусть и станет ханом.

Через несколько дней Сарыбай умер. Белый сокол три дня не открывал глаз, ни разу не взмахнул крыльями, ничего не ел, не пил.

На четвёртый день сокола накормили, напоили и выпустили на волю.

Поднялся он высоко в небо, покружился и наконец опустился на плечо пастуха.

Многие из ханских приближённых закричали:

— Он слишком молод и беден. Как он может быть нашим ханом? Не будем его выбирать!

Тогда три аксакала[1] вышли вперёд и в один голос сказали:

— Когда Сарыбай был жив, мы обещали, что провозгласим ханом того, на кого сядет белый сокол. Сокол сел на плечи пастуха. Значит, быть ему ханом.

Народ одобрил справедливые слова, и пастух стал ханом.

Долго правил он народом, но жил одиноко, не имел жены.

Однажды пришли к нему старики и сказали:

---

[1] *Аксакал* — белобородый старец.

— Повелитель наш, ты должен жениться и оставить наследника, иначе тебя постигнет участь Сарыбая.

Новый хан сначала отказывался, но в конце концов признал правоту аксакалов.

— Ладно,— сказал он,— соберите всех девушек. Я испытаю их ум. Кто окажется умнее, ту и возьму в жёны.

На следующий день собрались девушки со всех концов ханства, и хан задал им три загадки:

— Какое расстояние между востоком и западом? Какое расстояние между землёй и небом? Какое расстояние между правдой и ложью?

Задал хан три загадки и разрешил девушкам думать три дня.

Прошло два дня, а девушки всё ещё не могли разгадать загадок. На третий день по дороге ко дворцу хана встретилась им бедная девушка, собиравшая хворост.

— Сёстры мои,— обратилась она к ним,— третий день вы чем-то встревожены. Что случилось? Расскажите мне, может быть, я сумею вам помочь.

— Незачем тебе это знать,— заносчиво ответили богатые девушки.— Твоё дело собирать хворост.

— Зачем её обижать?— сказала одна из них и рассказала, что с ними случилось.

— Сёстры мои, возьмите меня с собой,— сказала бедная девушка.

Все сначала посмеялись над ней, потом подумали и решили взять с собой.

Вошли они во дворец, и хан спросил:

— Кто из вас разгадал мои три загадки?

Никто не мог ответить, и все стояли опустив головы.

Тогда выступила вперёд бедная девушка и сказала:

— Хан мой, ваши загадки я разгадала. Между востоком и западом расстояние одного пути, потому что солнце восходит на востоке утром, а заходит на западе вечером; расстояние между небом и землёй нетрудно охватить глазом: поднимешь глаза — увидишь небо, опустишь их — увидишь землю. Третью загадку отгадать тоже легко: расстояние между ложью и правдой всего лишь в четыре пальца — от уха до глаза. Наше ухо часто слышит ложь, но глаза видят правду.

Приближённые хана удивились — никто не ожидал, что беднячка окажется умнее знатных девушек. Хан решил продлить испытание:

— Я задам всем ещё три загадки. Разгадайте их, и только тогда я скажу, на ком женюсь. Что такое му́ка? Что такое печаль? Что такое позор?

И на этот раз хан дал три дня сроку. Но ни одна из богатых девушек не смогла разгадать загадки. На третий день бедная девушка пришла вместе со всеми во дворец и сказала:

— Повелитель, я разгадала и эти твои три загадки: му́ка — это болезнь, печаль — нужда, позор — воровство.

Хан остался доволен таким ответом и женился на ней.

На руках у неё были мозоли, одета она была в лохмотья. Хан повелел умыть её и переодеть в нарядные одежды.

Так бедная девушка стала ханшей. Она давала мужу умные советы, и он всегда следовал им. Но жену предупредил:

— Кроме меня, никому другому советов не давай.

Она обещала исполнить его требование.

Но однажды всё-таки по своей доброте ханша помогла советом провинившемуся джигиту избегнуть наказания.

Хан сразу понял, что это жена помогла джигиту, но, желая проверить свою догадливость, стал допытываться:

— Кто дал тебе умный совет? Если не расскажешь, я тебя повешу.

Испугался джигит и сознался, что помогла ханша.

Хан в гневе объявил жене:

— Ты поклялась никому не давать никаких советов. Но не сдержала слово и помогла виновному джигиту. Если не можешь быть мне верной женой, уезжай. Разрешаю тебе взять с собой то, что больше всего любишь.

— Хорошо,— ответила жена.— За щедрость спасибо. Но перед тем как мы расстанемся, исполни мою просьбу: в последний раз поешь вместе со мной.

Хан согласился. Жена приготовила вкусный ужин, принесла кумыс, незаметно подмешала туда хмельного. Хан много пил и, когда опьянел, уснул.

Тогда жена приказала оседлать лучшего коня, села на него, перед собой посадила спящего мужа и выехала из дворца.

К утру приехала она с мужем в другой город. Только там спящий хан пришёл в себя. Увидел он, что находится в чужом городе, испугался и спросил жену:

— Что ты со мной сделала?

— Муж мой,— ответила умная жена,— ты прогнал меня, но разрешил взять с собой то, что я больше всего люблю. Так я и сделала. Оставила твой дворец, но взяла с собой тебя, потому что люблю тебя больше всего на свете!

Хана тронула такая любовь и находчивость жены, и он вернулся с нею домой. С тех пор хан стал относиться к умной жене с ещё большим уважением и ничего не предпринимал без её совета.

ЧОЛПОН

Давным-давно на киргизской земле властвовал Темир-хан. Был хан несметно богат. Далеко простирались его пастбища: на них паслись бесчисленные его табуны и отары.

Когда после перекочёвки хан останавливался на стоянку, то вырастало такое количество юрт, что аил становился похожим на город.

Поодаль от всех воздвигалась высокая белая юрта хана. Стены её были увешаны редкими коврами, которые привозили на верблюдах из далёких стран. На полу лежали шкуры диких зверей и красивые шырдаки[1].

Одежда на хане была из парчи и мехов, его чекпен и калпак[2] были украшены золотом и драгоценными каменьями, на пальцах блестели дорогие перстни с молочными жемчужинами, кроваво-красными рубинами.

Но ярче всех камней сверкали его чёрные глаза. Правда, когда он гневался, от глаз оставались лишь узенькие щёлочки, но зато они излучали такие молнии, что в одно мгновение могли испепелить и правого и виноватого.

Был на свете только один человек, к которому хан всегда был добр, ничего не жалел для него и при виде которого смягчалось его жестокое сердце. То был единственный сын Нурдин, совсем не похожий на отца. Широкие, открытые глаза юноши смотрели на мир радушно и весело. Не участвовал он и в дерзких разорительных набегах, которые вёл отец. Больше всего на свете любил Нурдин природу, он бродил по горам, поднимался на вершины, смело забирался на отвесные кручи.

Никогда Нурдин не отправлялся в горы один. Вместе с ним были его друзья — молодые табунщики и чабаны. Бедняки любили ханского сына за простоту и приветливость, за то, что он не походил на своего отца.

Знал обо всём этом Темир-хан. Сердился и гневался на сына, а с его друзьями расправлялся с коварной жестокостью — отправлял в такую даль, что ни на каком тулпаре[3] не доскачешь обратно, а то просто заточал надолго в один из своих зинданов.

Много думал Темир-хан над тем, как приблизить сына, как поссорить его с друзьями-табунщиками и чабанами. Думал хан, думал и придумал — женить Нурдина!

«От молодой жены не будет Нурдин уходить,— рассуждал Темир-хан,— да и невесту возьмём богатую и тем богатство своё умножим!»

Но всё произошло не так, как задумал Темир-хан. Полюбил Нурдин простую девушку по имени Чолпон — так киргизы называют утреннюю звезду, сияющую на рассветном небе[4].

---

[1] *Шырдак* — вышитая кошма, самодельный тканый ковер.
[2] *Чекпен* — верхняя одежда, *калпак* — головной убор.
[3] *Тулпар* — крылатый конь.
[4] *Венера.*

Нурдин хорошо усвоил жёсткий нрав отца и потому решил не говорить ему о своём чувстве к Чолпон. Только друзья знали о любви Нурдина и Чолпон и оберегали их.

Однажды, когда солнце опустилось так низко, что собралось скрыться за горами, влюблённые встретились в лесу. Нурдин был необычно взволнован, так как собирался сообщить любимой девушке, что отец решил женить его на богатой невесте.

Побледнела Чолпон от этой вести, но юноша схватил её руки и прижал к своему сердцу.

— Нет-нет, Чолпон, тебе ничего не грозит. Пусть твои щёки всегда будут румяны, как наши яблоки, а глаза сияют, как звёзды. Я никогда не изменю тебе. Пусть лучше умру. Клянусь, я убью себя этим кинжалом, если отец не изменит своё решение!

Девушка подняла на Нурдина свои прекрасные глаза, в которых ещё дрожали капельки слёз, и улыбнулась.

— Я верю тебе, любимый,— сказала она. — Я чувствую, как горячо бьётся твоё сердце. Оно говорит мне о любви!

Между тем стемнело, а они зашли так далеко, что большие деревья с крючковатыми ветвями преградили им путь. Чолпон прижалась к Нурдину, и сразу же пропал страх. Она села на пенек, Нурдин склонил голову ей на колени, и она гладила его мягкие волосы.

Было уже совсем темно. Нурдин задремал. И вдруг лес озарился зеленоватыми огнями. Со всех сторон послышались шорохи, где-то каркали вороны, страшно гукали филины, со свистом проносились летучие мыши, зловеще выли волки.

Неожиданно сквозь лесной шум прорезался резкий лающий смех, и в следующее мгновение перед Чолпон предстала уродливая старуха — прихрамывающая, с седыми спутавшимися волосами, горящим недобрым взглядом и большим крючковатым носом. Руки её тоже казались скрюченными, как ветки деревьев, а горб торчал выше головы.

Старуха поближе подошла к девушке и захохотала так громко, что качнулись верхушки деревьев.

— Ты думаешь, что красивее меня и тебе удастся удержать Нурдина? Глупая! Сердце его бьётся только для меня! Не веришь? Я — могущественная волшебница Айдай. Завтра же Нурдин моим будет. Только моим!

В один миг на глазах изумлённой Чолпон старуха преобразилась. Теперь это была тонкая, изящная девушка, тело которой прикрывали лёгкие воздушные ткани, а лицо её расплывалось в широкой улыбке.

— Посмотри на меня,— сказала, смеясь, волшебница.— Не устоит Нурдин перед моей красотой!

С этими словами волшебница взмахнула белым шарфом и исчезла.

Чолпон ничего не понимала. Может быть, всё это ей только приснилось? Она склонилась над спящим Нурдином и провела пальцами по его волосам.

— Я, кажется, уснул? — спросил он.

— Нам пора идти,— произнесла в ответ девушка.

Всю обратную дорогу Чолпон была грустной и молчаливой. Она ничего не рассказала Нурдину, а ему казалось, что любимая грустит, как всегда, когда они расставались перед возвращением домой.

В то же время Темир-хан сидел в белой юрте глубоко задумавшись: «Что же это такое? Мой сын — отрада очей — обманывает меня и встречается с дочерью бедного чабана. Не бывать этому! Я сам выберу сыну невесту — самую богатую и красивую!»

Хан был мрачен. Жестокая складка залегла у рта, а глаза совсем сузились и грозно сверкали. Таким увидел Нурдин отца. Он выслушал гневные слова и, подняв голову, смело встретился с его взглядом.

— Да, отец, я люблю Чолпон и женюсь только на ней!

Никакие уговоры и угрозы не могли сломить Нурдина. Тогда хан распорядился отвести Нурдина в его юрту и охранять, чтобы он не мог никуда выйти. После этого разослал гонцов к соседним ханам и пригласил их прибыть вместе с дочерьми. Каждый из них мечтал породниться с могущественным Темир-ханом, и стали съезжаться гости. Начались смотрины. Каких только не было невест! Ни на одну из них не глядел Нурдин, сидел грустный и бледный.

Вдруг в большую ханскую юрту вбежала красавица, за ней неслись десятки слуг и пышная свита. Красавица закружилась в страстном танце. Она будто не касалась земли, а парила в воздухе — до того была легка.

Нурдин взглянул на неё — его сердце учащённо забилось. Он подошёл, ласково взял её за руку и спросил:

— Как зовут тебя, красавица?

— Айдай!

Увлечённый дивной красотой, Нурдин согласился на свадьбу с Айдай. Темир-хан, довольный, поднялся со своего места. Казалось, всё произошло, как он задумал. Но тут, отстранив стражников, в ханскую юрту впорхнула Чолпон, и сразу же повеяло горным утренним ветерком. Увидел её Нурдин, выпустил руку волшебницы, спала пелена с его глаз. Покачнулась Айдай, но собрала всю силу своего волшебства, закружилась как вихрь в неистовом танце, чтобы уничтожить соперницу. Но силы её слабели под чистым и ясным взглядом Чолпон. Она сгорбилась, сверкнула огненным взором и тут же ускользнула из юрты. За ней устремилась вся её свита.

А Нурдин, будто не замечая никого вокруг, стоял обнявшись с Чолпон. Оскорбились гости, что сын Темир-хана избрал бедную девушку и тут же, без поклонов, прихватив дочерей своих, покинули хозяйскую юрту.

Гнев Темир-хана был страшен, он кипел от злости.

— Так ты не хочешь расстаться со своей возлюбленной?

Пусть будет так!— воскликнул Темир-хан и тут же приказал своим стражникам:— Бросьте обоих в зиндан! Там они останутся навек!

Это был самый глубокий колодец, куда не проникало солнце. Со всех углов каменного зиндана на огромных сетках свисали пауки, а из расщелин выглядывали змеиные головы. Но пленники не унывали. Нурдин находил бодрость во взглядах Чолпон, а девушка обретала силу в его любви.

Юноша собрал разбросанный хворост, сложил его и накрыл своим чапаном[1]. Он устроил постель для Чолпон, а сам улёгся на холодную землю.

— Не бойся. Я рядом, и тебе ничто не угрожает,— успокаивал он любимую.

Оба так устали за весь этот трудный день, что вскоре уснули.

Но не спала в своём дворце злая волшебница. Когда Темир-хан бросил возлюбленных в зиндан, она обрадовалась: «Девушку мы оставим на съедение змеям,— решила она,— а Нурдина...»— и загадочно улыбнулась.

Хлопнув в ладоши, Айдай позвала верного джинна. Она сняла с себя прекрасный волшебный шарф. С его помощью джинн должен был околдовать Нурдина, вывести из тюрьмы и доставить во дворец.

Помчался джинн выполнять приказание волшебницы.

В это время в зиндане Нурдин сквозь сон почувствовал, будто его окружают призрачные девы в лёгких одеждах, протягивают к нему руки и манят к себе. Раздвигаются каменные стены колодца-тюрьмы. Забыв обо всём на свете, увлекаемый парящими девами, Нурдин повинуется и идёт за ними. Вскоре исчезли, растаяли призрачные девы. Вместо них по воздуху плыл огромный лёгкий шарф. Нурдин следовал за ним, пытаясь схватить его. В тот момент, когда Нурдину казалось, что он вот-вот ухватится за него, шарф уплывал. Чем труднее было достичь шарфа, тем сильнее росло желание Нурдина поймать его.

А шарф уже не плыл, а летел, и Нурдин не шёл, а бегом устремлялся за ним. Он не заметил, как оказался перед высокими тяжёлыми воротами, которые раскрылись, чтобы пропустить его, и снова захлопнулись. Он увидел затемнённый дворец и вошёл в него. Вокруг был полумрак. Даже светильники излучали рассеянный свет, словно пропущенный сквозь туман. Только фонтан переливался разноцветными огоньками, с шумом падали его горячие струи, и далеко разлетались колючие брызги.

Нурдин увидел Айдай на огромном мягком ложе, возле которого лежало чудовище с ярко светящимся глазом. На плечи её был накинут лёгкий шарф, концы его развевались и манили к себе. То манила к себе волшебница. Но в тот момент, когда Айдай заключила в объятия юношу, в страшном зиндане Темир-хана проснулась Чолпон. Она протянула руки к Нурдину,

---

[1] *Чапан* — верхняя одежда в виде халата.

но его не было. Дрогнуло сердце девушки. Огляделась она и неожиданно увидела раздвинутые каменные стены и следы Нурдина. Она выбралась наружу и оказалась в дремучем лесу. Сквозь чащу деревьев лишь кое-где прорезывались тонкие лучи утреннего солнца. Но огромные деревья сплетали свои крючковатые ветви и не пропускали её. Звери скалили зубы и хватали её за одежду, а большие чёрные вороны кружились над головой и били её своими крыльями.

Велика была любовь Чолпон, так велика, что не боялась она смерти и готова была на любое испытание, лишь бы освободить Нурдина от колдуньи. И отступили перед ней все препятствия.

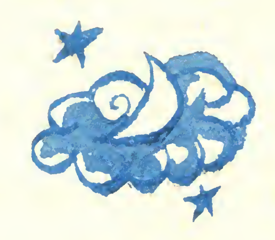
Когда Айдай, радуясь своей победе, взяла юношу за руку и повела к жертвеннику, чтобы он поклялся ей в верности, появилась Чолпон. Она была истерзана. Кровь сочилась из её ран на груди и ногах. Шатаясь от усталости, подошла девушка к Айдай и сказала:

— Я всегда знала, что это ты, злая ведьма, околдовала моих подруг за то, что они любили. Ты завидовала всем влюблённым, а сама любить не умеешь. Я сильней тебя, потому что люблю.

Чолпон прикоснулась к сердцу Нурдина, и он очнулся от колдовства.

И сразу же исчезла Айдай, её бесчисленные слуги и пышная свита; провалился дворец с его крепкими воротами и мрачными одноглазыми чудищами, фонтанами с их горячими струями и колючими брызгами. А большие деревья с крючковатыми ветвями, закрывавшие вход во дворец, расступились. И открылась широкая поляна, освещённая солнцем. Цветы подняли поникшие головки, раскрылись, и оттуда вышли заколдованные подруги Чолпон.

С тех пор живёт и расцветает любовь Чолпон. В народе говорят, что она всегда живёт для людей. Посмотри в небо, и ты увидешь ясную Чолпон — утреннюю звезду, которая светит всем влюблённым.

Таджикские народные сказки

КАК ПАДИШАХ СТАЛ ТКАЧОМ, А ДОЧЬ ПАСТУХА — ЖЕНОЙ ПАДИШАХА

Кто скажет — правда, кто скажет — неправда, только говорят, жил на свете могущественный шах. Богатству его не было счёта, а власти его не было предела. Стоило ему пальцем шевельнуть или бровью повести, а его мудрые визири уже знали, что он хочет. А что хочет падишах, то для всех закон.

И вот однажды услышал падишах: у пастуха, что пасёт его стада на горных пастбищах, есть красавица дочь.

— Другой такой красавицы во всём свете не найти,— говорили о ней.

Захотел падишах сам увидеть её, своими глазами. Оседлали слуги коней, и падишах со свитой отправился в путь. Возле бедной пастушечьей хижины падишах спешился и перешагнул порог. Да так и вскрикнул, словно кто ударил его ножом в самое сердце. Никогда он не видел такой красавицы! Перед блеском её красоты месяц тускнел и солнечный свет меркнул.

Вернулся падишах во дворец, не пьёт, не ест, не казнит, не милует, только о дочери пастуха думает. День думал и другой день думал, а на третий день послал к пастуху сватов.

— А какое ремесло знает падишах?— спросила красавица.— Я только за того выйду замуж, кто умеет какое-нибудь дело делать.

Разгневался падишах, когда услышал ответ дочери пастуха.

— Я — падишах! Я всё могу, что захочу! Какое ещё ремесло мне нужно? Мне принадлежат все сокровища гор, я хозяин всех подземных кладов! Все живые и мёртвые послушны моей воле! Не будь я падишахом, если не проучу эту дерзкую красавицу!

День думает падишах, как проучить дочь пастуха, и второй день думает.

Визирь правой руки говорит ему:

— Надо казнить дочь пастуха! И отца её казнить!

Визирь левой руки говорит ему:

— Разве дочь пастуха может быть достойной женой падишаху? На свете есть много других красавиц.

А падишах молчит, думает.

На третий день позвал он своих визирей и спрашивает:

— Скажите мне, мудрые мои визири, какое ремесло самое лучшее?

Стали визири перебирать разные ремёсла. Гончарное ремесло — грязное. Кузнечное ещё того хуже — и грязи много, и от огня жарко. Камни тесать — пыли наглотаешься. Циновки плести — руки исцарапаешь. Долго думали визири и наконец придумали: уж если надо учиться какому-то ремеслу, так лучше всего ткать ковры.

Нашли они ткача, первого мастера своего дела, и стал он жить во дворце и обучать падишаха своему искусству.

Скоро падишах, как заправский ткач, сам выткал ковёр. В углу ковра в пёстрые разводы и узоры вплёл он изображение своей печати и велел отослать ковёр дочери пастуха.

Так и ахнула красавица, когда слуги падишаха расстелили перед ней ковёр.

— Вот теперь я вижу,— говорит она,— что падишах не пустой человек. В трудную минуту и он сможет заработать на хлеб. Теперь я согласна пойти за него замуж.

Оставим её любоваться ковром, а сами вернёмся к падишаху.

Пока слуги везли его подарок дочери пастуха, решил падишах переодеться нищим и пойти по городу, послушать, что про него толкуют в народе. Иначе как падишаху узнать правду? Недаром ведь говорится: падишаху правду сказать — всё равно что на острие меча стоять.

Зашёл падишах в чайхану, а там сидят двое и о чём-то шепчутся. Лица у них свирепые, за поясом ножи торчат. Ну настоящие разбойники. А это и были разбойники. Падишах только взглянул на них, и сердце у него со страху упало.

«Этим,— думает,— всё равно, падишах я или нищий. Да и кто мне поверит, что я падишах!»

Бросил он на ладонь хозяину медную монету и попросил чашку плова. Но не успел ещё хозяин подать ему плова, как бродяги подскочили к падишаху, занесли ножи над его головой и потащили его в какую-то каморку. Там хоть кричи, хоть не кричи — никто не услышит.

Связали разбойники падишаха по рукам и по ногам крепкими верёвками и бросили на пол.

— Что будем с ним делать?— спросил один.

— Пусть здесь полежит, отдохнёт,— сказал другой.— Если нашего товарища приговорят к казни, мы подкупим палача, чтобы он казнил вот этого, а нашего товарища отпустил.

— Пощадите мою жизнь,— стал просить падишах,— а я упрошу падишаха, чтобы он помиловал вашего друга.

Разбойники захохотали.

— Сразу видно, что ты первый человек при падишахе! Уж не ты ли научил его ковры ткать?— И разбойники захохотали ещё громче.— Да такого жалкого бродягу, как ты, и близко ко дворцу не подпустят! Нашёлся тоже заступник!

— Ну хотите я заплачу вам?— спросил падишах.

— Видели мы твоё богатство — один медяк, за который даже полную миску плова тебе не дадут! Тоже богач нашёлся.

— Вы вот смеётесь надо мной,— сказал падишах,— а я и вправду могу помочь вам разбогатеть. Падишаха мне не довелось учить, но сам я умею ткать ковры. Я буду ткать, а вы будете продавать. За мои ковры вы немалые деньги получите.

Разбойники задумались.

— А что, может, попробовать? Если он говорит правду — получим деньги. А если соврал — ему же хуже будет.

Так и решили. Принесли в каморку станок, нитки, поставили кувшин с водой и миску плова и заперли падишаха.

— Смотри, чтоб через пять дней был ковёр! Не то прощайся с жизнью!

Через пять дней приходят — верно, лежит перед ними готовый ковёр. Да какой яркий, пёстрый! Словно волшебный сад расцвёл в грязной каморке!

— Отнесите этот ковёр во дворец,— сказал падишах разбойникам.— Там за него вам много денег дадут. Только пусть его посмотрит ковровых дел мастер, что во дворце живёт. Он-то знает цену коврам!

Взяли разбойники ковёр и понесли во дворец.

— Дозвольте,— просят они,— показать этот ковёр нашему пресветлому падишаху! Дозвольте к его ногам положить этот ковёр!

А как их пустить к падишаху, когда никто не знает, где падишах и что с ним случилось? И признаться в этом нельзя. Разве могут слуги не знать, где их господин?

— Великий падишах отдыхает,— сказал визирь правой руки.

— Пресветлого падишаха нельзя тревожить,— сказал визирь левой руки.

— Ковёр этот достоин ног великого падишаха,— сказал один.

— А какая цена ему — мы не знаем,— сказал другой.

— А вы позовите дворцового ткача,— сказали разбойники,— он-то, наверное, знает цену нашей работе.

Позвали ткача, который обучал падишаха ремеслу.

Посмотрел он на ковёр и говорит:

— Этот ковёр дорого стоит. Но он принесёт счастье нашему великому падишаху. Поэтому отсыпьте этим людям полный кошель золота.

Обрадовались разбойники такой удаче и, низко кланяясь, ушли.

Тогда ткач сказал:

— Этот ковёр выткал наш падишах. Видите, в углу среди узоров изображена его печать? И на том ковре, что он послал в подарок дочери пастуха, такая же печать выткана. Это как подпись на его коврах. Теперь мы знаем, где искать падишаха!

Во все концы города послали сейчас же стражников — выследить продавцов ковра. Часа не прошло, как нашли их в бедной чайхане. Схватили воины разбойников, связали и спрашивают:

— Говорите, где ковёр взяли, что с падишахом сделали?

Разбойники только головой мотают: ничего, мол, не знаем.

Обыскали стражники все закоулки дома и увидели маленькую дверь. Толкнули — дверь крепко заперта. Сломали они замки, ворвались в клетушку, а там сидит их падишах и плетёт ковровые узоры.

А дальше вот что было.

Падишах вернулся во дворец. Разбойников он приказал казнить. Ткача, который его учил,— одарить. А потом сказал своим визирям:

— Езжайте теперь к дочери пастуха и скажите ей, что свадебный стол ждёт её. Лучшей жены, чем она, мне не найти. Она не только самая красивая, она — самая умная. Если бы не заставила она меня выучиться ремеслу, я бы уже с жизнью простился.

Кто говорит — правда, кто говорит — неправда, только рассказывают, что так было. И свадебный пир был. На том пиру и мы пировали, на коврах сидели, плов ели, со всеми веселились и песни пели.

АЛЧНЫЙ КАЗИЙ

Было ли, не было — жил один бедняк. Сколько ни трудился он на своей земле, никак не мог избавиться от бедности. Решил он идти на заработки в дальний город. Попрощался с родными и пошёл.

Долго ли, мало ли шёл — пришёл. Стал ходить по домам, искать работы. Ни от какой работы не отказывался, никогда не говорил: «Это мне тяжело, это трудно». Какую бы работу ему ни предлагали, охотно брался за неё и делал своё дело всегда на совесть.

А деньги, что получал за работу, тратил только на еду. Всё, что оставалось у него, он прятал в мешочек и думал: «Поработаю ещё немного, скоплю побольше денег и вернусь к родным».

Так проработал он несколько лет и тяжёлым своим трудом скопил целую тысячу таньга[1]. А для бедняка это большие деньги!

Вот бедняк и стал раздумывать, стал беспокоиться: «Не случилось бы беды, не пропали бы мои деньги! А то проведает о деньгах какой-нибудь разбойник — ограбит меня и убьёт. Если спрячу я деньги, где живу, и там могут они исчезнуть. Выследит

---

[1] *Таньга* — серебряная монета.

кто-нибудь — мало ли дурных и хитрых людей!— и лишусь я моих денег, и вернусь к родным с пустыми руками...»

Так раздумывал бедняк и не знал, что ему делать и как поступить. Наконец он решил про себя так:

«Отдам я мои тысячу таньга на хранение казию. Говорят о нём, что человек он благочестивый и честный. У него-то мои деньги будут в сохранности! А когда я задумаю ехать на родину, возьму их у казия и уеду».

Так рассудил бедняк и с такими мыслями пришёл к казию. Казий принял его и спросил:

— Что тебе нужно?

— Хочу, господин, отдать тебе на сохранение мои деньги. Более надёжного места мне не найти. Сбереги их, пока я живу и работаю в этом городе.

Казий взял у бедняка мешочек с деньгами и степенно сказал:

— С превеликим удовольствием исполню я твою просьбу! Верно ты сказал: более надёжного места для хранения денег тебе не найти.

Бедняк ушёл, а казий пересчитал монеты и спрятал их в свой большой сундук.

Через некоторое время бедняк собрался ехать на родину. Пришёл он к казию и сказал:

— Верни, господин, мне мои деньги, завтра я уеду из вашего города.

Казий взглянул на бедняка и сказал:

— О каких деньгах ты говоришь?

— Да о той тысяче таньга, что я оставил тебе на хранение.

— Видно, ты с ума сошёл!— закричал казий.— Когда ты давал мне деньги? Вот что выдумал: тысячу таньга! Да семь поколений твоих предков не видели и сотни таньга! Откуда же ты мог взять тысячу таньга?

Бедняк стал напоминать казию, когда он принёс ему свои деньги и что говорил при этом. Но казий и слушать его не захотел. Затопал он ногами и кликнул своих служителей.

— Бейте этого обманщика!— крикнул он.— Гоните его в шею! Пинайте его ногами в спину!

Служители казия набросились на бедняка, жестоко его избили и выгнали.

Со слезами и причитаниями пошёл бедняк по улице.

— Пропали зря мои тяжёлые труды! Пропали мои деньги!— горестно приговаривал он.— Присвоил их алчный казий!..

А в это время по улице шла женщина. Услышала она причитания бедняка и с укором сказала ему:

— Эй, брат, что случилось? Почему ты, взрослый человек, с бородой и в чалме, идёшь и плачешь, как маленький ребёнок?

Бедняк печально сказал:

— О сестра, если бы ты знала, как меня обманули! Я

столько лет надрывался на тяжёлой работе, ел не досыта, не высыпался, скопил с великим трудом тысячу таньга, и вот лишился их. Знала бы ты об этом — не стала бы укорять меня!

— Расскажи мне, что с тобой случилось,— потребовала женщина.

И бедняк рассказал ей, как лишился он своих денег.

— А ещё говорят, что этот казий человек честный и благочестивый!— с горечью прибавил он.

Женщина с сочувствием выслушала рассказ бедняка и сказала:

— Не печалься, ещё не всё пропало. Пойдём со мной, и я что-нибудь придумаю.

Женщина пришла к себе в дом, достала шкатулку и сказала своему маленькому сыну:

— Сейчас я пойду с этим человеком к казию. Ты иди за нами, но не приближайся к нам. Старайся, чтобы тебя никто не видел. Спрячься и жди, когда казий отдаст этому человеку его деньги. Как только увидишь, что казий протягивает руки, чтобы взять эту шкатулку, подбеги и скажи: «Отец вернулся с верблюдами и грузами!»

Мальчик сказал:

— Хорошо, так всё и сделаю!

Женщина поставила шкатулку на голову, вышла на улицу и вместе с бедняком пошла к дому казия. А в отдалении за ними шёл её сын.

Перед домом казия женщина сказала бедняку:

— Я войду первая, а ты входи следом за мной.

Когда женщина вошла в дом казия, тот взглянул на неё и на её большую шкатулку и сказал:

— С каким делом ты пришла ко мне, сестра?

Женщина сказала:

— Может быть, господин, ты знаешь меня? Я — жена богатого купца Рахима. Мой муж повёл свой караван в далёкие города и неизвестно когда вернётся. Вот уже несколько ночей я не могу спать спокойно. Около нашего дома ходят воры. Видно, они хотят ограбить нас. Я собрала все наши деньги и богатства — и золото, и серебро, и драгоценные камни — и наполнила ими вот эту шкатулку. С трудом я принесла её к тебе — такая она тяжёлая! Будь добр, прими её на хранение! Когда вернётся мой муж, он сам возьмёт у тебя эту шкатулку.

Казий поднял шкатулку и убедился, какая она тяжёлая. Руки у него затряслись от жадности, и он подумал:

«В этой шкатулке по крайней мере будет сорок или пятьдесят тысяч таньга. Немало, видно, в ней и драгоценных камней. Я слышал, что этот Рахим очень богатый купец...»

— Хорошо, хорошо, сестра!— сказал казий.— Сохраню я твои сокровища, будь уверена. Не пропадут они, в целости всё верну. Не исчезнет ни одна таньга!

Но женщина взяла из рук казия свою шкатулку и спросила:

— Вправду ли всё моё вернётся ко мне?

— Не сомневайся, сестра!— воскликнул казий.— О честности и благочестии моём знают все жители этого города.

В это самое время в дом казия вошёл бедняк. Увидел его казий и очень обрадовался.

«Сам бог привёл сюда этого человека!— подумал он.— Нет лучшего случая, чтобы показать этой женщине мою честность. Отдам этому бедняку тысячу таньга, а взамен возьму эту наполненную драгоценностями шкатулку. Она — ха-ха! — стоит этого!»

И казий сказал женщине:

— Повторяю тебе, сестра, дом казия — самое надёжное и самое безопасное место. Твоя шкатулка будет храниться здесь ещё лучше, чем она хранилась бы у тебя дома. В любое время, когда вернётся твой муж или ты сама пожелаешь, ты получишь твои драгоценности в целости.

Служители казия и все присутствующие на приёме у казия люди закивали головами: правду говорит казий, надо верить каждому его слову!

А казий как бы случайно увидел бедняка и громко воскликнул:

— Вот и этот бедняк мне на сохранение все свои сбережения — тысячу таньга — отдал! Сегодня утром он пришёл ко мне и потребовал свои деньги. Но я не узнал его, ошибочно принял за мошенника и обманщика и не отдал ему деньги. Если он приведёт кого-нибудь, кто знает его, я тут же возвращу ему его деньги!

В ответ на эти слова казия женщина сказала:

— Господин, мы знаем этого бедняка уже почти два года. Он пришёл в наш город и занимался здесь подённой работой. Работал он и у нас. Верь мне, что деньги он заработал трудом, набивая мозоли на своих руках!

Казий с самой ласковой улыбкой воскликнул:

— Как, ты знаешь этого человека? Так в чём же дело? Эй, брат, подойди ко мне и возьми свою тысячу таньга! Скорее возьми!

И казий достал из своего большого сундука деньги, отсчитал тысячу таньга и торжественно отдал их бедняку.

— Ну, сестра, теперь ты убедилась в том, как я храню чужие деньги и как возвращаю их владельцам!— торопливо промолвил казий.— Оставляй же у меня свою шкатулку и иди спокойно домой!

И он уже протянул руки, чтобы взять шкатулку, но тут с улицы вбежал мальчик и сказал:

— Эй, мать! Иди скорее домой: отец вернулся с верблюдами и грузами и ждёт тебя!

— Ну, раз мой муж приехал, теперь мне нечего бояться воров!— со смехом сказала женщина.— Теперь он сам сумеет

уберечь наши драгоценности, и без помощи благочестивого казия!

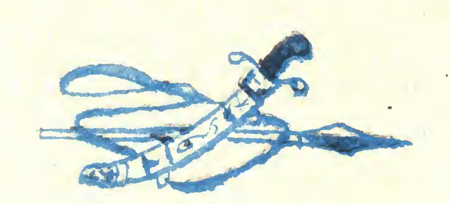
С этими словами женщина взяла свою шкатулку, поставила её на голову и вышла из дома казия вместе с бедняком.

— О брат,— сказала она,— никогда не надо отчаиваться! Знай, что нет такого хитреца и плута, которому бы все его хитрости и плутни всегда удавались! Иди к себе на родину и отдыхай после многих лет скитания в чужих краях, пользуйся своими трудовыми деньгами!

И они попрощались и расстались.

А казий, оставшись один, пришёл в страшную ярость. Он дёргал себя за бороду, топал ногами и не находил себе места от досады.

«Вот беда!— говорил он сам себе с сокрушением.— Вот несчастье! Вот горе! Проклятый купец Рахим! Что бы ему стоило приехать на час позже. Всего на один только час! Тогда всё было бы в порядке: осталась бы навсегда у меня эта тяжёлая шкатулка с драгоценностями! Приумножились бы мои богатства! Наполнился бы мой большой кованый сундук до самого верха! Ой, горе мне! Горе мне!»

Армянские народные сказки

ЗОЛОТОЕ ЯБЛОКО

Жил-был царь. Царствовал он год, царствовал два года, царствовал три года. Все его боялись, все ему угождали. И стало царю скучно-скучно.

Сидит он на троне и скучает.

Приказал он созвать во дворец музыкантов со всей страны. Играли ему музыканты и на свирели, и на цитре, и на бубне, и на барабане. И надоели царю до смерти.

Приказал он позвать плясунов. Уж плясали плясуны, плясали, и так и этак коленца выкидывали, едва ноги себе не отбили. А царь и смотреть на них не хочет.

Скучно царю.

Приказал царь созвать самых сильных силачей. Стали они бороться, свою силу-ловкость показывать. И только ещё больше скуку на царя нагнали.

Сидит царь и думает — как бы ему развеселиться? И придумал. Послал он гонцов по всем дорогам и велел вывесить на всех площадях и перекрёстках его царский указ:

«НАШ МИЛОСТИВЫЙ ЦАРЬ,
ПРЕБЫВАЯ В ВЕЛИКОЙ ПЕЧАЛИ, ОБЪЯВЛЯЕТ:
КТО ПРИДУМАЕТ НЕБЫЛИЦУ,
ТАКУЮ ХИТРУЮ, ЧТО САМОГО ЦАРЯ ОБМАНЕТ,
ТОТ ПОЛУЧИТ В НАГРАДУ ЗОЛОТОЕ ЯБЛОКО».

Мало ли на свете людей, которые соврут и дорого не возьмут, а тут им золотое яблоко обещают. И не хочешь, а соврёшь.

Повалил к царю всякий народ — и вельможи, и торговцы, и судьи, и менялы. Врут, завираются, невесть что плетут. А царь только рукой машет:

— Ступайте, слушать вас скучно! Даже соврать толком не умеете!

И вот пришёл во дворец бедняк. Низко поклонился царю и поставил перед ним кувшин.

— Чего тебе надо?— удивился царь.

А бедняк отвечает:

— Я пришёл получить с тебя долг. Разве ты забыл, милостивый царь, что должен мне кувшин золота?

Царь так и подскочил на троне:

— Да ты что, в своём ли уме? Когда я у тебя золото брал? Вот уж врун так врун!

— Ну, если я такой хороший врун,— говорит бедняк,— тогда давай золотое яблоко. Для бедного человека и это немало!

Видит царь, что попался, как мышь в мышеловку.

— Да какой ты врун!— говорит.— Разве же это враньё?

— А если это не враньё,— говорит бедняк,— тогда сыпь сюда золото,— и постучал пальцем по кувшину.

Не знает царь, что делать. Отдать золотое яблоко жалко, а кувшин золотых монет — ещё того больше. Думал он, думал — ничего не придумал. Пришлось ему отдать золотое яблоко.

Бедняк рад.

А царь с тех пор и скучать перестал.

ЦАРЬ И ТКАЧ

Жил когда-то один царь.

Как-то раз, когда сидел он на троне, из дальних стран пришёл к нему посланец другого царя. Ни слова он не сказал, молча провёл мелом черту вокруг царского трона и молча стал поодаль.

Ничего не понял царь. Спросил он:

— Что всё это означает?

Но посланец в ответ не вымолвил ни одного слова.

Тревожно стало царю. Вызвал он всех своих визирей, всех своих приближённых и приказал им истолковать, что означает черта вокруг его трона.

Визири и приближённые внимательно осмотрели черту, но ничего не могли объяснить.

— Позор!— сказал царь в гневе.— Позор! Неужели во всей моей стране не найдётся человека, который смог бы разгадать, что означает эта черта вокруг моего трона?

И царь отдал строгий приказ: собрать всех мудрецов его царства, чтобы они разгадали таинственное значение этой черты. Если же мудрецы не разрешат этой задачи, говорилось в царском приказе, всем им отрубят головы.

Бросились визири разыскивать мудрецов. Обегали весь город и все селения, стучались в каждый дом. Наконец увидели они какой-то небольшой домик. Зашли. Никого нет, тихо, пусто, только висит колыбель и качается сама собой.

— Что такое?— удивились царские визири.— Почему качается эта колыбель? Ведь никого здесь нет.

Подивились они и перешли в другую комнату. В этой ком-

нате стояла другая колыбель и тоже качалась, хотя никого около неё не было.

Ещё больше удивились визири и поднялись на крышу дома.

На крыше просыхала пшеница. Над ней летали птицы. Они хотели поклевать пшеницы, но не смели: на крыше был укреплён тростник, он раскачивался из стороны в сторону и отпугивал птиц.

Ещё больше изумились посланцы царя.

— Почему же так сильно качается тростник?— спрашивали они один другого.— Ведь ветра нет, и на деревьях, что растут рядом, не шелохнётся ни одна веточка, ни один листик.

С крыши они опять спустились в дом и зашли в последнюю, третью комнату. В комнате этой сидел ткач и работал на своём станке.

— Что происходит в твоём доме?— спросили его посланцы царя.— Почему в пустых комнатах сами собой качаются колыбели? Почему на крыше колышется тростник, хотя нет ветра?

— Нет в этом никакого дива,— ответил ткач.— Всё это делаю я.

— Смеёшься ты, что ли, над нами?— воскликнули царские визири.— Как ты можешь всё это делать, когда сидишь здесь и ткёшь?

— Нет ничего проще,— сказал ткач.— Я привязал к моему ткацкому станку три нити. Конец одной нити я прикрепил к первой колыбели, конец другой — ко второй, а конец третьей — к тростнику. Когда я тку, нити всё время двигаются и качают обе колыбели и тростник на крыше.

Поглядели посланные царя — верно, тянутся от станка три нити: две — к колыбелям, одна — к тростнику.

— Вот это ткач!— воскликнули они.— Да он не хуже мудреца! Такого-то нам и надо! Пойдём с нами к царю — может быть, ты разрешишь одну таинственную задачу.

— Расскажите мне сначала, какая эта задача,— попросил ткач.

— К нашему царю пришёл посланец чужеземного царя,— сказали визири.— Он достал кусок мела и провёл вокруг трона черту. Никто не может догадаться, что это означает,— ни сам царь, ни все его приближённые. Сейчас мы по приказу царя разыскиваем мудреца, который мог бы истолковать значение этой черты вокруг трона. Если ты сумеешь разгадать эту тайну, получишь от царя богатые подарки.

Выслушал царских посланников ткач, призадумался. Затем он взял две бабки, в которые играют ребятишки, опустил их в карман и стал ловить курицу. Переглянулись визири с недоумением и спросили:

— Зачем тебе понадобилась курица?

— Пригодится,— коротко ответил ткач и посадил курицу в корзину.

После этого отправились они все к царю.

Пришёл ткач во дворец, поздоровался с царём, взглянул на белую черту вокруг трона, взглянул на чужеземного посланца, усмехнулся и бросил перед ним две бабки.

Посланец, не говоря ни слова, достал из кармана горсть проса и бросил на пол.

Ткач засмеялся, вынул из корзинки курицу и пустил её к просу. Курица стала быстро клевать просо, и скоро на полу не осталось ни одного зёрнышка.

После этого чужеземец поспешно ушёл, так и не вымолвив ни одного слова.

И царь, и все присутствующие с большим удивлением смотрели на поступки чужеземца и ткача. Никто не мог догадаться, что всё это означает.

— Что делал этот чужеземец?— спросил царь.

— Он хотел показать тебе,— ответил ткач,— что царь его страны собирается идти войной на нашу землю и осадить нас со всех сторон. Он хотел также узнать, сдашься ли ты или будешь воевать. Вот что означает черта вокруг твоего трона.

— Так,— сказал царь.— Это я теперь понимаю. Но я не могу понять, почему ты бросил перед ним бабки.

Ткач ответил:

— Я бросил перед ним бабки для того, чтобы он понял, что мы куда сильнее их и что они не смогут победить нас. «Вы перед нами дети, играйте в бабки и не помышляйте о войне с нами!»

— Верно!— сказал царь.— После твоих слов мне стало понятно и это. Теперь объясни, почему чужеземец бросил на пол горсть проса и почему ты выпустил из корзинки курицу.

— И здесь объяснение нетрудное,— сказал ткач.— Он бросил на пол горсть проса и показал этим, что войску их нет числа. Я выпустил на просо курицу и тем показал, что, если они пойдут на нас войной, у них не останется в живых ни одного воина.

— Понял ли это чужеземец?

— Ну, раз он убежал, значит, понял!

Царь наградил мудрого ткача богатыми подарками и сказал:

— Эй, ткач! Останься здесь, будь моим главным визирем!

— Нет,— ответил ткач,— не хочу быть твоим визирем. У меня своё дело есть.

И ушёл.

Туркменские народные сказки

КАК МИРАЛИ ПЕРЕСПОРИЛ САМОГО ПАДИШАХА

Падишах Султан-Союн любил поговорить с Мирали. Когда мудрый визирь падишаха не мог ответить ему на какой-нибудь вопрос, падишах призывал Мирали. Так было и на этот раз.

Султан-Союн лежал на своём ложе, покрытом коврами, на нём был теплый халат, а покои его согревал огонь в очаге.

— Знаешь, о чём я думаю, Мирали?— спросил падишах.

— Как я могу знать, о чём думает великий падишах?— сказал Мирали.

— Я скажу тебе, о чём я думаю,— сказал падишах.— Вот если сейчас, среди зимы, послать на вершину горы человека, чтобы он провёл там всю ночь, и у человека этого не будет огня — он ведь непременно замёрзнет и не вернётся назад живой? Верно я говорю?

— Да простит меня милостивый падишах,— сказал Мирали,— но я думаю, что милостивый падишах ошибается. В горах и без огня можно провести ночь и не замёрзнуть.

— Вот и проведи,— сказал падишах,— если останешься жив, отсыплю тебе золота, да не один мешок, а целую гору, и чтобы вершина этой горы вровень с твоей головой была.

— Согласен,— сказал Мирали.

— А если замёрзнешь — твоя вина, потеряешь и жизнь, и золото.

— Согласен,— сказал Мирали.

Мирали собрал у соседей сорок одеял и пошёл в горы. На самую высокую вершину взобрался. Там постелил он на снегу тридцать девять одеял — одно на другое,— а сороковым укрылся. И так ему было тепло, что он всю ночь проспал и ни разу не проснулся!

Утром спустился он вниз, приходит во дворец и говорит падишаху:

— Я пришёл получить золото, великий падишах! Вели твоему казначею насыпать мешки!

Не хочется падишаху расставаться с золотом.

— А ну-ка признавайся, не разводил ли ты ночью костёр?—

говорит падишах.— Что-то не верится мне, что ты без огня на горе переночевал!

— Пошли своих слуг, милостивый падишах, они тебе скажут, есть ли на том месте, где я ночевал, след костра.

— А может быть, кто-нибудь другой разжигал поблизости костёр?— спросил падишах.— Что, правду я говорю?

— Ты угадал, великий падишах,— сказал Мирали.— На горе, что по другую сторону ущелья, я видел огонёк. Это, верно, пастухи жгли костёр.

— Вот-вот,— обрадовался падишах,— этот костёр и согревал тебя, иначе ты бы замёрз. Ступай отсюда и впредь не спорь со мной!

Прошло сколько-то времени, и снова Султан-Союн послал за Мирали своего гонца.

— Передай падишаху,— сказал Мирали,— что я тотчас приду, только выпью чашечку чаю. Я как раз поставил на огонь кувшин, чтобы вскипятить воду.

Падишах ждал час, и другой, и снова послал гонца к Мирали.

— Понимаешь, друг, вода ещё не закипела в кувшине,— сказал Мирали.— Чуть закипит, я сразу приду, да простит меня великий падишах!

Султан-Союн ждал до самого вечера, но Мирали не пришёл. Султан-Союн так разгневался, что отправился к нему сам. А Мирали преспокойно сидел у себя во дворике и грелся возле очага.

— Ты почему сидишь тут как ни в чём не бывало, когда тебя зовёт твой падишах?— спросил Султан-Союн.

— Вода в кувшине ещё не закипела, мой падишах,— сказал Мирали.— Вот я и не могу отойти от очага.

— Да где же твой кувшин? Я не вижу кувшина на очаге,— сказал падишах.

— А вон он стоит, возле сарая.

— Ты смеёшься надо мной, Мирали? Или ты сошёл с ума? Как же может закипеть вода, если кувшин стоит около сарая?

— Почему же этого не может быть, мой падишах?— сказал Мирали.— Мог же я согреться в горах от костра, зажжённого на другой стороне ущелья в десяти верстах от меня. А кувшин стоит только в десяти шагах от огня. Почему же вода в нём не может закипеть?

ГОРА САМОЦВЕТОВ

Когда-то в одном селении жила старушка-вдова, и был у неё сын — Мирали. Жили они бедно. Старуха для людей шерсть чесала, шила, стирала — тем и зарабатывала на пропитание.

Когда Мирали подрос, мать сказала:

— Эй, сынок, я уже не в силах работать. Найди-ка себе какое-нибудь занятие, которым мог бы ты сам прокормиться.

— Хорошо,— сказал Мирали и отправился на заработки.

Ходил он туда, ходил он сюда — нигде не мог найти работу. Наконец пришёл к одному баю и спрашивает:

— Эй, бай, не нужен ли тебе работник?

— Нужен,— отвечает бай.

И нанял Мирали в работники.

Прошёл день — бай ничего не заставляет своего работника делать. Прошёл другой день — бай не даёт никаких приказаний. Прошёл третий день — бай как будто и не замечает своего работника.

Удивительным показалось это Мирали.

«Для чего же бай нанял меня?»— думает он.

Пришёл к баю и спрашивает:

— Будет ли для меня какая-нибудь работа?

— Будет,— отвечает бай.— Завтра поедешь вместе со мной.

На другой день бай приказал Мирали зарезать быка и снять с него шкуру. Потом велел принести четыре больших мешка и привести двух верблюдов. На одного верблюда положили бычью шкуру и мешки, на другого бай уселся сам, и они тронулись в путь.

Добрались они до подножия дальней горы. Тут бай остановил верблюдов и приказал Мирали снять мешки и бычью шкуру.

Когда Мирали сделал это, бай велел ему вывернуть бычью шкуру и лечь на неё. Не понял Мирали, для чего это нужно, но спорить не посмел — сделал так, как приказал хозяин.

Бай закатал Мирали в шкуру, обвязал ремнями, а сам спрятался за камнем.

Немного погодя прилетели две большие хищные птицы, схватили клювами свежую бычью шкуру и подняли её на самую вершину неприступной горы.

Здесь птицы принялись тащить шкуру в разные стороны клювами и когтями и разорвали её. Увидели они человека, испугались и поспешно улетели, а бычью шкуру прихватили с собой.

Встал Мирали и начал осматриваться кругом.

Увидел это бай снизу и закричал:

— Что же ты стоишь? Бросай-ка мне цветные камни, которые лежат у тебя под ногами!

Взглянул Мирали — и правда: всюду рассыпано множество драгоценных камней — и алмазы, и рубины, и яхонты, и

изумруды, и бирюза... Крупные, красивые, так и сверкают на солнце!

Стал Мирали собирать камни и бросать их вниз. Мирали бросает, а бай подбирает да наполняет свои большие мешки.

Бросал, бросал Мирали баю драгоценные камни и стал тревожиться.

— Господин, как же я отсюда спущусь?— кричит он баю.

— Пока кидай мне побольше камней, а потом уж я тебе скажу, как спуститься с горы,— отвечает бай.

Мирали поверил и продолжал сбрасывать с горы драгоценные камни.

Когда все мешки наполнились доверху, бай навьючил их на верблюдов и крикнул, посмеиваясь:

— Сын мой! Теперь, надеюсь, ты и сам понял, какую работу я поручаю моим работникам? Посмотри, сколько их на горе!

Сказал это бай и уехал.

Остался Мирали один на горе́. Принялся он искать место, где бы сойти, но вокруг были обрывы да пропасти, и всюду валялись кости. Это были кости таких же, как он, работников бая...

Страшно стало Мирали.

Вдруг над ним что-то зашумело. Не успел он оглянуться, как на него налетел огромный орёл и хотел его растерзать. Но Мирали не растерялся: он крепко уцепился обеими руками за лапы орла. Закричал орёл, поднялся в воздух и стал летать туда и сюда — всё старался сбросить Мирали. Наконец он устал и спустился на землю. Тут Мирали выпустил орла, и тот улетел.

Так Мирали избавился от гибели.

Пошёл он на базар и снова стал наниматься в работники. Смотрит — идёт бай, его бывший хозяин.

— Не наймёшь ли меня в работники?— спрашивает Мирали.

Баю и в голову не пришло, что его работник остался в живых — до сих пор этого никогда не случалось. Не узнал он Мирали — принял за другого, нанял его и повёл к себе.

Вскоре бай приказал работнику зарезать быка и снять с него шкуру. Затем велел привести двух верблюдов и принести четыре мешка.

Направились они к подножию той же горы.

Как и в тот раз, бай велел Мирали лечь на бычью шкуру и завернуться в неё.

— Покажи мне, как это сделать: я что-то не пойму!— сказал Мирали.

— Чего ж здесь понимать? Ложись вот так!— сказал бай и растянулся на вывернутой шкуре.

Тут Мирали завернул бая в шкуру, крепко завязал её ремнями и отошёл в сторону.

— Эй, сын мой!— закричал бай.— Что ты со мной сделал?

Но тут подлетели две хищные птицы, схватили бычью шкуру и поднялись с ней на вершину горы. Там они стали клювами и когтями рвать шкуру. Увидели птицы человека, испугались и улетели. Поднялся бай на ноги.

— Эй, бай, не теряй времени даром — бросай сюда драгоценные камни, как я тебе кидал!— закричал снизу Мирали.

Только теперь бай узнал своего работника. Задрожал от страха и злости и закричал:

— Как же ты в прошлый раз спустился с этой горы? Отвечай скорее!

— Накидай вниз побольше драгоценных камней, а когда кончишь, я скажу тебе, как спуститься!— ответил Мирали.

Бай принялся кидать драгоценные камни, а Мирали собирал их. Наполнил он мешки, навьючил на верблюдов и крикнул баю:

— Эй, бай, взгляни: вокруг тебя разбросаны кости людей, которых ты погубил! Вот ты хорошенько и расспроси их, как спуститься с горы, а я тем временем отправлюсь домой!

Повернул Мирали верблюдов и поехал к своей матери.

Заметался бай на горе, стал кричать, грозить, упрашивать. Да только никто не услышал его.

Эстонские народные сказки

ЗАПРЕТНЫЙ УЗЕЛ

Как-то выдался в рыбачьем посёлке неудачливый год. С осени рыба плохо шла в сети — к весне и опустели кладовые. У рыбаков рыба — что хлеб у крестьян. Нет рыбы — всё село голодает.

Собрались рыбаки все вместе и стали совет держать. Как быть, что делать? В море выходить — время не пришло, дома оставаться — совсем пропадёшь.

Думали-думали рыбаки и решили попытать счастья.

— Может, смилуется над нами море, хоть что-нибудь да пошлёт в наши сети!

А один рыбак сказал:

— Уж не знаю, сказки ли это или правда, а говорят, старик Каарел когда-то водил дружбу с самой хозяйкой моря. Уж, верно, он-то знает, как приманить рыбу.

— Что-то и мне вспоминается,— сказал другой рыбак.— Я ещё мальчонкой был, дед рассказывал, будто есть у Каарела заветная вещица, что во всякое время рыбу приманивает. Не пойти ли нам к старику — может, он даст её нам на счастье!

На самом краю села жил Каарел. Был он когда-то храбрым и удачливым рыбаком. Но давно уже время согнуло его спину, и не только в море перестал ходить старик, а и за порог своей хижины редко переступал. Но когда рыбаки постучались в дверь, Каарел вышел к ним и сказал:

— Знаю, друзья, зачем вы пришли ко мне, и вот что я скажу вам: добрый рыбак не на счастье надеется, а на умение своё и на силу своих рук. Но вы затеяли трудное дело. До времени выходите в море, а море этого не любит. Хорошо, идите смело, я помогу вам.

Тут старый Каарел снял с себя шейный платок и показал рыбакам.

— Видите — на платке три узла. Первый узел принесёт вам попутный ветер. Развяжите его, как поднимете парус. Второй узел приманит к вам рыбу. Развяжите его, как закинете

сети. Третий узел совсем не развязывайте. А развяжете — ждите беды. И ещё вам скажу: будьте довольны тем, что пошлёт вам само море. Сколько бы ни попалось вам рыбы, не закидывайте сети второй раз.

— Не бойся, Каарел,— ответили рыбаки.— Как ты скажешь, так и сделаем. Слово тебе даём.

— Ну смотрите, слово моряка — верное слово,— сказал старик и отдал рыбакам платок.

Всю ночь рыбаки смолили баркас и чинили сети. К утру всё было готово.

Рыбаки прыгнули в лодку и оттолкнулись от берега.

Скоро они вышли из залива и поставили парус. Тут старшина вынул платок старого Каарела и сказал:

— Развяжем первый узел.

Узел развязали. И сейчас же задул свежий ветер, наполнил паруса и погнал лодку вперёд.

Хорошо шла лодка. Без руля поворачивала, как ножом рассекала волны. Далеко в открытое море заплыли рыбаки. И вдруг ветер стих, парус упал, лодка остановилась.

— Верно, это и есть то место, о котором говорил старик!— сказали рыбаки.— Поставим здесь наши сети.

Дружно взялись все за работу. Бросили якорь, расправили сети и закинули в море.

— Теперь развязывай второй узел!— крикнули рыбаки.

Старшина вынул из-за пазухи платок старика Каарела и развязал узел. И только он его развязал, в море что-то заплескалось, круги пошли по воде, поплавки дрогнули на сетях.

Рыбаки подождали, пока всё кругом утихнет, и стали осторожно выбирать сети. Никогда еще сети не были такими тяжёлыми. Изо всех сил тянули их рыбаки. Наконец края сетей поднялись над водой. Рыба прямо кишела в неводе. Серебристая чешуя блестела на солнце так, что глазам было больно смотреть.

— Раз, два!— скомандовал старшина.

Рыбаки дёрнули сети — и рыба посыпалась в лодку.

— Хороший улов!— сказал один рыбак.— Спасибо старику Каарелу.

— Так-то оно так!— ответил другой рыбак.— Да нам, чтобы все до самой путины были сыты, надо бы три таких улова. Не закинуть ли, друзья, ещё раз сети?

— Что ты, что ты!— сказал самый молодой рыбак.— Вспомни, что говорил Каарел: будьте довольны тем, что пошлёт вам само море.

— Ну, старым и малым немного надо,— засмеялся старшина.— А нам стыдно будет, если вернёмся с лодкой, не полной до краёв.

И рыбаки снова закинули сети.

Но на этот раз не было им удачи. Пустые сети вытащили ловцы. И малой рыбёшки не поймали.

Рыбаки приуныли, а старшина сказал:

— Это потому, что мы не развязали третьего узла на платке старого Каарела. Сами видите — не простой у него платок. Каждый узел приманивает удачу. Остался еще один, развяжем и его. Тогда уже доверху будет полна наша лодка.

— Ой, старшина,— сказал теперь самый старый рыбак,— ведь Каарел велел не трогать этот узел.

— Ну, ты ведь тоже старик,— ответил старшина,— а у стариков известная поговорка — до трёх раз судьбу не испытывай. Только ведь и по-другому говорят: дураки от счастья отказываются.

— И то правда,— сказали рыбаки.— Эх, будь что будет! Развязывай, старшина, узел!

А у старшины давно уже платок наготове. Дёрнул он последний узел и развязал его. И тут море зашумело, волны поднялись за кормой, а поплавки на сетях так и заплясали.

— Ну, пошла рыба!— сказал старшина.— Разве не правду я вам говорил!

Обрадовались старики, еле дождались, пока пришло время тянуть сети. И опять, как и в первый раз, сети показались им очень тяжёлыми. Но рыбаки — крепкий народ. Дружно налегли они на канаты и выдернули невод. И что же! В сетях билась одна-единственная рыба. Это была на удивление большая щука, а хвост у неё был тупой, точно его обрубили топором.

— Ну и чудище!— подивились рыбаки и с досадой бросили щуку в лодку.

Тем временем солнце уже стало спускаться к воде. Волны успокоились перед закатом.

И вдруг какие-то голоса разнеслись по затихшему морю. Рыбаки вскочили и посмотрели кругом.

«Кого это ещё нужда до времени выгнала в море?»— подумали они.

Но нигде не было видно ни одной лодки.

— Должно быть, это кричала чайка,— сказал старшина.

Тут звонко и протяжно заиграл рожок, будто пастух в селе сзывал стадо. Потом женский голос спросил:

— Все ли дома?

А звонкий девичий голос ответил:

— Все дома. Только бесхвостого козла нет.

И опять заиграл рожок, ещё громче, ещё протяжнее.

В лодке вдруг забилась щука, она во всю ширь разевала свой зубастый рот и изо всех сил расталкивала других рыб. Но старшина толкнул её сапогом, а товарищам громко крикнул:

— Поднимайте якорь! Что-то не нравится мне всё это. Уйдём поскорее отсюда.

Рыбаки подняли якорь и повернули лодки к родному берегу.

Но что за чудеса! Как ни налегали они на вёсла — лодка ни с места. Будто море студнем застыло, будто дно лодки приросло к воде. Рыбаки дружно поднимали вёсла, а лодка и на вершок не подвигалась вперед.

Всю ночь промучились рыбаки. Они то бросали, отчаявшись, вёсла, то снова принимались грести, но ничто не помогало. Казалось, никакая сила не может сдвинуть лодку.

На рассвете, чуть только заалело на востоке, опять послышались удивительные голоса:

— Все ли проснулись, все ли собрались?

— Все проснулись, все собрались, только бесхвостого козла все нет как нет!

И снова заиграл рожок, и тоненько зазвенели колокольчики. А в лодке вдруг зашевелилась рыба. С самого дна, извиваясь, выползла удивительная щука, раскрыла свой зубастый рот и захлопала жабрами.

— Что за беспокойное чудовище!— проворчал старшина и вдруг подумал: «Уж не в ней ли всё дело? Не её ли там дожидаются?»

Тут старшина вскочил со скамейки, схватил щуку и бросил за борт.

И сейчас же где-то далеко, может, на дне моря, кто-то захлопал в ладоши и весело закричал:

— Смотрите, смотрите, бесхвостый козёл плывёт к дому! Вон как торопится, даже пузыри пускает!

Больше рыбаки ничего не слышали. Поднялся такой страшный ветер, так загрохотали волны, что рыбаки и друг друга-то не могли расслышать.

Лодку сорвало с места и понесло по волнам.

Целый день кружились рыбаки в бушующем море. Лодка то взлетала высоко вверх, точно хотела подняться к облакам, то проваливалась глубоко-глубоко вниз, чуть не на самое дно моря. Такой бури, верно, и старики не помнили на своём веку.

К вечеру лодку прибило к скалистому острову. Рыбаки выпрыгнули на берег и кое-как вытащили лодку на сушу.

— Что это за остров?— спрашивали они друг друга.— Куда это нас занесло?

Тут из-за скалы вышел маленький старичок. Спина у него была согнута колесом, а белая борода падала чуть не до земли.

— Это остров Хиу-маа,— сказал старик.— Не мудрено, что вы его не знаете. Редко кто заплывает сюда по доброй воле.

Старик повёл рыбаков в бревенчатую хижину за скалами, обогрел, накормил, а потом сказал:

— Кто вы такие и откуда? И зачем так рано вышли рыбачить?

— Что же нам было делать? Опустели наши кладовые, голод настал в посёлке,— ответили рыбаки и рассказали старику всё, что с ними было. Только об одном они умолчали — о том, как развязали третий, запретный, узел на платке старого Каарела.

Старик выслушал их и сказал:

— Когда-то я знавал вашего Каарела. Храбрый он и мудрый рыбак. Море для него — что дом родной. Знаете, куда он направил вашу лодку? Прямо к выгону морской хозяйки. Там пасёт она свою рыбу. Но рыба её хитра и умна — никогда не попадётся в сети. В ваш-то невод попались рыбьи стаи, что заплывают издалека покормиться вместе со стадами морской хозяйки. А вот как бесхвостая щука забрела в ваши сети — никак не пойму. Чем это вы её приманили?

Тут поняли рыбаки, от какой беды хотел их уберечь Каарел, но ничего не ответили старику. Тяжело было у них на сердце. Буря на море не стихала, ветер так и завывал в трубе, и крупные брызги стучали в оконце. Верно, не на один день заладила непогода.

Старик уложил рыбаков в углу хижины на старые сети, и они заснули крепким сном.

На рассвете старик разбудил рыбаков. Буря всё так же ревела за окном, и волны грохотали о камни. Рыбаки совсем приуныли.

— Что же нам делать? — спросили они старика.— Этак нам никогда не выбраться отсюда. А дома ждут голодные дети.

— Ничего,— ответил старик,— может, и выберетесь. Ну-ка, дайте мне платок старого Каарела.

Старшина нехотя вынул платок и отдал его старику.

Посмотрел старик на платок и покачал головой.

— Когда-то я уже видел его. Только, помнится мне, было на нём три узла. Два узла — сами говорите — вы развязали, а где же третий узел?

Что было делать рыбакам? Всё рассказали они без утайки.

Нахмурился старик.

— Плохие вы моряки!— сказал он.— Старого Каарела вы не послушались и меня обмануть хотели.

Стыдно стало рыбакам, низко опустили они головы.

— Ну,— сказал старик,— вижу, что вы и так наказаны. Ради старого Каарела, ради ваших голодных детей помогу вам.

Тут старик взял платок, завязал на нём узел и сказал:

— Смотрите же, чтобы вперёд ваше слово всегда было так крепко, как этот узел.

И только он затянул петлю — ветер за окном разом утих и волны улеглись в море. Будто и не было бури.

Рыбаки поблагодарили старика и пошли к своей лодке.

Старик проводил их до самого берега и, когда подняли парус, махнул рукой, будто на прощанье. И сейчас же лёгкий ветер надул парус, и лодка понеслась по тихому морю.

В тот же день рыбаки приплыли к своему посёлку. С радостью встретили их друзья и родные.

А улова хватило до самой путины.

Всё хорошо, что хорошо кончается. Но рыбаки никогда не забывали полученного урока. С тех пор слово моряка так же крепко, как и морские узлы, что они завязывают на канатах.

Да и вы почаще вспоминайте эту сказку: ведь не только моряки должны быть верны своему слову.

КАЖДЫЙ СВОЁ ПОЛУЧИЛ

Шёл однажды по дороге бедный старик прохожий. Время было уже вечернее, смеркалось.

Решил прохожий зайти в ближний дом, попроситься на ночлег. Стукнулся в окошко большого дома:

— Пустите переночевать!

Вышла из дома хозяйка-богачка и давай бранить прохожего, давай кричать на него.

— Сейчас,— кричит,— собак с цепи спущу! Узнаешь, какой у меня ночлег! Поди прочь!

Пошёл прохожий дальше. Увидел бедный, маленький домик, постучался в оконце и сказал:

— Эй, хозяева, приютите меня не одну ночку!

— Входи-входи!— приветливо отозвалась хозяйка.— Ночуй, только не взыщи — тесно у меня очень.

Вошёл прохожий в дом и видит: бедно в доме, ребятишек много, рубашонки на всех рваные.

— Почему же это у тебя ребята в таких лохмотьях ходят?— спрашивает прохожий.— Почему ты им новые рубашки не сошьёшь?

— Куда там!— отвечает женщина.— Муж у меня умер, одна я ребят ращу, где уж мне им новые рубашки шить!... У нас и на хлеб денег нет.

Выслушал её прохожий, ни слова в ответ не сказал. А хозяйка собрала на стол ужин и стала звать прохожего:

— Садись, поешь с нами!

— Нет,— отвечает прохожий,— не хочу. Сыт я, недавно поел.

Развязал он свою сумку, достал всё что было съестного и сам угостил ребят. А потом улёгся и сейчас же заснул.

Рано утром старик проснулся, поблагодарил хозяйку за ночлег и сказал на прощанье:

— Всё, что ты начнёшь делать с утра, будешь делать до вечера!

Не поняла женщина слов прохожего и внимания на них не обратила. Проводила она старика до калитки, вернулась домой и подумала:

«Ну, если даже этот бедняк говорит, что мои дети оборвыши, то что же могут сказать другие!»

И решила она сшить из остатков полотна, которое у неё было, хоть одну рубашку. Отправилась к богатой соседке и попросила у неё аршин, чтобы вымерить полотно: хватит ли его хоть на одну рубашку?

Возвратилась бедная женщина от соседки и тотчас же отправилась в кладовую.

Взяла с полки кусок полотна и стала мерить его. Она мерит, а кусок всё длиннее становится, всё конца не видно... Целый день мерила и только поздно вечером домерила до конца.

Ну, теперь и ей самой и всем её ребятам на всю жизнь хватит полотна для рубашек!

«Так вот о чём говорил мне утром прохожий!»— догадалась бедная женщина.

Вечером она отнесла аршин богатой соседке и рассказала ей без утайки, как она по слову прохожего получила полную кладовую полотна.

«Ах, зачем я этого прохожего не пустила ночевать!»— подумала богачка и закричала:

— Эй, работник! Запряги-ка поскорее лошадь! Скачи вслед за нищим! Во что бы то ни стало привези его сюда! Бедным надо помогать не скупясь! Я всегда это говорила!

Работник тотчас же поехал разыскивать старика прохожего. Только на следующий день он нагнал его, но старик не захотел возвращаться.

Загоревал работник и говорит:

— Ну, беда мне: не привезу тебя — выгонит меня хозяйка и жалованье не отдаст...

— Не горюй, паренёк,— отвечает старик,— так и быть, поеду с тобой!

Сел в повозку и поехал.

А богачка у ворот стоит, ждёт не дождётся. Встретила старика с поклонами, с улыбками, провела в дом, напоила, накормила, на мягкую постель уложила:

— Ложись, дедушка, отдыхай, милый!

Прожил старик прохожий у богачки день, прожил другой, прожил третий. Ест, пьёт, спит, трубочку курит. Хозяйка его угощает, ласковые слова ему говорит, а сама злится, думает: «И когда только этот старый негодник уберётся отсюда!»

А прогнать старика не смеет — боится: прогонишь его, тогда все хлопоты даром пропадут.

На четвёртый день, к великой её радости, рано утром прохожий стал собираться в дорогу. Богачка вышла его проводить. Идёт старик к воротам, а сам молчит. Вышел за ворота — и опять ни словечка. Не вытерпела и говорит:

— Скажи-ка ты, что мне делать сегодня?

Посмотрел на неё прохожий и сказал:

— Всё, что начнёшь делать с утра, будешь делать до вечера!

Вбежала богачка в дом, схватила аршин, чтобы мерить полотно. Но тут она громко чихнула — так громко, что куры на дворе в испуге разлетелись в стороны.

И чихала она весь день не останавливаясь:

— Ап-чхи! Ап-чхи! Ап-чхи!

Ни пить, ни есть, ни отвечать на вопросы богачка не могла. Только и слышно было:

— Ап-чхи! Ап-чхи! Ап-чхи!

И только когда солнце закатилось и совсем стемнело, перестала она чихать.

СОДЕРЖАНИЕ

ДЛЯ ДЕТЕЙ
МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

СКАЗКИ НАРОДОВ СССР

Составитель *Г. Ертлесова*

Редактор
Г. Шангитбаева
Художник
Е. Кудинов
Художественный редактор
Н. Бубэ
Технический редактор
Л. Самойлова
Корректоры
Г. Нуржаyова, О. Петрова

ИБ № 3203

Сдано в набор 24.04.86 Подписано в печать 15.09.86. Формат 60×90$^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура Тип «Бодони». Печать офсетная. Усл. п. л. 16,0. Уч. -изд. л. 16,69. Учетных кр.-отт. 51,0. Тираж 800 000 (6-й з-д 500 001—600 000). Заказ 551. Цена 90 к.

Издательство «Жалын» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 480124, г. Алма-Ата, пр. Абая, 143.

Фабрика книги производственного объединения полиграфических предприятий «КІТАП» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 480124, г. Алма-Ата, пр. Гагарина, 93.

90 к.

